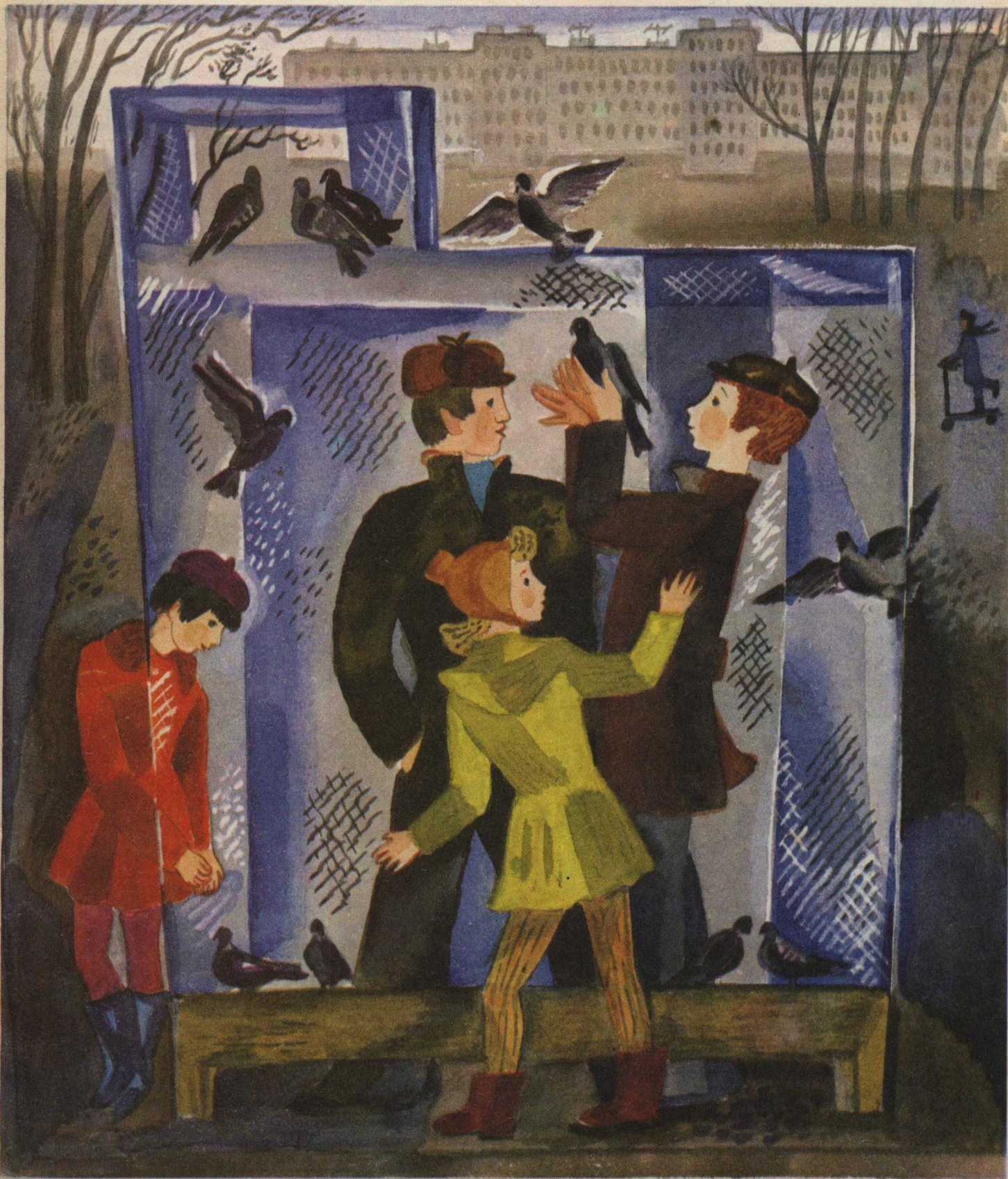

КОСТЁР

3

МАРТ

1975

КОСТЁР

3

МАРТ

1975

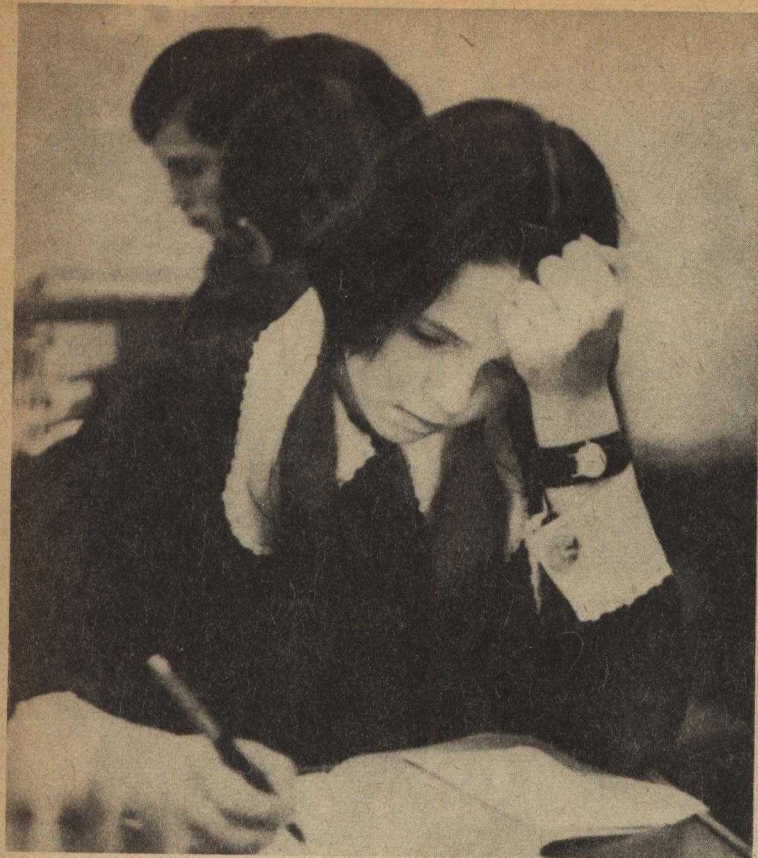
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1975 г.

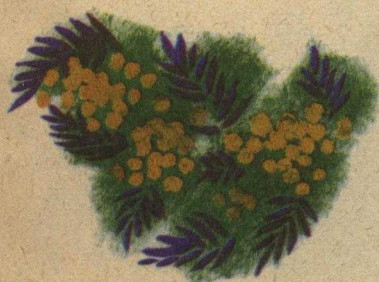
ФОТОГРАФИИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

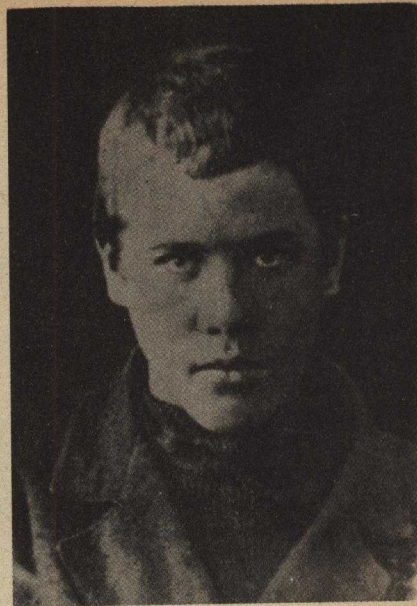
Об авторе снимков,
ученике 6 класса,
Леонардасе Скирпстасе
читайте на стр. 25

Выводит оградитое „восьмь“
малышкѣ на солнечном лѣду...
Такое бываетъ лишь в картѣ -
вотъ вѣтка лилиозы на картѣ
лежитъ у ребятъ на виду.
Ну кто се дальѣе подберѣси?!

Иван Плотников

Николай Плотников

Две горсти

СВИДАНИЕ С ПРОШЛЫМ

...В зале погас свет, и на экране появился партизанский обоз. Шла хроника военных лет.

Меж деревьев замелькали фашистские каски. Солдаты шли цепочкой по большаку. Пуля, срезавшая сосновую ветку, заставила их залечь.

Грохота боя не было слышно — хронике снимали без звукозаписи, но в том, что этот грохот был, сомневаться не приходилось: ППШ в руках партизан яростно тряслись.

Стрекотала киноустановка, в темном зале парили два луча, временами вздрагивая и переключиваясь.

Виктор Того

земли

И тут — прямо из зрительного зала раздался возглас:

— Да это же наш Плотников!

Это было так неожиданно: в зале сидели не какие-нибудь мальчишки, а взрослые люди. Многие с орденами и медалями или с орденскими планками. А некоторые даже с Золотой Звездой. Шел вечер встречи ленинградских партизан. На экране мелькали кадры, снятые в партизанских лесах. Плотников... Откуда я знал эту фамилию? Среди моих знакомых Плотниковых как будто не имелось. Но память подсказывала именно это сочетание — партизан Плотников...

Вспомнил! Это имя называла Антонина Васильевна Марушкова, бывший парторг 4-й партизанской бригады. Той самой, в которой воевал Леня Голиков.

Вспомнил даже ее слова: «Много было отважных ребят. Много настоящих героев. Только очень жаль, что наш Ванюшка Плотников остался героем безымянным...»

Ведь потом я не раз вспоминал о встрече с ней и даже написал парфинским пионерам, просил их разузнать все, что можно, о юном партизане Ване

Плотникове. Просил разыскать людей, которые воевали рядом с ним тридцать с лишним лет тому назад.

Из Парфино быстро пришел ответ. Ребята писали:

«Получив ваше письмо, мы, следопыты 7 «а» класса, изъявили желание включиться в операцию «Поиск», которую проводит журнал «Костер». Наш классный руководитель Любовь Ивановна Барина в курсе всех наших дел...»

Скоро мы вышлем вам несколько донесений...»

Потом от ребят долго ничего не было. Да и мне пришлось срочно уехать в командировку на Алтай. Встреча наша откладывалась... Но о Ване Плотникове я не забывал.

И вот, после кинофильма, в разговоре с ветеранами партизанского движения я снова услышал знакомую фамилию: Плотников...

Какой Плотников? Не из Парфино ли?

— Оттуда, — сказали мне, — Коля Плотников — парфинский паренек. Лет пятнадцати. Тихий, скромный...

— Почему Коля? Ваня!

— Да нет, вы что-то путаете... Вместе с ним я воевал в одном отряде... Коля! Мы, бывало, смеялись над ним, кто кого носит. Коля автомат «ППШ» или «ППШ» Колю: росточка-то он был небольшого. Любили его в отряде. Настоящий герой был!

«Странно, — подумал я, — может быть, слушая рассказ Антонины Васильевны Марушковой, я перепутал имя?»

И вот снова письмо из Парфино. В письме запись рассказа Тамары Ивановны Пономаревой, которая хорошо знала Плотникова до 1941 года:

— «С Колей Плотниковым я училась с первого класса. Не скажу, чтобы он рвался в отличники, но фантазер был первостепенный. Бывало, никто не знал покоя от его «изобретений»... То он бомбу сделает: бутылка с известью да вода, а шуму — на всю деревню... Или пулемет какой... А еще он любил Чапаевым представлять-

ся... А то, помню, как он Ваньку Тузанова спас. Купались мы в Ловати. День жаркий, в июне или июле дело было. Вот Тузан и давай дурачиться: тону, дескать... Никто, конечно, на него внимания не обращает, а он вдруг и взаправду стал тонуть... Волна накатилась, стал Ванька пузыри пускать. Кинулся Коля в воду, в одежде прямо, вытащил Тузанка...»

Опять — Коля! И пишет о нем человек, который учился в одном классе с ним, может, за одной партией сидел... Странная путаница...

И вот я в редакции «Костра». Подробно рассказал обо всем.

В тот же вечер с командировочным предписанием журнала я уже был в дороге.

РОДИНА ЧЕТВЕРТОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ

Село Парфино лежит в междуречье Лозати и Пола на Новгородчине. До войны здесь был поселок фанерного комбината, а с недавнего времени это — районный центр. Вьется узкая змейка грунтовой дороги. Лес да болота. Устанет петлять дорога — выбежит к Ловати, оборвется... Остановка. Жди, пока с той стороны приползет паром.

В жаркие дни сорок первого года иссохла Ловать и обмелела Пола. Огненное дыхание войны опалило здешние места. Из рук в руки переходили Старая Русса и Парфино. Здесь, когда попала в окружение 16-я армия фон-Буша, в мартовские дни сорок второго года и была сформирована 4-я Ленинградская партизанская бригада.

...Я разыскал классного руководителя седьмого «а», Любовь Ивановну Баринкову. Прежде всего спросил о путанице с именами — Ваня Плотников или Коля? Любовь Ивановна улыбнулась, молча раскрыла ящик стола, достала папку и, порывшись в ней, протянула две фотографии.

— Вот, — сказала она. — Это Ваня, а это — Коля. Два брата Плотниковы. Коля — помладше, Ваня — постарше. Тут никакой путаницы нет... Сейчас уроки окончатся, мы с вами пройдем в класс, там у ребят картотека есть с адресами пар-

испанские — «барбансонами» их называли. Если человек твоего роста встанет и вытянет руку, до холки не достанет. На таких конях пахать — трактора не надо. Вот и глядят наши разведчики: охрана так себе — несколько человек. Да-

Фотография 1939 года. 1-я Парфинская школа, 6-й класс. В верхнем ряду крайний слева — Коля Плотников

тизан, всех, кто знал Ваню и Колю.

Вот и седьмой «а»... Олег Андреев — командир группы «Поиск», Боря Петров, Вова Тимофеев, Наташа Сергеева, Аня Федорова. Дали мне в провозжатые Таню Осипову, и пошли мы с ней в дом к Ивану Дмитриевичу Удальцову, бывшему политруку партизанской роты.

БОЙ ПОД ОКЛЮЖЬЕМ

Рассказывает
И. Д. Удальцов:

— Он, Коля Плотников, считайте, мне вместо сына был. Не один раз мы с ним на дело ходили. И погиб он на моих глазах... Как сейчас помню тот бой под Оклюжьем... Бригадная разведка шла с заданием. По пути ей обоз немецкий встретился. Здоровые такие битюги, не то бельгийские, не то

ли по ним из автоматов очередь. Отбили коней. И нет, чтобы кружным путем — через секреты, а прямиком, через болото, в наш партизанский лагерь. Привели «барбансонов» в лагерь, а фашист по их следам...

Сидим мы — к вечеру дело клонит, — беседу ведем, вижу я: мужики идут. Я сперва их за своих принял. А «свои» автоматы с плеча да по нам... Новиков аккуратно заместо комбрига был. Он и кричит: «В ружье!» Отбили фрица. Но наших троих они положили. Захарова, Антонова да Колю Плотникова... Там под Оклюжьем их и похоронили.

— А Ваня?

— Вани тогда уже не было. Ваня погиб, когда мы еще в четвертой бригаде были.

Так услышал я о жизни и гибели младшего брата — Коли Плотникова.

А Ваня? При каких обстоятельствах погиб он? Где?..

На следующий день пошли

мы с ребятами к Алексею Александровичу Михайлову, бывшему командиру группы, в которую незадолго до гибели был включен Ваня Плотников.

„ПЕРЕДАЙТЕ КОМАНДИРУ!..“

Рассказывает
А. А. Михайлов:

— Как это было? Вызывает меня командир нашего отряда, дает задание: так, мол, и так, Михайлов, надо выйти на железную дорогу Дно — Старая Русса — вот сюда, — показывает по карте, — восточнее станции Морино. Ожидается эшелон с боевой техникой и живой силой. Его надо уничтожить. Задача: загодя группой в шесть-семь человек выйдешь к указанному месту. Передвигаться только ночью. Населенные пункты обходите. Людей подберешь по своему усмотрению.

Собрал я группу: двое братьев Петраковых, Гладков, Ванюшка Плотников и, кажется, Митька Соколов. Стояли мы тогда в деревне Большой Крутец. Это километрах в семидесяти от намеченного места. Как стемнело, вышли из лагеря. Идти далеко, не жарко — ночь. Я иду впереди. За мной цепочкой идет группа. Один несет тол, другой парашютные стропы. Зачем стропы? Расскажу... В первые дни, когда мы начинали свои партизанские действия, мы ставили под рельсы мины нажимного действия. Но немцы нас перехитрили. Стали пускать перед поездом платформу с камнем. Платформа подорвется, а поезд цел. Вот тогда и пошли в дело парашютные стропы. Поставишь мину, к чеке — стропу. Когда паровоз взойдет на то место, где мина, тяни стропу. Ладно... Вышли к реке. Я по карте сверяюсь. Приток Шелони. Идти осталось немного — километров двенадцать. Ближе к рассвету пришли на поляну. Слева — одинокий дом, справа — полоска леса — метров пять-шесть шириной, до самой ли-

нии тянется. Мы к этому леску. Он и привел нас к железной дороге.

Скинули рюкзаки. Присели. До линии — метров тридцать. По обе стороны от нее — лес повален. Враг он ведь хитрый. И насыпь как на ладони, и

Мать погибших партизан
Е. П. Плотникова

к линии бесшумно никто не подойдет. На насыпи — «стучальщики», путевые рабочие, путь проверяют. Но еще время терпит. Впереди почти двое суток. Митька Соколов — пулеметчик наш — гнездо пулеметное стал оборудовать. Установил пулемет Дегтярева. Я осмотрел взрывчатку. Ванюшка стропы разматывает. У каждого свое дело. Глядим: немцы идут. Патруль. Двое, автоматы за плечами. Хорошо — без собаки. Лежим. Наблюдаем. Под вечер еще два раза патруль прошел.

Ждем ночи. Инструктирую своих: кто что делать должен. Братья Петраковы выйдут на полотно, осмотрятся. Если все ладно, тихонечко подсвистнут. Потом выскочим мы. Гладков, Плотников Ванюшка да я. А Митька Соколов должен лежать с пулеметом, прикрывать, если что. Двое с лопатами. Им копать. Быстро-быстро под рельсом между шпал Гладков опустит тол. Я привяжу

стропу, которую Ванюшка разматывает. Вставлю взрыватель. Потом осторожно все засыпаем песочком. Заметем следы веткой. А дальше отойдем и — будем караулить поезд...

Лежим. Снова прошли патрули. А «стукальщики» и не думают уходить. Прошла дрезина с пулеметом на платформе. Потом — поезд. Но не наш. Поели мы. Пить захотелось, а воды нет. Ночь прокоротали. День наступил. Пошел дождь. Промокли насквозь. Я уже нервничать стал. Ждать надоело. К вечеру дождь стих.

Опять ночь наступила. Наша ночь. Опять дождь начался. Новые «стукальщики» пришли. Что делать? Поезд пойдет сегодня. Он должен быть взорван. Но как? Разогнать «стукальщиков»? Себя выдашь... Ребята смотрят на меня. Ясно: операция срывается.

Говорю Петракову:

— Знаешь, Коль, не взорвать.

А Ванюшка Плотников:

— Я взорву...

Я даже рассердился на него — чего болтать! А время идет. Ночь на исходе. Светать стало. Часов так в пять слышим: идет поезд. Встали мы. Глядим — и «стукальщики» встали. Вот он, поезд наш. Шестнадцать вагонов с живой силой и танками. И тут Ванюшка Плотников оттолкнул Гладкова, схватил мешок со взрывчаткой. Я к нему: что ты затеял?! А он — шаг в сторону. «Передайте, — говорит, — командиру: задание будет выполнено!» — и бегом к насыпи.

«Стукальщики» стояли к нему спиной, а те, что заметили, ничего уже поделать не могли. Поезд со Старой Руссы летел на всех парах. Когда Ванюшка выскочил на насыпь, паровоз выкинул струю пара. Так и влетел он туда — под черный паровоз и под белую струю. ...Взрыв! Нас бросило на землю... А под откос — танки, вагоны с фашистскими солдатами...

Мы молчали, потрясенные рассказом Алексея Александровича. Взглянул я на затихших парфинских ребят. Хоть они и прежде уже слышали от Алексея Александровича этот рассказ, а сидели не шелохнувшись.

А потом уже, когда мы снова были в тихой после уроков школе, в седьмом «а», кто-то из ребят предложил:

— Надо, чтобы в Парфино была улица Вани Плотникова!

— И Коли Плотникова тоже!

— Пусть будет площадь Братьев Плотниковых!

Тогда-то и решили, что в Парфино надо силами пионеров построить обелиск, сделать на нем надпись, а в основание положить две горсти земли: с места гибели Вани и с могилы Коли Плотникова. Но для этого надо было найти эти места.

И мы решили искать...

Окончание следует

ПОХОД

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ПОХОДА

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ

«Кольцо вокруг фашистских войск под Сталинградом замкнули танковые части Юго-Западного и Сталинградского фронтов. Танковыми корпусами командовали генералы А. Г. Кравченко и В. Т. Вольский. Встреча танкистов произошла у деревни Советская. Условным знаком для советских танковых частей были зеленые ракеты...

Подвиг у селения Рогачик совершил гвардии сержант 15-й гвардейской стрелковой дивизии Николай Сердюков. Когда фашисты открыли огонь по нашим бойцам, Сердюков забросал дзот гранатами. Наши поднялись в атаку. Николай Сердюков погиб... Ему было всего девятнадцать лет.

Н. Ф. Сердюкову посмертно присвоили звание Героя Советского Союза...

Отряд „Поиск“, Ленинград

„КУРС—ПОБЕДА!“

ОТ ПОХОДНОГО ИНФОРМБЮРО

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ПОХОДА

После поражения под Сталинградом фашисты готовились взять реванш. Для наступления на позиции Красной Армии они выбрали место, называемое Курской дугой... Отборные дивизии фашистов стягивались втайне к Курской дуге. Сотни танков, пушек, самолетов. Сотни тысяч солдат... Фашисты назвали операцию — «Цитадель». Но фашисты просчитались. Красная Армия в тяжелых боях остановила их и перешла в контрнаступление.

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский писал о Курской битве: «...в этой страшной схватке был сломлен стеной хребет гитлеровской армии и фашистская Германия, окончательно потеряв надежду на успех, реально увидела перед собой поражение в войне».

ЗАДАНИЕ № 3

Штаб похода «Курс — Победа!» предлагает всем участникам похода вести поиск материалов о ветеранах Курской битвы.

Ждем ваших сообщений.

ВОЕННАЯ ВИКТОРИНА ПОХОДА

1. Как назывался и где проходил фронт, принявший на себя основной удар наступающих на Курск фашистских войск? Кто командовал этим фронтом?
2. В небе над Курской дугой воевали советские летчики. Среди них был летчик-истребитель, о мужестве и подвигах которого написан роман. Кто этот летчик? Сколько самолетов он сбил под Курском?
3. Когда и в честь каких побед Красной Армии был произведен ПЕРВЫЙ артиллерийский салют в Москве?

Командующий походом „Курс-Победа“
генерал-майор артиллерии И. Книш

Разведчики боевой славы при Ленинградском ордена Трудового Красного Знамени Дворце пионеров им. А. А. Жданова сообщили штабу похода:

«Мы ведем картотеку пропавших без вести воинов, имена которых получаем от их родственников. Собираем и уточняем сведения о 481 воине. Установили судьбы 42 без вести пропавших. Разыскали 38 могил, о чем сообщили родственникам погибших.

Мы собрали сведения о группе летчиков, в том числе о Василии Голубеве, погибшем над станцией Волосово 26 января 1944 года и повторившем подвиг Гастелло.

Сообщают пионеры дружины школы № 415 города Петергофа:

«Мы — красные следопыты. Собираем материал о братьях Горкушенко. Они до войны учились в нашей школе. Володя и Глеб Горкушенко погибли, защищая Родину. Мы были у мамы Глеба и Володи, которая живет в нашем городе. Посылаем в штаб фотографию Глеба и Володи Горкушенко. Мы любим и уважаем маму Глеба и Володи и в трудную минуту приходим ей на помощь. Мамой ее называют многие ребята Советского Союза, узнающие о братьях Горкушенко».

Оформление А. Курушина

Дорогая мамочка-
Лина Петровна!
Поздравляю вас с
Международным
праздником — 1 мая,
желаю здоровья и
даже лет жизни
и мира на всей
земле! Вместе!
Подарю вам
15 марширов, даю
как все крепко.
Получил от вас
письмо с маминым
большим счастьем.
1967.

Ленинград-Петро-
град.
ул. Озеркова 55/5,
кв. 11,
Таркушико А.П.
Тарковская авт.,
г. Красноярск,
школо-интернат,
адрес: 71.6.

Рисунок Ю. Шабанова

ПОДАРОК

РАССКАЗ

В. Оамер

Я был тогда совсем мальчишкой. Шла война. Наша семья жила далеко от фронта — на Урале, в Свердловске. Отец с матерью работали на одном из заводов и порой не выходили оттуда целыми сутками. На стенах домов были расклеены плакаты: «Всё для фронта, всё для победы!»

Наша улица каждый день дрожала стеклами домов. Это проходили танки. Они выползали, приземистые, еще не запыленные, из заводских ворот и колоннами тянулись через весь город на железнодорожную станцию, откуда поезда мчали их на фронт.

Больше всего я тогда мечтал попасть в такой танк и... к фронту, прямо с платформы — в бой.

Я учился в музыкальной школе по классу скрипки. Однажды в школе объявили, что на днях мы выступаем в одном из госпиталей и что каждый участник концерта должен сделать хоть какой-нибудь подарок раненому.

Подарок раненому... Бойцу. Человеку оттуда, куда ежедневно мчатся эти тяжеловесные поезда с танками, на толстой броне которых белеет надпись: «За Родину!» Может быть, тот человек ранен в одном из танковых боев...

Я ломал себе голову, что бы подарить такому человеку, но так ничего и не придумал. А между тем подарок стали готовить отец с матерью. И, конечно же, у них получилось совсем не то. Отец достал где-то пачку махорки и был очень доволен этим приобретением. Сам он не курил. Мать порылась в шкафу, нашла несколько носовых платков, шерстяной шарф, взяла катушку черных ниток, воткнула в нее несколько иголок, булавок, и все это сложила вместе с махоркой. А я все ходил, недовольно поглядывая на сборы, и никак не мог придумать, что бы подарить такое особенное.

Утром в день концерта, отстояв длинную очередь за хлебом, мать пришла домой и отрезала от пайки хороший ломоть. Добавила несколько кусочков сахару, несколько конвертов, листики писчей бумаги, два моих карандаша и печально уставилась на все это.

Потом мы вложили все приготовленное в небольшой фанерный ящик, выстланный белой бумагой, сверху письмо, которое еще ночью писал отец, и приколотили крышку. Незаметно я еще запихнул свои вязанные рукавицы, но мне было даже как-то совестно за них.

Я загреб под мышку ящичек, прихватил скрипку и — в музшколу. Там уже все собрались. Одеты кто как мог празднично, и у

каждого по пакету — у кого побольше, у кого поменьше. Только у меня одного фанерный ящик. Еще больше стало мне неловко за свой дурацкий подарок. Подали нам автобус. Забрался я на самое заднее сидение.

Автобус долго сворачивал с одной улицы на другую, и наконец мы въехали в тихий переулок и остановились. Высокие стены домов. Сумрачно. Который же здесь госпиталь? Все незнакомо. Только ребята свои да Елена Георгиевна, наша руководительница, в своей старой, помятой шляпке. И я почувствовал, что тот знакомый раненый тоже совсем чужой и находится где-то здесь, в этом чужом мне месте.

Из большого серого здания вышла женщина в белом халате. Елена Георгиевна пошла ей навстречу и махнула нам рукой. Вошли в госпиталь. Высокие потолки, тишина, запах больницы. Повели нас наверх, потом по какому-то путаному коридору, будто от нас что-то прятали. Повстречался раненый на костылях, дал нам дорогу, встав к стене: «А-а, артисты прибыли. Ждем, ждем. Давно уже...» Нас пригласили в небольшую комнату и сказали: «Располагайтесь, пожалуйста». Но Алешка застрял в дверях со своей виолончелью. Девчонки страшно злились на него, а он злился на свою виолончель, которая зацепилась чехлом за ручку двери и не отцеплялась.

Елена Георгиевна велела настроить инструменты, а сама заходила по комнате, нервно потирая руки. Вскоре вернулась женщина в белом халате и сказала: «Ну, дорогие ребята, все уже собрались и ждут вас». Елена Георгиевна забеспокоилась: «Сейчас пойдем и преподнесем подарки». Я взял свой шершавый ящичек. Вышли в коридор. Женщина раскрыла обе створки одной из дверей, и я увидел палату. Множество коек, на которых тесно пристроились мужчины в выцветших халатах, в шлепанцах на босу ногу и глядели на нас. Кое-где торчали костыли. На передних койках раненые лежали под одеялами, чуть приподнявшись на локтях. С минуту мы неподвижно смотрели друг на друга. Неожиданно Елена Георгиевна всхлипнула и вдруг заговорила совсем для нас незнакомо, торжественно: «Ну вот... мы и пришли, дорогие наши... (она спотыкалась почти на каждом слове, и за нее было очень неловко) защитники... чтобы от всего... чтобы от всех наших сердец... поблагодарить вас... поблагодарить за все... за все... — Она замолчала, растерянно провела рукой по седеющей голове и затем добавила: — Позвольте преподнести

вам наши скромные подарки». Я подошел к пожилому человеку, наверное, тяжелораненому. Лежал он в нижней рубашке, под одеялом по пояс, поднявшись повыше на подушке, и на меня смотрел так, что даже отец вспомнился. Подаю я ему свой подарок, а он взять его не может и улыбается как-то виновато. Положил я подарок на койку. Он мне что-то говорить стал, да я совсем смутился, куда-то заспешил. У выхода запнулся за чей-то костыль, тот с грохотом упал. Я совсем растерялся и бросился из палаты. Все получилось совсем не так, как я представлял, как ожидал все это время.

В коридоре ко мне подошла Елена Георгиевна и сказала: «Ты, Сережа, выступаешь шестым, так что будь готов».

Я смотрел в окно коридора и не заметил, как концерт начался. Играла Люба. Она всегда хорошо играет. Мне представился мой раненый, который сейчас, наверное, лежит неподвижно с моим подарком и слушает...

В ее игре на этот раз было что-то особенное. Даже ребята прислушались. Елена Георгиевна ходила по коридору и вся светилась.

Любу вызывали несколько раз. Я настроил скрипку и стал разминать пальцы. Теперь у меня было одно желание: мне хотелось сыграть так, как никогда раньше. «Сережа, — твой выход!» В палате объявляют мою фамилию. Ребята что-то зашептали мне, но я их не слышал. Вошел в палату, окинул взглядом людей и потом посмотрел на него. Он лежал в прежнем положении, с моим подарком рядом и улыбался мне тепло и дружески. И вдруг я почувствовал, что сейчас что-то произойдет. Непонятно почему, я вдруг заиграл свое собственное сочинение. Все было нарушено: я играл не то, что было объявлено. Я представил себе расстроенное лицо Елены Георгиевны. Но главное, было нарушено что-то во мне самом. Даже своей матери я никогда не решался играть это нестройное сочинение. Я его набрасывал украдкой, в стороне, вкладывая в него свои самые сокровенные мысли и чувства, и вдруг — так всё наружу! Я даже не успел испугаться за

себя. Я видел нашу добрую соседку тетю Олю. Она тихо и устало сидит на кухонной табуретке и глядит на меня. Она только что вернулась из госпиталя. Ее муж на фронте. Она донор. И все глядит и глядит в мое лицо. У них еще не было детей... Затем я увидел маленькую старушку. Она бежала наперерез танковой колонне, громыхавшей по улице, дрожащими руками протягивала какой-то сверток, силилась перекричать шум стальных громад: «Отомсти, сынок, отомсти за моего Ваню!»

И я все играл и играл. Мужчины в выцветших халатах и в шлепанцах на босу ногу сидели тихо-тихо, не шелохнувшись. Молодой парень на подоконнике придерживал забинтованную руку и неподвижно смотрел в окно. В дальнем углу выделялся среди остальных совсем седой мужчина. Он крепко сжимал перед собой костыль. А мой раненый смотрел в потолок. Он чуть заметно шевелил ступней под одеялом. И вдруг я почувствовал, что эти люди, и особенно этот человек, тихо лежащий под одеялом, стали для меня бесконечно дороги и я их уже никогда не забуду. Когда я кончил, я тут же выбежал в коридор и не знал, куда деваться. Были аплодисменты. Приветствуя, меня пихали в бока кулаками ребята. А у Елены Георгиевны в глазах стояли слезы. Почему-то вспомнились мать с отцом. Вспомнилось, что подарок все-таки сделали они — мать и отец.

Под конец концерта мы разместились в углу палаты целым оркестром и затихли. Елена Георгиевна подняла дирижерскую палочку, и мы начали: «Эх, дороги...» И, наверное, никогда мы не старались так, как на этом концерте. Вдруг кто-то запел: «Эх, дороги, пыль да туман...» Это был седовласый с костылем. Песню подхватили еще несколько голосов. Парень с перевязанной рукой распахнул окно. Потянуло свежестью. Вскоре подпевали все — кто как умел. Казалось, что нас теперь слышит весь госпиталь, вся улица...

Елена Георгиевна была такой счастливой, и слезы бежали по ее щекам.

НОТЫ К „ПЕСНЕ О ПЕРВОМ ПОДСНЕЖНИКЕ“

The musical score is written for a choir (Хор) and a soloist (Солоист). It features a key signature of one sharp (F#) and a 4/4 time signature. The melody is composed of eighth and sixteenth notes, with various musical ornaments like trills (tr) and slurs. The lyrics are in Russian and describe the process of building a snowman in winter. The score includes dynamic markings such as *tr*, *mf*, *f*, and *pp*. There are also performance instructions like "А tempo" and "Хор (добежит)". The lyrics are: "Как у-да-рит вско-речник пес-ня пти-цын кры-лом, са-мый пер-вый под-снеж-ник встан-ет к солн-цу ли-цом. за-зве-нит ле-пест-ка-ми сла-ва-и ще-д-ро-сть за-ри. Не за-будь! По-да-ри! ры-ст-ный их! Пла-теж! Ма-му лю-бить. Боль-ше всех о-ни ве-рят, боль-ше всех о-ни ж-дут. Кто су-ме-ет из-ме-рить бес-ко- Де-ти звез-да-ми ре-ют, при-де-та-ют на-зад на кры-ле ма-в-зо-ле-я ма-мы сто-ят. Как у-да-рит вско-речник пес-ня пти-цын кры-лом, са-мый пер-вый под-снеж-ник встан-ет к солн-цу ли-цом. ле-пест-ка-ми, сла-ва-и ще-д-ро-сть за-ри. По-да-ри! е-го ма-ме, Не за-будь! По-да-ри! Не за-будь! По-да-ри!"

Песня о первом подснежнике

Музыка Ю. Корнакова
Слова В. Верховского

Как ударит в скворечник
Песня птичьим крылом,
Самый первый подснежник
Встанет к солнцу лицом.
Зазвенит лепестками,
Славя щедрость зари.
Подари его маме,
Не забудь, подари!

Пламенели рассветы
По-над Волгой рекой.
Торопился с букетом
Мальчик к маме домой.
Год за годом проходит,
Но о том не забыть.
Как Ульянов Володя,
Надо маму любить.

Больше всех они верят.
Больше всех они ждут.
Кто сумеет измерить
Бескорыстный их труд?!
Дети звездами реют,
Прилетают назад —
На крыле Мавзолея
Молча мамы стоят.

Как ударит в скворечник
Песня птичьим крылом,
Самый первый подснежник
Встанет к солнцу лицом.
Зазвенит лепестками,
Славя щедрость зари.
Подари его маме,
Не забудь, подари!

ДРУГ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

...Разговорились мы с одним писателем, человеком уже немолодым, вечно занятым книжками для малышей. Писатель вспомнил — к слову пришлось — свое детство, двадцатые годы. Двенадцатилетним пареньком вступил он в пионерский отряд. О пионерах, своих близких друзьях, и написал он свою первую повесть.

— Быть пионером в те годы значило помогать старшим. В борьбе за колхозы, за хлеб, который кулаки прятали, а то и сжигали — только бы не достался советской власти. Носить пионерский галстук решался далеко не каждый...

— Что придавало мне силы? — спрашиваете вы. — Да был у меня один верный друг...

И еще одна встреча вспоминается мне. На вечере ветера-

нов Великой Отечественной войны.

Седой человек с медалью «За оборону Ленинграда» заговорил с трибуны собрания о своем военном детстве. О мальчишках и девчонках военной поры. Как трудно приходилось им тогда! Полуголодные, рано повзрослевшие, они заменяли на заводе отцов, ушедших на фронт. Работали на полях, собирая каждый колосок, каждое зернышко бесценного хлеба.

— Я тоже мальчишкой был тогда. Не струсить, выдюжить, учил меня испытанный друг.

Что же это за друг — один и тот же для разных людей — в двадцатые и в сороковые, военные годы?

Открою секрет. Это газета «Пионерская правда». Первый номер «Пионерской правды» вышел 6 марта 1925 года, пятьдесят лет назад!

...И вот я в Москве, в редакции газеты. Поднимаюсь на пятый этаж вместе с сотрудницей отдела писем. Целых два мешка свежей почты сопровож-

дает она в лифте к месту назначения.

— Привозят нам письма на машине. Почтальону в сумке не донести: до тысячи писем в день.

...Этот кабинет невелик и весь загроможден альбомами, папками с надписью: «Год 1927», «Год 1939», «Год 1946». Музей да и только! Каждый экспонат рассказывает о важном событии в жизни газеты.

Вот Алексей Максимович Горький с юнкорами газеты. Только что закончилась дискуссия. Опубликовано письмо Горького под заголовком. «Стыдитесь своего невежества». Строго говорил писатель с теми, кто не в ладах с родным языком. «Вам пора понять, что вы являетесь наследниками великолепного труда, будущими хозяевами страны...»

А эта фотография сделана перед Отечественной войной. Знаменитая летчица Валентина Гризодубова пришла рассказать ребятам о беспосадочном перелете Москва — Дальний Восток. Среди своих школьных подруг Зоя Космодемьянская. (В последнем ряду отмечена крестиком)

...Этот кабинет хочется назвать штабом. Не один раз в день приходят сюда — к главному редактору газеты Нине Матвеевне Черновой — ее товарищи по работе, сотрудники редакции, авторы, художники.

— Над чем сегодня думают в штабе?

— Наш девиз — всегда быть в курсе пионерских дел. Помочь миллионам читателей определить место в жизни, помочь каждому участвовать в марше «Всегда готов!».

Пятьдесят лет, конечно, немалый срок. Но разве дело в возрасте, когда речь идет о верном друге на всю жизнь?

Л. Пожидаева

Валентина Гризодубова рассказывает о перелете

Фотографии из архива редакции «Пионерской правды»

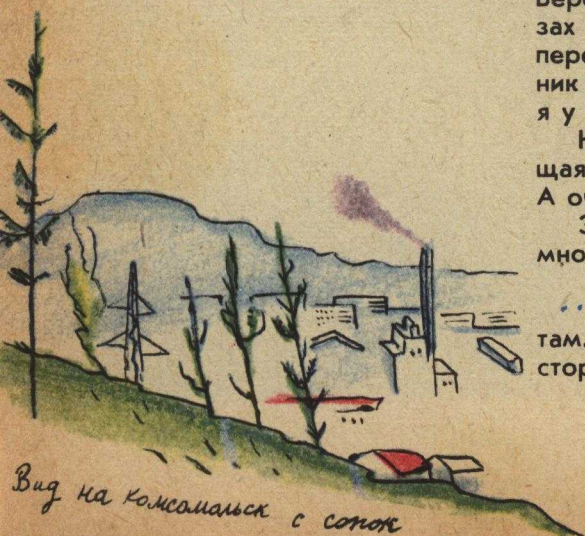
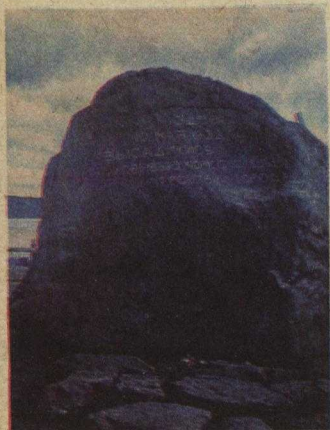
А. М. Горький с юнкорами газеты
В редакцию пришло письмо...
Счастливого плавания, „Пионерская правда“!

МОСТ

Г. Ковенчук

ПИСЬМА СЫНУ
С БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Дорогой Лёша!

Ты, наверное, все еще обижаешься, что я тебя не взял с собой. Зато я решил регулярно писать тебе обо всем интересном, что тут увижу.

Рано утром в пятницу вы с мамой провожали меня в Ленинграде. Рано утром в субботу наш «ИЛ» приземлился в Хабаровске. Вроде бы прошли сутки, а летел я всего только пятнадцать часов. Вы еще только ложились спать, а здесь уже ярко светило утреннее солнце. Как прилетел, сразу пошел на почту. Заспанная уборщица подметала мокрой шваброй пол в почтовом отделении аэропорта. На входной двери под русской и английской надписями примостились японские иероглифы.

Из Хабаровска мне необходимо было добраться до Комсомольска-на-Амуре, там как раз начинается восточный участок БАМа — со строительства огромного железнодорожного моста.

«Комсомольск — это совсем рядом, — говорили мне в Хабаровске, — всего ночь на поезде или час лету».

Ничего себе, думаю, рядом. Это же как от Ленинграда до Москвы! Сел в самолет, тоже реактивный, но немного поменьше, и действительно не заметил, как долетел. Только зачитался книжкой, а самолет как тряхнет. Я посмотрел в иллюминатор, оказывается, мы уже на земле, в Комсомольске.

Комсомольск-на-Амуре, а Амура не видно. Только синие сопки вокруг. Бегают трамвайчик по длинному проспекту. На улицах много молодежи в брезентовых куртках. И у всех на спинах буквы — БАМ.

Вечером, когда на небе сверкали непривычно яркие звезды, я увидел Амур. Набережная далеко от центра. Надо ехать на трамвае до кольца. На берегу огромный, выше человеческого роста, валун. На нем высечены слова:

**„Здесь 10 мая 1932 года высадились
первые комсомольцы — строители города“.**

... С самого утра опять пошел на набережную. Интересно, что здесь, около Комсомольска, Амур даже не похож на реку, а скорее напоминает залив, окруженный высокими лесистыми горами. Получается как бы такая бухта, очень уютная и вместе с тем величественная и таинственная. У берега — обыкновенная деревянная пристань, какие можно увидеть на многих наших реках.

Чуть в стороне от пристани строят новый речной вокзал, он уже почти закончен. Здесь же, у реки, красиво расположен Дом молодежи, а немного подальше — памятник комсомольцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Если посмотреть вверх по реке, то виден МОСТ. Только это еще не мост, а полмоста, даже чуть меньше половины. Быки уже установлены, а фермы на них — только до середины реки. Их возводят со стороны левого берега, на котором находится Комсомольск. В солнечном мареве мост виден как в тумане, но можно рассмотреть, как на нем копошатся подъемные краны.

.. Сегодня был на сопках. Это совсем рядом с городом. Нужно пройти от гостиницы километра четыре, пересечь железную дорогу, обогнуть завод «Амурсталь», подняться по лесной тропинке, и ты попадешь в настоящую тайгу — того и гляди медведя увидишь.

Кругом высокие пихты, лиственницы, рябины и много-много берез. Березы растут так близко друг от друга и все такие прямые, что в глазах начинает рябить. Целая стена из берез. Такое впечатление, словно перед тобой громадная газета. Под березами высокая трава, папоротник и очень красивые красные ягодки на низкорослых стебельках, таких я у нас не видел и попробовать побоялся.

Конец августа, но совсем не чувствуешь приближения осени, — палящая жара, какой-то горячий ветер, и совсем нет пожелтевших листьев. А очень хочется посмотреть, какая бывает «золотая тайга».

Задумал серию литографий «По Дальнему Востоку». Пока делаю много рисунков.

... Решал отправиться на другой берег Амура, посмотреть, что там. Туда каждый час от пристани ходит небольшой теплоходик. На той стороне поселок, который называется Пивань.

Пока я рисовал на берегу, к пристани причалили два больших теплохода. Один из Хабаровска — «Семен Дежнев», а второй шел из города Николаевска и назывался «Ерофей Хабаров». Все большие теплоходы, которые здесь ходят, носят имена исследователей этих мест.

А еще через Амур ходят четыре парома. Они перевозят с одного берега на другой целые железнодорожные составы. На пароме помещается двадцать вагонов. Один такой паром все время шел за нашим теплоходом и причалил почти одновременно с нами. Там прямо к воде в несколько рядов подходят рельсы. По ним вагоны съезжают с парома на берег и продолжают свой путь до Охотского моря, в Совгавань.

Осенью, когда Амур начинает замерзать, на помощь паромам приходит ледокол, а когда река окончательно станет и лед достигнет двухметровой толщины, по нему прокладывают рельсы.

Хлопотливое и трудоемкое дело — перевозить по воде поезда. Вот почему и строят мост.

Интересно, что на Амуре совсем не видно чаек, и вообще как-то мало птиц. Только одну я видел сегодня, не то орел, не то ястреб летал высоко под облаками. А еще интересно, что деревья на этом берегу совсем другие, почти нет берез и пихт. Зато целые рощи дубов. И листья уже начали желтеть.

В Пивани я разговорился с местными школьниками. У них в классе все ребята собирают металлолом для БАМа. На заводе «Амурсталь» сталевары переплавляют лом в «пионерские рельсы».

Когда я вернулся обратно в Комсомольск, недалеко от причала стоял большой колесный пароход. Красивый, белоснежный, а лет ему, наверное, не меньше семидесяти. Сколько он повидал на своем веку! Он еще помнит, какие здесь были дикие места, как проплывал мимо этого берега без остановки, а на палубе стояли купцы и золотопромышленники и поглядывали по сторонам.

Теперь пароход — плавучий дом отдыха завода имени Ленинского комсомола.

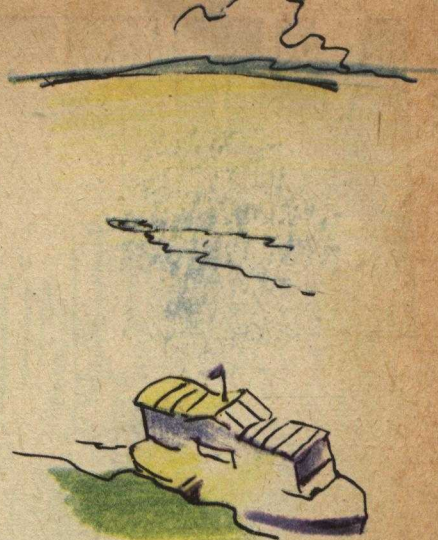
Загремела якорными цепями паровая лебедка. Сначала медленно, а потом все быстрее зашлепали по воде лопасти колес и погнались вдоль бортов одну за другой равномерные волны. Пароход вышел на середину реки и вдруг издал оглушительный протяжный гудок — как будто одновременно загудело несколько паровозов. Шлепая по воде колесами, как огромный гусь, он плавно поплыл в сторону Хабаровска.

Пока он стоял на якоре, я успел его нарисовать. Вот он какой.

...Весь день провел в городе. Утром по «Маяку» была передача про БАМ. Слушал с интересом. Это совсем особое ощущение, когда понимаешь, что ты находишься именно тут и видишь это строительство своими глазами. Большая фотография моста напечатана в местной газете «Дальневосточный комсомолец». Под фотографией заметка — «Строит вся страна». Из заметки узнал, что строят мост опытные мостостроители — Шабанов, Поляков, Дивисенко, Ставицкий и с ними комсомольцы из Москвы, Ленинграда, Днепропетровска. По радио передали красивую песню об Амуре, о чайках. Я удивился, как, думаю, их вчера не заметил? Опять специально ходил на набережную и снова не увидел ни одной.

А те ягоды, о которых я тебе писал, оказывается, волчьи. Хорошо, что я их тогда не попробовал.

...Как-то побывал на строительстве моста! Добраться до него не так-то просто. Если бы по воде, по прямой, это километров шесть, а по берегу около тридцати. На двадцатом километре шоссе, у развилки, большой указатель: МОСТ ЧЕРЕЗ АМУР — КРАЕВАЯ УДАРНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ СТРОЙКА. Я вышел из автобуса и пошел по направлению к мосту. Вскоре я услышал за спиной шум машины. Это был небольшой запыленный автобус. Обогнав меня, он остановился, и выглянувший оттуда шофер предложил подвезти. В автобусе ехали рабочие мостостроительного отряда, молодые ребята, некоторые были в касках, а на касках написано: «МО-26». Вскоре мы въехали на территорию стройки.

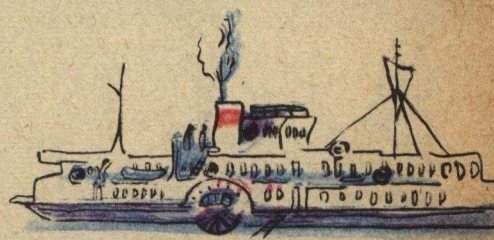
Пристань в Пивани

так виден мост из Пивани

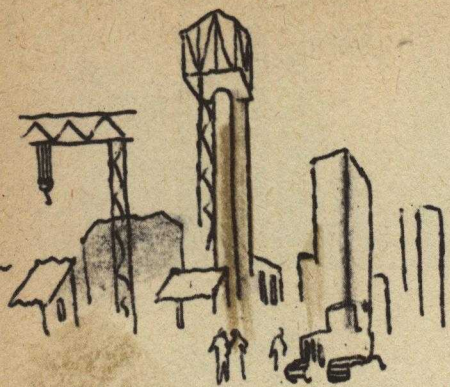

Паром

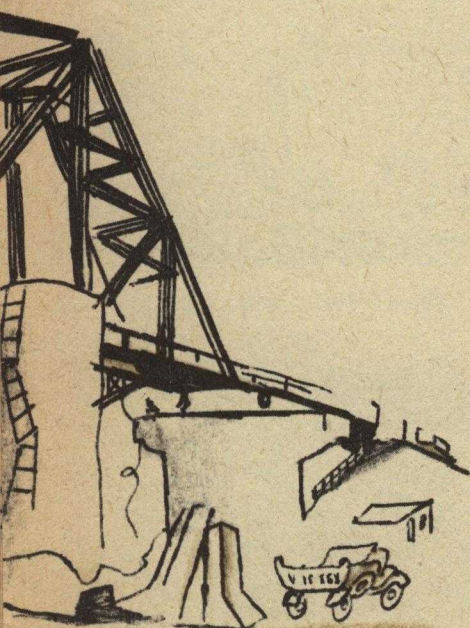
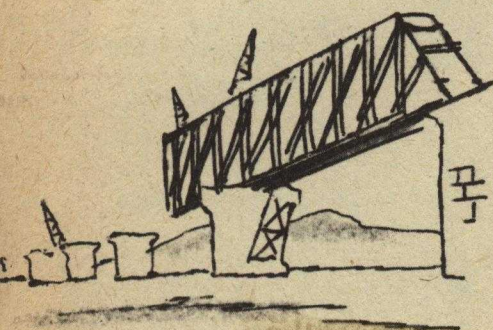

Колёсный пароход «Дзержинский»

Ка стройплощадке МО-26

У подножья моста

В Управлении строительством познакомился с инженером Ангелиной Филипповной Истоминой. Она мне подробно рассказала про этот мост.

Мост через Амур считается уникальным. Уникален он не своей длиной, хотя, конечно, она тоже не малая. Вид у него тоже не какой-нибудь сверхъестественный — обыкновенные быки-опоры и фермы на них. Уникален метод его строительства — метод бурения. Впервые этот метод применяется в строительстве такого крупного моста. А проектировали мост ленинградцы.

Самая трудная вещь в строительстве мостов — установка опор. Обычно они устанавливаются кессонным методом. Для каждой опоры изготавливается огромный железобетонный ящик. И кверху дном опускается на дно реки в то место, где должна встать опора. Нижние края ящика — из металла, острые, как ножи. Этими «ножами», всей своей тяжестью, ящик врезается в подводный грунт. Вода в ящик не попадает, потому что внутри воздух. Это легко проверить, если взять стакан и, опрокинув, опустить в кастрюлю с водой.

Ящик похож на дом с крышей, из середины которой выходит высокая и широкая железобетонная труба. Через трубу, как в шахту, опускаются в ящик рабочие. Эта шахта и есть кессон. Всё вместе — кессон и труба — основа будущей мостовой опоры. Отбойными молотками рабочие углубляют кессон на несколько метров вглубь скалистого дна. Работа проходит в необычных условиях. Порою рабочие находятся на глубине до тридцати метров, где давление воды равно трем атмосферам.

Для того чтобы уравновесить такое высокое давление, мощными компрессорами в кессоне создается избыточное давление. Но работать все равно трудно, и смена у кессонщика всего два часа.

Когда кессон достигает проектной глубины, его заполняют сотнями тонн жидкого бетона. Основание опоры готово. Но это все дорого, трудно и долго. Надо еще учесть, что весной и осенью кессонщики не работают — лед может сломать трубу, и трубу на это время снимают, чтобы ее не снесло. Вот что такое кессонный метод.

А этот мост строят методом бурения.

Все делается совершенно по-другому. При бурении кессоны не нужны, не страшны ледоходы, и работа идет намного быстрее.

На место, где будет опора, по воде доставляют плавучую железную решетку. По площади такую же, как основание опоры. Называется — направляющий каркас. В него вставляются длинные железобетонные трубы трехметрового диаметра — целые башни. Трубы называются столбы оболочки; делают их тут же на берегу. Число отверстий в каркасе соответствует числу труб. Каркас держит трубы строго в вертикальном положении, потому и называется направляющим.

Когда трубы достигают скалистого дна, или, как говорят строители, «скалы», в них опускают буры и начинают бурение. Все сооружение постепенно уходит в глубь скалы. После все трубы и пространство между ними заполняется бетоном — получается монолитная гигантская свая.

Все мосты на БАМе будут строиться только методом бурения.

После рассказа Ангелины Филипповны я отправился смотреть мост. Я шел к нему четыре километра вдоль подъездных путей, и чем ближе подходил, тем выше и выше сама собой задиралась голова. Мост уже невозможно охватить взглядом. Мощные самосвалы кажутся игрушечными на его фоне.

Сейчас мост дотянут, как я тебе уже писал, до середины реки, идет монтаж ферм второго пролета. Этот мост будет совмещенный — для поездов и автомобилей, два моста рядом, на общих опорах. Но главная задача — пустить через Амур поезда.

Эта зима последняя, когда по амурскому льду пройдет зимняя железная дорога. Последнюю весну и часть лета потрудятся паромы.

11 августа по мосту промчится первый поезд.

... Оказывается, на Амуре есть чайки. Я их видел сегодня, когда шел рисовать мост.

Если пройти от моста вверх по течению, то сразу попадаешь на вели-

колепный песчаный пляж, поросший пучками нежно-зеленой травы и тальником — это такой кустарник с длинными, как у ивы, листьями.

Тут-то я и услышал чайный крик, поднял голову и увидел одну чайку, правда, она была какая-то маленькая, я даже подумал, что это птенец, но потом их появилось больше, и все они были такие же.

Сегодня я особое внимание обратил на высоту моста. Это почти как наш девятиэтажный дом. А если прибавить высоту фермы, то получится еще выше. Но из-за ширины реки и из-за простора вокруг трудно в это поверить.

Обратно в Комсомольск добирался в рабочем автобусе, который в шесть часов вечера отходит от Управления строительством. Автобус уже был полный, но все еще не трогался с места. «Кого ждем?» — спросил кто-то. Ему ответили: «Дивисенко». «Я здесь», — сказал черноглазый парень, сидевший рядом со мной. Мне сразу же вспомнилась газетная заметка, где в числе фамилий ударников стройки была и фамилия Дивисенко.

Значит, это и есть один из передовиков строительства моста, а такой скромный, никто даже не заметил его присутствия.

Автобус пылил по дороге. За окошками виднелись сопки, освещенные усталыми лучами солнца. Я разговорился с Дивисенко. Он со своей бригадой облицовывает гранитными плитами пятидесятиметровые опоры моста. Я решил, что подводную работу облицовщики делают в скафандрах. Дивисенко засмеялся: «Нет, мы работаем в спецовках, так, как сейчас одеты. Вокруг опоры устанавливается ограждение, откуда мощными насосами откачивается вода. После этого облицовку можно делать как будто ты находишься на земле».

— Это ведь очень ответственная работа? — спросил я Дивисенко.

— А на мосту всякая работа ответственная, — ответил он. — Мы ведь мост делаем не на год и не на сто лет, а навсегда.

Очень он мне понравился — этот Дивисенко.

... Завтра еду в тайгу. к изыскателям трассы. А сегодня опять целый день провел на мосту. Увидев, что я рисую, Ангелина Филипповна сказала: «Все, кто здесь работает, обязаны работать в касках». И мне выдали каску, на которой написано: «МО-26».

Ангелина Филипповна провела меня в цех, где изготавливаются мостовые плиты, и познакомила с Федором Степановичем Полюганичем — лучшим специалистом по их изготовлению и монтажу.

Когда мост будет смонтирован, с него уберут временные рельсы — по ним сейчас подвозят балки для ферм — и начнется укладка мостовых плит.

Федор Павлович показал мне только что сделанную плиту. Плита весит три тонны, а допуск в ней может быть только два миллиметра. Это означает, что если ее длина, ширина или высота будет меньше или больше необходимой только на три миллиметра, такую плиту забракуют. Ведь рельсы станут укладывать не на шпалы, а на эти плиты. На шпалах рельсы могут немного пружинить, прогибаться под тяжестью поезда, там не нужно считать миллиметры. А тут делается жесткое крепление, и Федор Павлович работает с точными приборами.

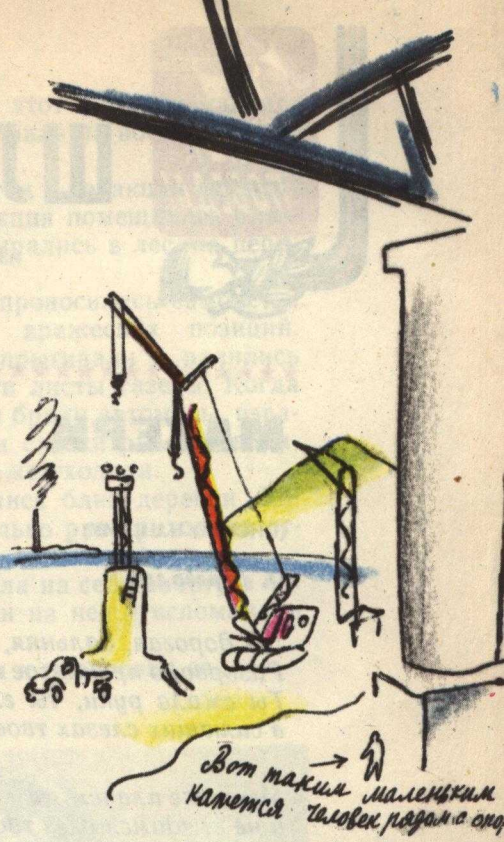
Я поинтересовался у Федора Павловича, сколько потребуется времени, чтобы построить все многочисленные мосты на восточном участке БАМа. Он сказал: «На этом мосту мы только учимся работать по-новому, а те пойдут быстрее».

С высоты моста видно все: Комсомольск, сопки за ним и поселок Пивань, на другом берегу Амура. По фермам над головой с шумом передвигаются УМК — универсальные монтажные краны, они подтягивают металлические балки, а монтажники сращивают их между собой высокопрочными болтами — это тоже сравнительно новый метод, раньше вместо болтов были заклепки.

Рисовать на мосту совершенно невозможно, ветер вырывает альбом из рук. Недаром монтажники привязываются к мостовым конструкциям предохранительными поясами.

Вечером пошел сдавать каску, но у меня ее не приняли, говорят: «Она теперь ваша — вы же у нас поработали».

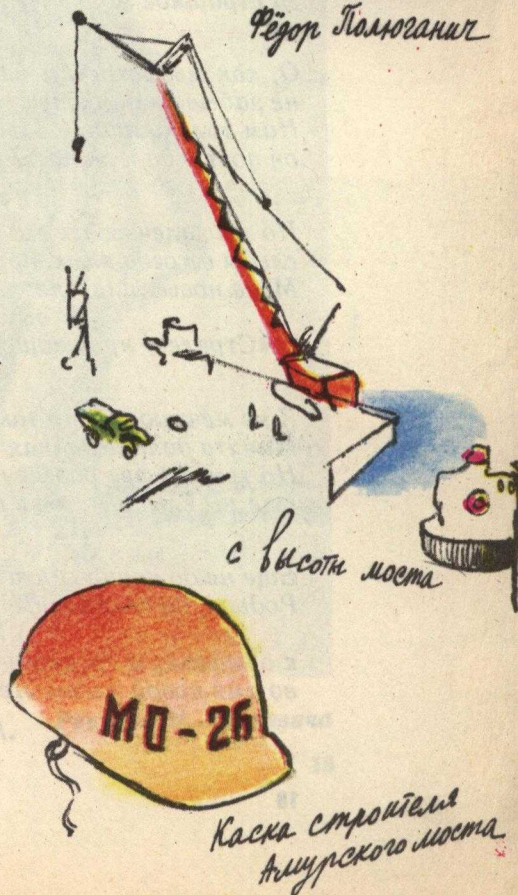
Окончание следует

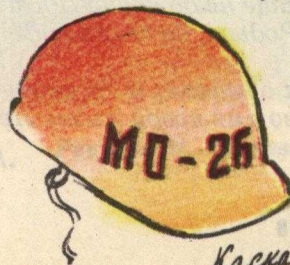
Вот такая маленькая
кажется таков радом с оной

Федор Полюганич

с высоты моста

Каска строителя
Амурского моста

ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ

ИЗ ФРОНТОВЫХ БЛОКНОВ ПОЭТОВ И ХУДОЖНИКОВ, ИЗ СООБЩЕНИЙ РАДИО И ГАЗЕТ

МАТЕРИ

(ПИСЬМО НА КАМУ)

О. Берггольц

...О дорогая, дальняя, ты слышишь?
Разорвано проклятое кольцо!
Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
в сияющих слезах твое лицо.

Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,
и не стыдимся слез твоих: теплей
в сердцах у нас, бесслезных и упрямых,
не плакавших в прошедшем феврале.

Пусть эти слезы сердце успокоят...
А на врагов расплавленным свинцом
пускай падут они в минуты боя
за все, за всех, задушенных кольцом.

За девочек, по-старчески печальных,
у булочных стоявших, у дверей,
за трупы их в пикейных одеяльцах,
за страшное молчанье матерей...

О, как мы встретим наших ленинградцев,
не забывавших колыбель свою!
Нам только надо в городе прибраться —
он пострадал, он потемнел в бою.

Но мы залечим все его увечья,
следы ожогов злых, пороховых.
Мы в новых платьях
выйдем к вам навстречу,
к «Стреле», пришедшей прямо из Москвы.

Я не мечтаю, — это так и будет.
Минута долгожданная близка.
Но тяжкий рев разгневанных орудий
еще мы слышим: мы в бою пока.

Еще не до конца снята блокада...
Родная, до свидания!

Иду
к обычному и грозному труду
во имя новой жизни Ленинграда.

„Комсомольская правда“,
21 января 1943 г.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО, 20 ЯНВАРЯ
1943 ГОДА:

«...на днях наши войска, расположенные южнее Ладожского озера, перешли в наступление против фашистских войск, блокировавших Ленинград. Прорвав долговременную укрепленную полосу противника, глубиной до 14 км, и форсировав реку Неву, наши войска в течение семи дней напряженных боев, сломив упорное сопротивление противника, заняли г. Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липка, рабочие поселки № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станции Синявино и Подгорная. Таким образом, после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда».

«Враги расстреляли мать и брата шестилетнего Сережи Алешкина из села Прыль Орловской области. Умиравшего от голода мальчика нашли в лесу красноармейцы Н-ского гвардейского полка. Полк усыновил Сережу».

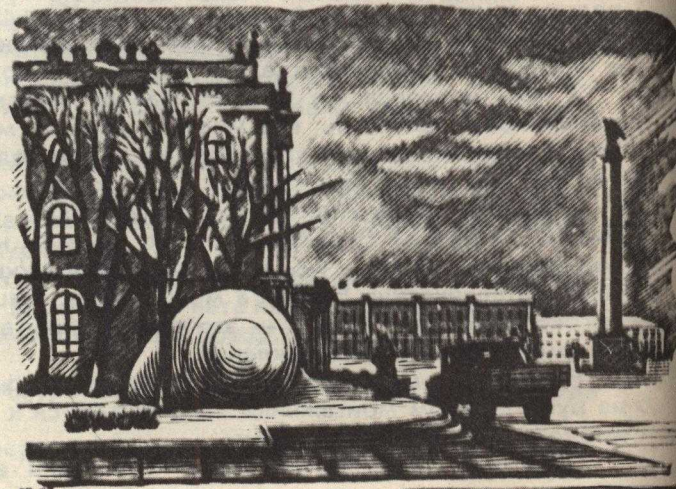
«Пионерская правда»,
23 июня 1943 года

«23 февраля 1943 г. в бою за деревню Чернушки у реки Ловать, в районе г. Локни Великолукской области Александр Матросов, прорвавшись к вражескому доту, закрыл своим телом амбразуру и тем самым обеспечил успех наступающего подразделения. А. Матросову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза».

«Комсомольская правда»,
9 сентября 1943 года

ИЗ БОЕВОГО ДОНЕСЕНИЯ № 0079/ОП

«Войска Донского фронта в 16.00 2.II.43 г. закончили разгром и уничтожение окруженной сталинградской группировки противника. Захвачено свыше 91 000 пленных, из них более 2 500 офицеров и 24 генерала, из которых: генерал-фельдмаршал — 1, генерал-полковников — 2, остальные генерал-лейтенанты и генерал-майоры».

У ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Гравюра Ю. Мезерницкого

ры. В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника боевые действия в городе Сталинграде прекратились. Подсчет трофеев продолжается».

Представитель Ставки Верховного командования маршал артиллерии Воронов, член Военного Совета Донского фронта генерал-майор Телегин, командующий войсками Донского фронта генерал-полковник Рокоссовский, начальник штаба Донского фронта генерал-лейтенант Малинин.

«За выдающиеся заслуги в организации и руководстве подпольной комсомольской организацией «Молодая гвардия» и за проявление личной отваги и героизма в борьбе с немецкими захватчиками посмертно присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда Громоовой Ульяне Матвеевне, Земнухову Ивану Александровичу, Кошевому Олегу Васильевичу, Шевцовой Любови Григорьевне».

Москва. Кремль. 13 сентября 1943 года
Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

«Выполняя необычную для подводных лодок задачу — добыть «языка», подводная лодка Черноморского флота «Щ-201» под командованием капитан-лейтенанта П. И. Парамошкина, находясь в 30—35 кабельтовых от маяка Тарханкут, в 12 часов всплыла в позиционное положение и уничтожила моторную лодку противника. Со шхуны были сняты 6 человек, которые дали ценные сведения».

«Комсомольская правда»,
29 июня 1943 года

«Мы, юные пионеры, на сборе дружины решили заработать на трудодни хлеб внести в фонд Красной Армии. У Виктора Рябцева брат на фронте. Виктор внес 10 пудов хлеба. Федя Косатый и другие ребята последовали его примеру. Так мы собрали 270 пудов хлеба. На рассвете мы отправили пионерский хлебный обоз на элеватор».

Штаб пионерской дружины:
Виктор Рябцев, Костя Коротаев, Коля Жвакин, Роза Клевцова, Федя Косатый.
Кустанайская область,
Убатинский район
«Пионерская правда»,
10 февраля 1943 года

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

Почти все сотрудники журнала «Костер» во время войны ушли на фронт. Ушел воевать и художник, известный ленинградский график Юрий Полиенович Мезерницкий. Его призвали на Балтийский флот. Он рисовал камуфляж, т. е. маскировку. На брезентовые полотна, на маскировочные сетки наносил пятна такой конфигурации и цвета, что накрытые брезентом и сетками пушки зенитной батареи или военные корабли, стоящие у стенок ленинградских набережных, как бы сливались с парками, мостовыми и домами. Военные объекты с воздуха становились неразличимыми, а значит, укрытыми от фашистских бомбардировщиков.

В немногие свободные часы художник рисовал. В серии гравюр он запечатлел родной героический город.

Быть может, кого-то этот рисунок удивит: почему вдруг девочка попала на военные стра- ницы?

Всю войну я проработал в редакции фронтовой газеты. Зимой редакция помещалась в поезде. На лето мы перебирались в лес, на передовую.

Над нами то и дело проносились самолеты. Они шли на штурм вражеских позиций. От разрывов бомб подпрыгивали и валились на пол готовые к печати листы газеты. Когда фронт передвигался, мы брали автоматы, взваливали на плечи мешки с нехитрым редакционным имуществом и тоже уходили.

Как-то мы остановились близ деревни Добывалово. К нам несколько раз приходила оттуда девочка Лена.

Ребенок еще, она взяла на себя заботу о нашем быте. Мы смотрели на нее и вспоминали своих детей, дом...

В один из приходов я и нарисовал ее...

ЛЕНОЧКА

Рисунок И. Харкевича

МЫ ПОЕМ О МАМЕ

Ляля Печуркина, 9 лет

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ «КОСТРА»

Оформление Г. Ковенчука

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКОГО МАРША

«САЛЮТ, ПОБЕДА!» — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ НАШ ПРАЗДНИК ЦВЕТОВ. Каждый отряд представляет на праздник свою композицию. Получается целая выставка. Жюри оценивает наши букеты. Лучшие, самые красивые цветы возлагаем потом к памятникам погибших воинов.

Люда Аксенова,
Нововоронеж

ВОТ У МЕНЯ КАКАЯ РАДОСТНАЯ ВЕСТЬ — я ездила на районный слет пионеров! Нас было трое из школы: Воронцова, Бельдикова и я. Все мы из правого флангового отряда. На слет ехали долго. В пионерлагере имени Юрия Гагарина собрались ребята из семнадцати дружин района. На торжественной линейке мы поволновались! Лучшим дружинам вручали красивые памятные ленты правофланговых. Нашей тоже вручили. Потом был концерт, по-

КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ ТИМУРА

ПОМОГАТЬ СТАРЫМ...

Я живу в Таганроге, а на канникулы еду в Архангельскую область.

Дедушка работает перевозчиком, а еще речные знаки починаят. Я ему все лето помогаю, а когда однажды он уехал на три дня створы красной, пришлось самому перевоз держать. Ночью иной раз кричат: «Паромщики!» — ну, я сразу паром подаю или лодку, смотря что везут. Даже спал не раздеваясь, в сенях, а дверь держал открытой, чтобы слышать, как с того берега кричат. Один раз перевозили корову в ветеринарную лечебницу. Потом хозяин пришел и говорит: «Ну, брат Андрей, бычок родился. Как назывешь?» Мы посоветовались с дедушкой и назвали бычка «Паром», в честь нашего парома.

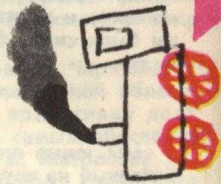
Андрей Шлищков,
5 класс,
Таганрог

...И МАЛЫМ

Люблю с малышами играть. Разучиваю с ними игры, песни, танцы. Сочинил для октябрят стих под названием «Паровоз».

Паровоз гудит, пыхтит, мчится во всю силу. Я кричу: «Остановись! Путь дождем размыло!» Паровоз усмирится, выдохнул пар, остановился... Машиновисты мне кричат: «Ай да молодчина! Выйдет, выйдет из тебя Настоящий мужчина!»

Алеша Кондратьев,
5 класс,
Челябинская область

ОПЕРАЦИЯ „ПОИСК-30“

Дорогой БАРАБАНИ

Наша учительница посоветовала мне послать вам это сочинение. Вот оно.

Толубое платье

Рано утром по городу Ростову-на-Дону шли отряды советских солдат. Они только что освободили город от фашистов. Многие бойцы были ранены.

Люди вышли приветствовать воинов. Моя мама тогда была маленькой девочкой. Босая, в коротеньком платьице, две косички торчат в стороны... Она стояла и ела ржаную лепешку. Мама увидела первого солдата, подбежала к нему и отдала ему свою лепешку. Солдат взял маму на руки и так прошел с ней всю Загородную улицу. Потом он вынул из вещмешка кусок голубой фланели и отдал бабушке. Бабушка не хотела брать фланель, но солдат сказал: «Меня убьют, так материя пропадет... Лучше сшейте девочке платье».

На следующий день узнали, что весь отряд наших

бойцов геройски погиб в бою.

А бабушка сшила маме голубое платье, в котором после войны маму сфотографировали. И теперь, в мирные годы, эта фотография хранится у нас на память о героях-освободителях.

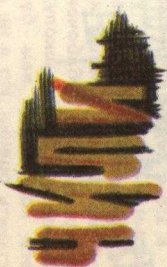
Лена Ленивкина, 11 лет,
Ростов-на-Дону

Мама
Лены Ленивкиной
в детстве

том костер. На костре до хрипоты пели песни. Когда домой вернулись, ребята просят: «Расскажи да расскажи!» Говорю: «Здорово было!» А они свое: «Что здорово?» А у меня слов не хватает...

Гуля Садыхова,
Павлодарская область

МЫ ТАКИЕ ВАЖНЫЕ ДЕЛА СДЕЛАЛИ в своем пионерлагере «Искра»: собрали пять мешков брусничного листа, сдали в аптеку. На полученные деньги купили школьные принадлежности и послали их вьетнамским ребятам. А еще заработали деньги и передали их в фонд помощи патриотам Чили.

Пионерлагерь у нас городской.

Федя Шаманин,
Череповец

НА СЛЕТЕ, В АРТЕКЕ, МЫ ПОДРУЖИЛИСЬ со многими ребятами из других стран. Теперь перепишемся. Мне пишет Джетта, девочка из Румынии, из города Одобежт. У них проводится пионерская экспедиция «Искатели кладов». Пионеры собирают народный фольклор: легенды, песни, сказки. Джетта знает много народных песен.

Мне захотелось создать у нас в дружном русском народный хор. Я читаю письма Джетты, и мне грустно — почему она не учится в нашей школе!

Маша Герасимова,
Ленинград

и кривили
у ней городские

Дорогой БАРАБАНИ! Пишут тебе постоянные читательницы, три подружки — Люда А., Наташа М. и Валя С. Мы все из одного, седьмого класса. Нас волнует поведение одной девочки, Люды Ф., она приехала в наше село из Харькова. Городская, нам понятно. Ведь город не сравнить с селом. И привычки у нее класса считают, что она совсем потеряла гордость и ведет себя с мальчишками развратно. Приведем пример. Один раз мы ходили в поход всем классом. И

когда мы сели в круг, Люда Ф. подошла к одному мальчику и стала надевать на него пиджак, как будто он маленький. На обратном пути мальчики только и говорили об этом, а девочки сделали Люде замечание. Она стояла молча, словно ничего не понимала и умоляющими глазами смотрела на говорящих.

Мы думали, она перестанет так делать, но она продолжает. Кто же был прав — мы или Люда! И как нам ее понять?

Село Черноорецк
Павлоградской области

Как вести себя
с мальчишками

Мы уже перешли в восьмой класс. Возраст приличный. Часто спорим между собой — как надо вести себя с мальчишками? Одни говорят, надо быть ласковой, нежной. Душевность — это главное. А другие говорят, что надо быть резкой, сдержанной. Кто же прав?

Восьмиклассницы,
Дальнегорск

Совершенно нет
гордости

В нашем классе среди девочек есть такие, у которых совершенно нет гордости. Мальчишки их обзывают как хотят, они же не обращают на это внимания, а иногда даже улыбаются. Я им пробовала говорить, что так нехорошо делать, а они отвечают: «Нехорошо, зато весело». Чужь какая-то! Неужели, чтобы повеселиться, надо потерять гордость?

Таня Четваева, 6 класс,
Пензенская область

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ
БАРАБАНА!
ОБСУЖДАЮТСЯ
ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ.
ЧТО ДУМАЕТЕ ВЫ!

урок рисования

Рассмотрев картинки эти,
Вы поймете, отчего
Раздружились Таня с Петей
И в обиде на него.

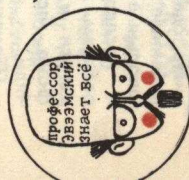

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

ХУДОЖНИК, огляди свой класс
И поскорей ответь:
А нет ли у вас
Подобных Петей!
Найдешь похожую фигуру —
Рисуй карикатуру!

Читают повесть Гайдара „Тимур и его команда“
Дружина имени В. М. Комарова, г. Самарканд, школа № 1

Здравствуй, БАРАБАН!

В этом году я перешла в седьмой класс. Наша учительница по зоологии велела нам собрать летом коллекцию жуков и бабочек, а осенью сдать ее в школу. За эту коллекцию нам будут ставить оценки. Но я не могу убивать насекомых, потому что, во-первых, мне их очень жалко, а во-вторых, я их боюсь. Что же мне делать?

*Лена Топова
г. Вильнюс*

Лена, то, что ты БОИШЬСЯ насекомых, — дело второстепенное. Главное, что ты их жалеешь.

Раньше фауна Земли была так богата, что люди не считали ни животных, ни птиц, ни рыб, а тем более — насекомых. Теперь — другое дело. Люди хозяйничали на своей планете так неосмотрительно, что многие виды живых существ совсем или почти совсем исчезли с лица Земли.

А насекомых? Многие думают, что их числа нет. Увы, это заблуждение. Специалисты давно заметили, что под Москвой, например, исчезли многие виды бабочек, жуков. Есть угроза, что мир насекомых непоправимо сузится. А это значит, пострадает не только польза, но и красота. Я показал твое письмо

своему другу, писателю-научному Николаю Ивановичу Сладкову. Вот что он просил передать тебе, Лена, и всем ребятам, которых волнует охрана природы. НЕОБХОДИМО СРОЧНО ПРЕКРАТИТЬ БЕСПОРЯДОЧНЫЙ ОТЛОВ НАСЕКОМЫХ. КОЛЛЕКЦИИ МОГУТ СОЗДАВАТЬ ТОЛЬКО СПЕЦИАЛИСТЫ — УЧЕНЫЕ, РАБОТНИКИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ, НАКОНЕЦ, ЮННАТЫ, ПРОШЕДШИЕ СПЕЦИАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ. ПРОШЛО ВРЕМЯ, КОГДА КАЖДЫЙ ШКОЛЬНИК ЗАНИМАЛСЯ ЭТИМ ДЕЛОМ, ВЫПОЛНЯЛ ЛЕТНЕЕ ЗАДАНИЕ УЧИТЕЛЯ, ПОРА СЧИТАТЬ ЖУЧКОВ!

С глубоким уважением
проф. Эвезжский

Это обложка «Чижа». Был такой веселый журнал в Ленинграде для дошкольников и октябрят. Подписчики «Чижа» жили в суровое время, у них были не только забавы. В те годы в Испании шла гражданская война. Наша страна помогала испанским антифашистам. Многие дети испанских рабочих были эвакуированы в Советский Союз. «Чиж» объявил сбор средств в помощь испанским ребятам и время от времени печатал списки тех, кто присылал деньги.

Юные граждане нашей страны всегда были настоящими интернационалистами.

из сундука
отстав
БАРАБАНА

ВНИМАНИЕ!

НОВЫЙ КОНКУРС
БАРАБАНА

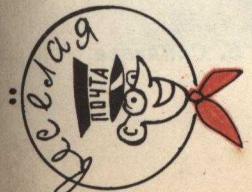
**ВДРУГ
И
ОДНАЖДЫ**

На конкурс принимают

*Соборные сказы
всё время ищущий
Смешливый
Умный и проворный*

УСЛОВИЕ: рассказик должен начинаться словом «вдруг» или «однажды». Срок 1 июня 1975 года. На конверте после адреса «Костра» пишете:

БАРАБАН.
ВДРУГ И ОДНАЖДЫ

Историю в картинках сочинил и нарисовал Сережа Плиньский из Днепропетровска. Сереже 14 лет.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИ ГРЕБЕШНОВА

Холодец

1	12	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12

У дворника тети Глаши пропало ведро, корыто и метла.

У химика Ивана Ивановича, по прозвищу Пробирка, пропали селитра и порох.

У автолюбителя дяди Миши пропала канистра с бензином...

Сборка ракеты происходила в старом сарае.

Главный конструктор Вася Гребешков не выпускал из рук модельку.

А вот и космический пассажир.

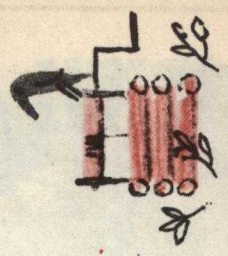
Мурзик с опаленным хвостом выскочил из ракеты.

Так вот чьи это проделки!

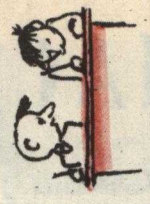
Плохо бы пришлось Васе, если б не Пробирка.

Мужской разговор...

Будет Вася ракетостроителем!

Насосный ПАЛОЧКИН

— Палочкин, зачем ты подсматриваешь в тетрадь к Иванову?
 — Я не подсматриваю.
 — Врешь, я сама видела.
 — Значит, ты и подсматриваешь.

Катя Сергеева,
 Ленинград, 31 школа,
 6 класс

НАСТАВНИЦА

Г. Князев

Евдокия Дмитриевна Юхнова

Познакомился я с Евдокией Дмитриевной, честно говоря, неожиданно. Шел однажды по одному из цехов прядильно-ниточного комбината имени Кирова и вдруг слышу: вроде, поет кто-то. Прислушался повнимательнее, точно, поет, даже слова песни разбираю:

— А мы ребята
а мы ребята
семидесятой широты!

Кто же это, думаю, во время работы самодеятельностью занимается? Никого из молодых поблизости нет... Неужели эта пожилая работница, что идет вдоль

Галья Большакова

рядов длинных-предлинных машин? Точно, она!

Я скорей к мастеру: «Что это у вас за певунья?» И слышу в ответ: «А это, наверное, Евдокия Дмитриевна Юхнова. Старейшая наша тростильщица. Она уже два года как на пенсии могла бы отдыхать, а работает так, что молодым не угнаться».

А теперь, пожалуй, самое время сказать, что это за профессия — тростильщица, одна из главных на комбинате.

Тростильные машины страшивают — скручивают вместе — пары тоненьких нитей пряжи, бегущих снизу, с початков, вверх, на барабанчики. Барабанчиков много — и скручиваемых пар столько же. А поскольку пряжа тонкая, то тростильщица гляди в оба: чуть что — обрыв!

Наблюдать, как Евдокия Дмитриевна устраняет эти обрывы, — все равно что отгадывать неразрешимую загадку. Посудите сами: как человек может: а) остановить барабанчик, б) найти кончики оборвавшейся нити, в) связать их прочным и незаметным узелком, г) пустить снова в ход барабанчик, д) одновременно проследить, не случился ли обрыв на совсем другом конце машины, — и все это за одну-две секунды?!

— Ничего особенного, — отвечает Евдокия Дмитриевна. — Поработайте с мое у такой машины, тоже научитесь.

28 лет трудится на комбинате тростильщица Юхнова. Пришла сюда молоденькой девушкой и за месяц научилась тому, на что было отведено полгода. На второй

месяц уже перевыполнила план.

А недавно, в конце 1974 года, поставила свой главный рекорд: справилась с заданием пятилетки и стала работать в счет 1976 года. Как это удалось?

— Никаких загадок и тут нет, — говорит Евдокия Дмитриевна. — Просто стараюсь.

Верно: Юхнова — очень старательный человек. Старается пораньше прийти на смену, чтобы заранее поухаживать за своей машиной, старается применять передовые приемы труда.

Много чего надо уметь, чтобы работать так, как Евдокия Дмитриевна!

Заглядывается на эту работу другая тростильщица — Галья Большакова, родная племянница Евдокии Дмитриевны. Однажды Галья сказала:

— Когда-нибудь и я буду так работать.

— Не когда-нибудь, а сейчас! — говорит тетя.

И каждый день после смены останавливает ее:

— Погоди, не спеши домой. Хотя у тебя смена и покороче, чем у взрослых, давай поработаем вместе.

Изучив с помощью Евдокии Дмитриевны ее приемы, Галья вскоре стала одной из них выполнять получше своей наставницы. И совсем недавно стала одной из победительниц в фабричном смотре-конкурсе на звание «лучшая молодая тростильщица».

Евдокия Дмитриевна была этому очень рада. Ведь сама она уже много лет подряд носит звание лучшей тростильщицы Ленинграда.

Фото Е. Синявера

ФОТОГРАФИИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПОЙМАТЬ МГНОВЕНИЕ

Не так уж редко в руках у школьника оказывается фотоаппарат. Интересная вещь, но очень коварная. Уж ты ли, кажется, не старался! Определил диафрагму и выдержку, посадил, поставил друзей куда полагается, крикнул: «Не шевелиться!» — а что получилось? Страх

да и только! У твоего веселого, остроумного приятеля на снимке бессмысленно вытаращены глаза, глупо приоткрытый рот. Самая красивая девочка в школе выглядит так, как будто вместо конфеты раскусила горькую таблетку.

Определять диафрагму и выдержку нужно уметь... А вот расставлять и рассаживать тех, кого снимаешь, да еще пугать их грозными окриками — вряд ли. Человек с фотоаппаратом должен быть охотником. Нужно поймать мгновение, поступок, выражение лица, жест, нужно всегда быть начеку и щелкнуть вовремя. Так труднее, но куда интереснее, а самое главное, только так можно запечатлеть на фотобумаге настоящую жизнь.

Тот, кто умеет выбирать из потока быстротекущих мгновений самое яркое, кто не ленится сделать тысячу проб, чтобы потом оставить одну — самую выразительную, того мы можем назвать художником, независимо от того, чем он работает: карандашом, кистью или фотоаппаратом.

Литовский школьник Леонардас Скирпстас живет в крохотном приморском поселке Ужканалес. Несколько домиков, рыбацьи лодки, дватри десятка знакомых лиц. Но, кажется, Леонардасу никогда не исчерпать до конца все темы и сюжеты вокруг. Ему хочется передать в черно-белом снимке таинственную тишину зимних сумерек, заставить нас улыбнуться трудовому порыву малыша. Но больше всего ему хочется научиться изображать характеры и настроения, которые так точно выражает порой лицо человека.

Нужно только поймать мгновение!

А. Лосев

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление Р. Попова

Год издания — 19-й

как искали модель тральщика „мина“

из дневника отряда „поиск“

3 января. Разыскиваем сведения о тральщике «Мина». О боевых делах этого корабля написано в книгах: «Наше море», «За оборону Кавказа», «Черноморский флот».

Узнали, что наш десант захватил Малую землю под Новороссийском, тральщик «Мина» подвозил отряду Героя Советского Союза майора Цезаря Куникова бойцов, боеприпасы и продовольствие. Ждем ответа от новороссийских пионеров-следопытов: не знают ли они чего-нибудь о морях с «Миных»? После боя, о котором рассказывал комиссар тральщика Николай Васильевич, БТЩ «Мина» пришел в Туапсе и привез туда тела шестерых погибших моряков. Может быть, их похоронили в Туапсе? Юра Поляков предложил написать еще одно письмо в Туапсинский краеведческий музей. Ответов пока не получили...

9 января. Саша Смирнов на сборе отряда спросил: мы все собираем о «Мине», это хорошо, а почему бы самим не сделать модель тральщика? Позвонили Николаю Васильевичу, но он сказал, что чертежей у него нет, а где есть — не знает. Решили искать модель в Центральном Военно-Морском музее. Обошли все залы, но безуспешно. А ведь это был корабль со славной историей!..

12 и 13 января. Саша Павлючук и Саша Смирнов

Продолжение. См. „Костер“ № 12, 1974 г., № 2, 1975 г.

в разговоре с моряками-ветеранами установили, что несколько лет назад один из них точно видел в Центральном Военно-Морском музее эту модель. Пообещал узнать все сам. Записал телефон школы и на другой день позвонил. Есть модель. Она хранится в запасных фондах, но посторонним в фонды музея вход не разрешается...

Позвонили Николаю Васильевичу, попросили помочь. **15 января** из Морского архива нам передали копию документа — «Список личного состава Краснознаменного тральщика «Мина» Черноморского флота по состоянию на 1 января 1943 г.» Всего в этом списке 71 человек. Но юнга Коли Ознобаева нет. Указан другой юнга — Лавриненко Володя... В примечании сказано: «Лавриненко В. К., будучи ранен, заменил временно потерявшего сознание командира отделения мотористов...»

Значит, в 1943 году на тральщике Коли Ознобаева уже не было. Но был другой юнга и тоже — отважный мальчишка! Нужно будет на следующей встрече с Николаем Васильевичем разузнать все о Лавриненко...

16 января. В школу пришел сам Николай Васильевич. Обрадовал нас: дадут нам пропуск в фонды музея, и сможем снять чертежи модели и сфотографировать ее. Он сказал начальникам, что мы заняты важным делом и, может быть, найдем такое, что и самому музею будет нужно...

18 января. Ответов из Туапсе и Новороссийска нет. Надо было послать письма «Авиа».

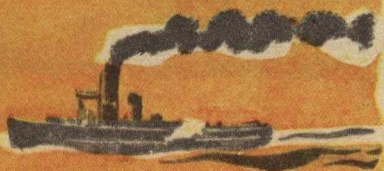
20 января. Завтра наш отряд идет в Центральный Военно-Морской музей...

Историк отряда
Света Степанова

БУКСИР

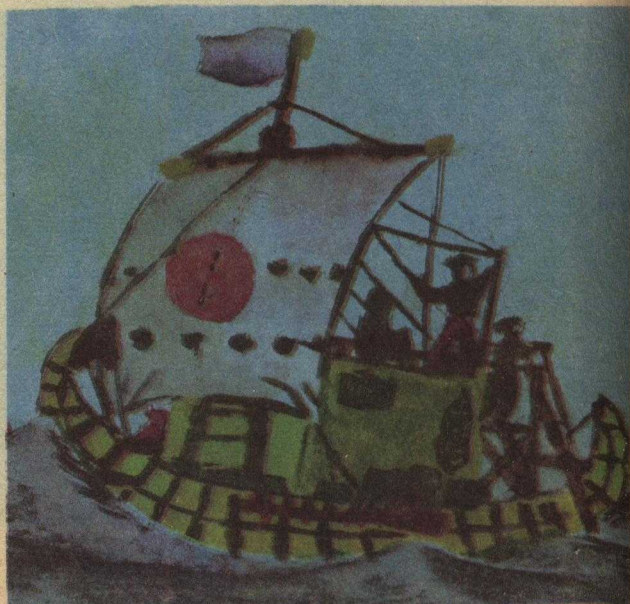
Работяга-буксир
В океаны не ходит,
В Ленинградском порту
Он порядок наводит.

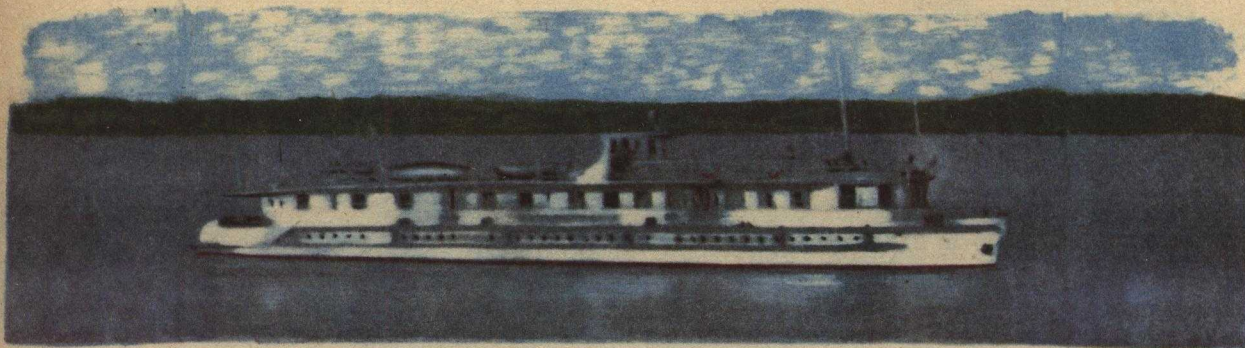
Вот он тянет
Огромное судно к причалу,
Пришвартовует
И снова спешит по навалу.
А. Тишагин

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«ПАПИРУСНЫЙ
КОРАБЛЬ „РА“
В ОКЕАНЕ».
Нарисовал
Л. Волков,
поселок
Северный
Джезказган

Кто сильнее?

Когда наш теплоход «Е. Преображенский» подходил к пристани, люди удивлялись. Что за судно? Откуда? На теплоходе — вся команда — ребята...

А ребята эти — из нашего клуба юных моряков «Чайка» во время летней практики на теплоходе прошли от Москвы до Рыбинского моря и обратно!

Механики-мотористы работали в машинном отделении, рулевые стояли у штурвала, штурманы прокладывали курс.

Все несли четырехчасовые вахты. Стояли вахту и ночью. А в свободное время мы отдыхали. В Угличе ходили в краеведческий музей, в Охотино были в гостях в пионерском лагере и дали концерт. На Рыбинском море мы провели соревнование по гребле.

В солнечный июльский день плавание наше закончилось. Нас встречали родители и шефы — рабочие завода «Чайка».

Мы выстроились верхней палубе, а капитан М. Н. Богосклонский вручил грамоты и книги лучшим курсантам: Юре Боголюбову, Славе Кульчихину, Вите Смирнову и многим другим.

Курсант КЮМа
Андрей Пономарев

ЗНАМЕНИТЫЕ ПАРУСНИКИ МИРА

ГАЛЕОН МАГЕЛЛАНА

20 сентября 1519 года 265 человек заполнили палубы пяти испанских галеонов. Бородач с мужественным и мрачным лицом — адмирал Фернандо де Магелланес дал знак поднять якоря. Галеоны вышли из гавани Сан-Лукар и взяли курс на запад — искать проход в Американском материке, путь в Индию...

Из пяти парусников через три года вернулся только один — «Виктория». Магеллана на одном из островов убили туземцы, а из экипажей эскадры осталось всего восемнадцать человек...

Галеон Магеллана по сравнению с «Ниньей» Колумба был худшим ходком, хотя и нес больше парусов. Но Магеллану и не нужны были быстроеходные корабли, нужны были вместительные. Чтобы хранить запасы для трехлетнего плавания...

«Виктория» вернулась в ту же гавань, к тому же причалу, только совсем с другой стороны, с востока. Она обошла вокруг света. Единственная и самая первая.

Старинных рисунков галеона Магеллана не сохранилось. На нашем рисунке — галеон тех времен.

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА
БЕЗ ВОЛШЕБСТВА,
НО С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Рисунки М. Беломлинского

— Кресло сеньору Сиракузерсу! — Латтифудо положил руку на колено Сиракузерсу, от чего колено задрожало. — Милый Адольфус Селестина, ты не пленник ведь мой, ты наш гость дорогой. Чего хочешь?

— Хочу таблетку «ксеркс» от дрожания, — промычал Сиракузерс.

— Дай ему таблетку, Эль-Гриди! — попросил Латтифудо через плечо, и один из его подручных ребром ладони огрел Сиракузерса по загривку.

— Массаж никто не заказывал! — рявкнул Сиракузерс, да так грозно, что все без исключения вздрогнули. Все-таки в конце концов они не что иное, как прислужники людей типа Сиракузерса, и грозные интонации своих хозяев они знают преточно.

— Мистер Сиракузерс, вы уж не обижайтесь, — почти унижаясь, сказал Латтифудо, — мы тут малость одичали в джунглях, вас дожидаясь. Вот и Эль-Гриди, добрейший ведь малый, но малость одичал. Говоришь ему: дай

Продолжение. См. „Костер“ № № 1, 2, 1975 г.

таблетку, а он сразу по шее! Сами посудите, откуда у нас здесь таблетки «ксеркс», откуда манеры? Милейший Адольфини, ведь нам от вас очень мало надо. Вы нам только скажите, дружище, в каком из номеров вашего багажа лежит сундучок, и все ваши остальные вещицы будут в сохранности. Ну-с, Селестиночка, в каком?

— В третьем, — ответил Сиракузерс, совершенно не понимая, чего от него хотят на пляже Копакабана. Честно говоря, он уже забыл, что он в руках «ганга» и полагал себя в Рио-де-Жанейро.

— Bravo! — воскликнули бандиты. — Вот это парень! Ай да Сиракузерс! Понимает, что игра проиграна, и не темнит!

Двое бандитов не выдержали, подбежали к третьему кофру и приложили к его крокодил-ему боку свои мозолистые уши.

— Стучит! Ей-ей, стучит! — возбужденно завизжали они. — Ребята, там что-то стучит. Ура! Виктория! Победа! Эй, Фулос, тащи отмычку!

— На место! — рявкнул Латтифудо и строго повернулся к Бубе. — А где же Лестер Тиу-Чан? Остался в самолете?

— Лестер Тиу-Чан не прилетел из Парижа, — ответила авантюристка. — Подозреваю, что струсил.

— У нас руки длинные, — зловеще сказал Латтифудо. — Кто в самолете?

— Обычная публика, кроме... одной деле... — начала было Буба, но вдруг все на острове услышали низкий свистящий звук. Сомнений не было: так свистят при запуске реактивные двигатели. Бандиты вскочили, расхватили оружие и бросились к самолету. Поздно! Люки «ЯКа» были задраены. Самолет медленно разворачивался среди пальм и кустов, которыми поросла бетонная полоса за годы консервации. Автоматные очереди уже не могли ему помешать. Он выбрал удобное место, прицелился, стартовал и буквально через три минуты растаял в густой океанской синеве.

— Ослы! — завизжал Латтифудо. — Вы оставили там кого-то из экипажа?

— Все они здесь, — прорычала сквозь зубы Буба Флауэр. — Наверное, среди пассажиров был летчик. Там был один, он спал, закрывшись газетой, наверное летчик. Мне все время хотелось в него выстрелить, но вот не выстрелила. Ничего, далеко не улетят. У них пустые баки.

— На сколько там осталось горючего? — рявкнул Латтифудо и ткнул пистолетом в грудь командира экипажа, привязанного к пальме так же, как и остальные летчики и обе стюардессы.

— К сожалению, всего на тридцать минут, — проговорил командир и закрыл глаза, не в силах уже смотреть на рожи воздушных пиратов. Он знал, что его прикончат через несколько минут, так зачем же эти несколько минут оскорблять свои глаза зрелищем недостойных людей? Лучше уж вспомнить что-нибудь яркое, пре-

красное, а этого яркого, прекрасного было довольно много в жизни летчика-зурбаганца.

— А рация? — взвизгнул Латтифудо. — Они сейчас на весь мир раззвонят про наше логово!

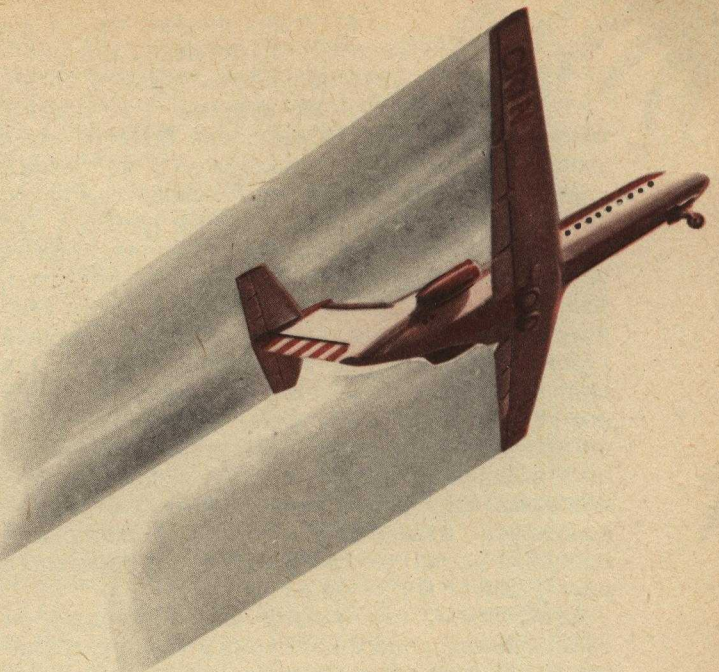
— Не волнуйся, Латтифудо, — хихикнула Буба Флауэр. — Рацию я того... — она показала стволом автомата, что она сделала с рацией.

— Крошка, — ласково сказал Латтифудо.

— Пупсик, — сказала Буба.

Они успокоились и принялись потрошить третий номер из багажа короля мясной индустрии.

Там оказались странные вещи: чучело фламинго, макет города Порту-Алегру, три пары протертых от старости боксерских перчаток, картонная коробка с пакетами вермишелевого супа, дурная копия знаменитой на весь мир картины «Опять двойка!», горностаевая мантия 27-го по счету герцога Рухтенштейна, чучело опоссума, несколько рулонов пипифакса с видами юго-западных Альп, шина грузового автомобиля «Даймонд», макет книги с надписью: «Любите книгу — источник знаний», полный комплект рыцарских доспехов, три конских хвоста, круглая и закрытая со всех сторон емкость, внутри которой плавали целлулоидный лебедь, три пластмассовых рыбки, цветы

и девочка-крошка; были здесь также турецкие туфли, кальян, примус, кремневое ружье, мешочек сухофруктов и макет Останкинской телебашни. Не было здесь только «сундучка, в котором что-то стучит».

— Это что такое, папаша? — ласково спросил Эль-Гриди на ухо Сиракузерса. — Ты над нами подшучивать решил? Учти, на этом острове нет ничего, но на нем есть очень хороший музей. Музей орудий пытки, папаша!

Мультимиллионера вытащили из шезлонга и стали подтягивать и привязывать к пальме. Это ему неожиданно понравилось, он хихикал, смущенно крутил шеей, жмурился от удовольствия. Потом он вдруг увидел разбросанные вокруг вещи из своего третьего номера и разрыдался.

— Реликты! — восклицал он сквозь слезы. — Реликты памяти! Память странная вещь, господа! Например, эта шина для вас ничего не значит, а для меня это целая вежа — память о первом представлении оперы «Флория Тоска» в театре маэстро Кальяо, где я сидел в генеральской ложе вместе с Люцией фон Адью, которая тогда являлась...

— Где сундучок, в котором что-то стучит? — взревело сразу несколько глотов, и несколько новеньких, похожих на зубоврачебные инструменты орудий пытки приблизились к телу мясного короля.

— Везде! — восторженно сквозь слезы вдруг ожившей памяти сказал Сиракузерс. — Везде что-то стучит, господа, везде стучит память, как пепел кого-то стучал когда-то в чье-то что-то. Уберите, уберите, господа... золотые двадцатые годы... старый дружище Аль-Капоне... дубль-хуч... пуленепробиваемые автомобили... чарльстон...

Гангстеры поняли, что от него толку не добьешься, и ринулись на кофры, взялись потрошить их ножами, ножницами, бритвами, ногтями, зубами... Все более и более удивительные вещи вываливались на бетон...

Между тем из кофра № 7 сквозь замочную скважину за всем происходящим следили два серых внимательных глаза. Что ж, вас, видно, не проведешь, дорогой читатель: вы, наверное, давно уже догадались, что из № 7 за всем происходящим внимательно следил наш главный герой, неустрашимый Гена Стратофонов. Он давно бы уже предстал перед бандитами, ибо в его голове давно уже созрел блестящий план, но присутствие господина Латтифудо подрезало этот план на корню. А вдруг чудовище разложилось еще не до такой степени, чтобы не вспомнить мальчика, которого в недалеком прошлом на острове Карбункул он приказывал расстрелять? Вдруг он вспомнит?

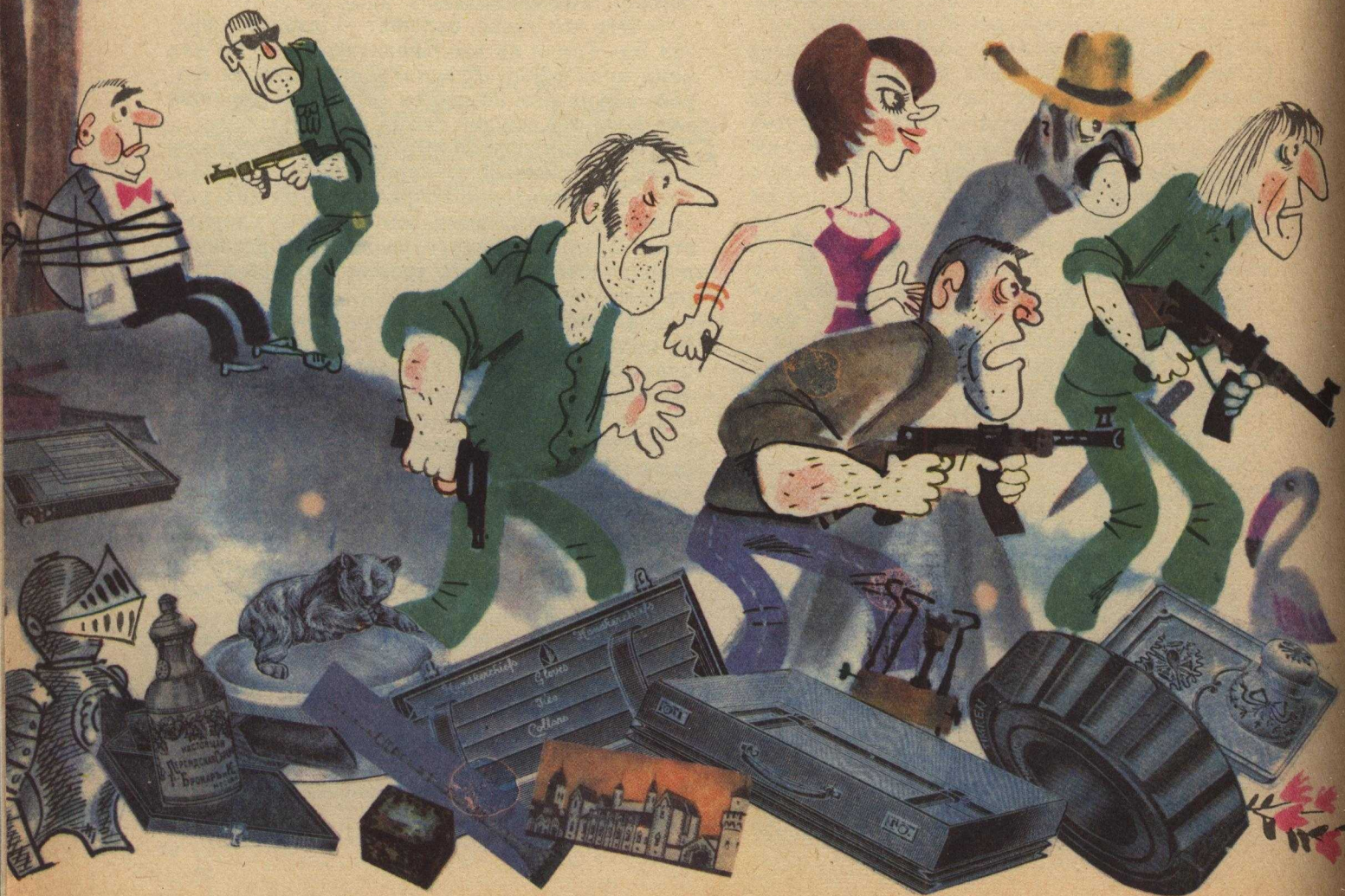
Гена видел, как улетел «ЯК-40», видел он также привязанных к пальмам членов экипажа и понимал, что самолет подняли в воздух два его любимых ветерана авиации — бабушка и Юрий Игнатьевич. Сейчас ему предстояло решение: а) можно незаметно выскользнуть из кофра № 7, спрятаться среди «реликтов памяти», а потом улизнуть в джунгли и оттуда уже

предпринять партизанские действия, б) с жутким воем и клекотом выскочить из № 7, схватить автомат, освободить пилотов зурбаганского аэро и атаковать преступников, в) ...вариант «в» был невозможен в присутствии Латтифудо.

Внезапно Гена понял, что объекта столь страстных поисков, т. е. сундучка, в котором что-то стучит, вообще нет среди багажа Адольфуса Селестины Сиракузерса. Бандиты выпотрожили уже все кофры, за исключением того, в котором прятался сам Гена, а здесь — мальчик готов был поклясться — ничего не случилось, кроме его собственного сердца. В седьмом кофре буйвола мясной индустрии таились, вероятно, реликты самой глубокой памяти богача, ибо все вокруг было мягкое, трухлявое и не очень приятно пахнущее. Открытие это, надо сказать, обескуражило и Геннадия: ведь именно ради сундучка, ради этого исторического достояния эмпирейского народа мальчик и затаился в багаже миллионера.

Итак, вариант «а»... нет, уже поздно — бандиты с ножами, молотками и пилами приближались к последнему кофру. Итак, значит, единственное, что осталось, это вариант «б» — «с жутким воем и клекотом...»

Вдруг из пальмовой рощицы, отделяющей заброшенный аэродром от бухты, раздался

низкий звук, похожий на сирену катера береговой охраны. Бандиты встрепнулись, Латтифудо бросился разыскивать свои шорты и рубашку. Он страшно волновался, а верный Эль-Гриди прыскал в его волнующийся рот освежающей жидкостью «Одорона».

— Буба, остаешься за главного! — крикнул Латтифудо. Он суетливо застегивал пуговицы своего костюма и всякий раз вздрагивал, когда из-за пальмовой рощи доносились новые гудки. — Сюрприз, — бормотал он, — вот так сюрприз, прибыли раньше времени... ой, беда... шкуру снимут... Шкуру сниму! — рявкнул он вдруг на Бубу. — Ищите сундучок! Шкуру снимите с Сиракузерса! Ищите!

Он вытащил из кустов мопед с маленькими колесами, прыгнул в седло, заработал ногами и замелькал среди пальм с живостью, которой мог бы позавидовать сам Микки Маус.

— Хочет на нас все переложить. Подходим, — сказала ему вслед Буба, — попадешься мне как-нибудь в руки!

Гена и опомниться не успел, как разъяренная «авантюристка» разрядила в кофр № 7 свой автомат! Добрых полсотни пуль прошили кожаный контейнер в двух-трех сантиметрах над головой нашего героя. Мальчик усмехнулся. Вступал в действие вариант «в».

Подобно герою классической сказки, Генна-

дий Стратофонтон поднял головой крышку своего убежища и выпрямился во весь рост. Изумление бандитов было настолько велико, что Гена даже пожалел, что не применил сразу вариант «б».

Почти все забыли от изумления о своем оружии. Гена же спокойно выпрыгнул из кофра, подошел к Бубе Флауэр, щелкнул каблуками и склонил голову с четкой галантностью при мерного колледж-боя.

— Добрый вечер, мисс!

— Кто вы? — пробормотала эта супердива в таком смятении, что, если бы Гена ответил: «Я сундучок, в котором что-то стучит», она наверное поверила бы — таким загадочным, фантастическим показалось ей появление среди старой рухляди здорового, стройного мальчика с веселыми и спокойными глазами.

— Очень красивый костюм, мисс, — сказал мальчик. — Отдаю должное вашему вкусу.

Каково самообладание! На безукоризненном английском языке Геннадий Стратофонтон сделал комплимент костюму Бубы Флауэр, а ведь любому нервному человеку этот костюм показался бы почти полным отсутствием костюма.

— Вы находите? — кокетливо спросила Буба. Комплимент всегда бодрит женщину. Взбодрилась и авантюристка и, взбодрившись, достала из своего антикостюма маленький пружинный нож, из которого после еле слышного щелчка выскочило узенькое лезвие.

— Кто вы такой, хорошенький мальчик-сундучок? — ласково спросила она.

Узенькое жало спринг-найфа описало малую окружность вокруг носа нашего пионера. Бандиты окружили Геннадия.

— А вы спросите у сеньора Сиракузерса, — спокойно и весело ответил мальчик.

— Эй! — крикнула Буба через плечо. — Эй, ты, мешок с паштетом, кто этот чудо-бой?

— Ах, вам не понять этого, господа, — всхлипнул погруженный в свои воспоминания Сиракузерс. — Кто из вас помнит удар по бирже крупного рогатого скота в Буффало-спрингс ранней весной тридцать девятого года? Для вас это история, а для меня — запах сирени, легкий ветерок...

— Я секретарь-машинистка сеньора Сиракузерса, — сказал Гена. — Он диктует, я пишу. Бандиты захохотали.

— Толково! Каков старичок! Секретаря в багаже возит!

— Экономия на билетах, — пояснил Гена.

Сиракузерс расплакался.

— Чем богаче человек, тем жаднее, — сказал с пониманием матерый Эль-Гриди. — Ух, эксплуататор!

— Этот мальчишка действительно ваш секретарь? — прошипела авантюристка.

— Увы, — сказал Сиракузерс. — Вы не ошиблись, баронесса, этот юноша — мой секретарь еще со времен двенадцатых Олимпийских игр.

— Тогда, — Буба Флауэр повернулась к Гене, — господин секретарь, извольте достать из того чемодана, где вы прятались от авиакомпаний, тот предмет, который мы ищем.

— А, этот сундучок, в котором что-то стучит? — с деланным равнодушием спросил Геннадий.

— Этот, этот! — радостно взревели преступники.

— Это тот самый сундучок, который ваш представитель купил, вернее, украл у какого-то старого чудака в каком-то северном городе, вроде бы в Ленинграде, для моего хозяина и в котором что-то постукивает? — невинно спросил Гена.

— Да! Да! — завопили бандиты. Их начала бить сильная нервная дрожь.

— Он там на самом дне, под бельем школьного периода, — небрежно сказал Гена. — Лезьте сами, ребята!

Сказав это, он молниеносным приемом самбо швырнул на бетон авантюристку Бубу Флауэр и завладел ее оружием — пружинным ножом.

Все было рассчитано точно. Бандиты, охваченные ажиотажем, даже не заметили нападения на свою атаманшу. Они все скопом бросились к № 7 и ринулись внутрь, выбрасывая какие-то истлевшие боа, шляпы, шлепанцы и тому подобное. Геннадий же со спринг-наифом бросился в другую сторону. В мгновение ока он перерезал пути и освободил экипаж «ЯКа-40» компании «Грин» — трех пилотов и двух стюардесс.

— Хватайте оружие, ребята! — крикнул он им. — Без команды не стрелять!

Буба Флауэр немедленно подняла руки вверх, как только увидела направленные на нее автоматы. И кокетливо улыбнулась: я, дескать, здесь просто купальщица, просто прелестная незнакомка, обычная звезда экрана, не более того...

Из № 7 полетело наконец белье школьного периода и послышался жуткий вой десятка глоток:

— Ничего! Там нет ничего!

Бандиты обернулись и тут же подняли руки вверх. Экипаж зурбаганского аэро оказался людьми не робкого десятка. Даже стюардессы сжимали в своих руках оружие, как настоящие солдаты.

Быть может, не все наши уважаемые читатели знают одну непреложную истину: бандиты трусливы. Теперь пусть знают все: бандиты храбры лишь при нападении на безоружных и не ожидающих нападения людей. При малейшем сопротивлении бандиты, блатари, всякая там шпана начинают немного трусить. Вот и сейчас еще недавно грозные «хай-джекеры» дрожали от страха, глядя на свои недавние жертвы. Меряя всех своей меркой, они ждали мести.

— А ну! — сказал Геннадий на своем безукоризненном английском. — Все полезайте в чемоданы!

Бандиты дважды себя упрашивать не заставили и мигом разместились в сиракузерских чемоданах, где поодиночке, а где и по двое.

— Давайте быстренько познакомимся, — предложил Гена своим соратникам и, как воспитанный мальчик, в первую очередь поклонился стюардессам. — Меня зовут Гена Стратофонов.

— Ой, неужели это вы?! — вскричали девушки. — Мы вас знаем, мы читали! Мы даже не мечтали познакомиться! Какое счастье!

— Однако простите! — вскричали они.

— Меня зовут Гала!

— А меня Акси!

— Гала и Акси! Очень приятно!

— Фил! — представился один пилот.

— Зит! — представился второй.

— Эсп! — отрекомендовался третий.

Быстро познакомившись, эти смелые люди закрыли все кофры Сиракузерса, защелкнули все застёжки, затянули все ремни, а кое-где всунули задвижки из пальмовых ветвей.

— Bravo! — захохотал вдруг все еще неотвязанный Сиракузерс. — Кто это все устроил? Опять «Интернейшл миллионер сервис»? Молодцы! Все было, как в жизни, даже больно. Я был абсолютно убежден, что я в руках «ганга», до этого комического номера с чемоданами. Bravo, господа! Финал великолепный! Все счета будут оплачены по предъявлению.

Увы, сеньор Сиракузерс, до финала было еще далеко. За пальмовой рощей послышались громкие голоса, резкий смех, шаги большой группы людей.

Гена сделал знак своему отряду и побежал к цветущему кустарнику, окаймлявшему летное поле. Фил, Зит, Эсп, Гала и Акси бросились за ним. Не успел маленький отряд укрыться в кустах, как большой отряд вышел из пальмовой рощи на бетон. Теперь наступила очередь Гены открыть рот от изумления. Впереди отряда шла... она... женщина-чудовище мадам Накамура-Бранчковска, которая в конце предыдущей книги рухнула на своем самолете в воды Эмпирейского пролива и лопнула, как один из пузырей земли, о которых писал еще Великий Потрясающий Копьем.

в которой
приносится жертва
океанскому богу
Де Винду

— Отличная машина. Ах, какая великолепная машина, — приговаривал Юрий Игнатьевич, сидя за рулем «ЯКа-40». Старый авиатор явно наслаждался.

Мария Спиридоновна между тем тревожно смотрела на приборы и озидала по-прежнему синий и по-прежнему безжизненный простор.

— Юрий Игнатьевич, — проговорила она, — практически можно сказать, что у нас кончилось топливо. Мы летим на нуле.

— Да? Жалы! — легкомысленно реагировал на это сообщение Четверкин. Он улыбнулся. — А все-таки, дружище товарищ, я счастлив, что мне довелось сесть за руль реактивного аппарата!

— Юрий Игнатьевич, через пять минут мы начнем падать, — сказала бабушка Стратофонта.

— Зачем нам падать? Попробуем планировать. Мне кажется, что я смогу планировать на этой машине.

— Юрий Игнатьевич, ведь это вам не «фарман»!

Старик вдруг выключил двигатель. Мгновенная тишина. Крик ужаса в салоне. Самолет клюнул носом вниз, левое крыло задралось... и вдруг — как будто лошадь взяли в вожжи — нос приподнялся, крыло выровнялось, самолет плавно заскользил вниз, как лыжник по пологому склону.

Мария Спиридоновна посмотрела на пилота. Четверкин сидел, подавшись вперед, руки со вздувшимися жилами крепко держали руль, лицо обострилось, даже морщины как будто сгладились, он даже стариком в этот момент не выглядел, а был совсем молодым. Вот тут штурман бомбардировочной авиации М. С. Стратофонта поняла, что пилота такого класса даже она никогда не встречала. Это был даже и не «класс», это было то, что в старину называли «божьей милостью».

Четверкин включил двигатели. Они заработали ровно, хотя и питались самыми последними каплями бензина.

— Видите? — не без мальчишеского бахвальства спросил авиатор.

— Что ж, — сказала бабушка Стратофонта, — на комплименты нет времени. Старайтесь протянуть подальше. Вам не кажется, что на горизонте что-то темнеет?

— Нет, не кажется, — сказал Четверкин. — Увы, не кажется, а у меня зрение стопроцентное, дружище товарищ.

— Что же получается? Будем садиться в море? — спросила стоявшая в рубке мама Элла.

— Есть другие предложения? — поинтересовался Четверкин.

— Других предложений нет, — сказал папа Эдуард. — Здесь, в воздухе, гораздо меньше вариантов, чем в горах. Надо раздать пассажирам спасательные жилеты.

— Правильное предложение, — одобрил Помпезов Грант Аветисович.

В самолетах, совершающих рейсы над океанами, в программу сервиса обязательно входит спасательный жилет для каждого пассажира. Они хранятся в маленьких контейнерах под креслами. Перед падением в океан всем

рекомендуется надеть спасательный жилет оранжевого цвета. Оказавшись в воде, вы дергаете шнурок, и сжатый воздух мгновенно заполняет ваш спасательный жилет и поддерживает вас на поверхности довольно продолжительное время. Это явление избавляет вас от чувства заброшенности, затерянности в необозримых водах океана. Пока жилет действует, вам все еще кажется, что авиакомпания обслуживает и опекает вас. Жилет может даже предоставить вам одноразовое питание в виде питательного тубика в специальном кармашке. Впрочем, если вы опытный человек, вы растянете тубик на три раза и таким образом выиграете время. Конструкторы жилета подумали и об акулах. Акул очень много в южных морях. Неистребимое любопытство — главное свойство этих тварей. При попадании в их среду постороннего тела (в данном случае это вы) акулы во множестве собираются вокруг вас и плавают рядом, сгорая от любопытства, но внешне как бы безучастные. Вы, бедняга, волнуетесь, видя плавники акул, хотя, возможно, акулы и не собираются вас жрать, а лишь удовлетворяют свое любопытство. Однако, волнуясь, дружище бедняга, не забывайте о «противоакулине», которым снабжен ваш спасательный жилет. Вы дергаете другой шнурок, и в воды океана впрыскивается темная жидкость, которая почему-то очень неприятна акулам. Неизвестно, что происходит с акулой, когда она сталкивается с «противоакулином», то ли она чихает, то ли у нее что-то чешется, но только она уплывает, оскорбленная в лучших чувствах.

Пока не рассосется «противоакулин», по крайней мере часов пять-шесть, вы можете чувствовать себя в полной безопасности, дружище бедняга. Постарайтесь извлечь максимум удовольствия из этих часов, качайтесь себе на волнах и вспоминайте яркие моменты своей жизни.

Так, или примерно так, утешала Даша Вертопрахова пассажиров, когда помогала им застегнуть на спине zipper спасательных жилетов. Между тем сестра ее, знаменитая грация европейских помостов, утешала пассажиров своими упражнениями с лентой. Легкими скачками она проносила по проходу между кресел, а однажды в результате маневров Юрия Игнатьевича в самолете на миг возникло состояние невесомости и грация из «Трудовых резервов» буквально проплыла над пассажирами, утешая их ангельским голосом:

— Не волнуйтесь, товарищи леди и джентльмены! Нет никакого сомнения, что пресса уже поставлена на ноги! Нас ищут!

Валентин же Брюквин неожиданно для всех взял на себя обязанности стюарда и утешал пассажиров ломтиками дивной ветчины, кучками зернистой икры, корешками нежной спаржи и минеральной водой из запасов компании «Грин».

— Ю хэв ту ит сам дилишэс мил бифо бас- (кончик языка между передними зубами!)

бат... батс... инг! — Что можно перевести примерно следующим образом: «Давайте малость подзаправимся перед купанием!»

Как видим, все наши герои проявляли удивительное самообладание перед лицом тяжелейших испытаний.

Между тем «ЯК-40», планируя, приближался к водной поверхности. Волнение в 2—3 балла, то есть привычное состояние океана, уже сделало бы невозможным посадку реактивного лайнера (хоть и маленького) в океан. Удар даже небольшой волны под крыло перевернул бы этот аппарат, отнюдь не приспособленный для морских путешествий.

На счастье, был совершенно необычный для этих широт штиль, и Юрий Игнатьевич мягко, почти без брызг, посадил машину на грудь великого океана. Теперь они чуть-чуть покачивались. Это все было к счастью, а вот, к несчастью, вокруг не было ничего: ни дымка, ни паруса, никакого намека на близость земли.

Из пилотской кабины вышел папа Эдуард, стройный, спокойный, почти веселый.

— Дамы и господа, друзья, товарищи! — обратился он к пассажирам, учитывая их разнородный состав и принадлежность к капиталистическим, социалистическим и развивающимся странам. — Нам придется покинуть самолет. Сейчас мы держимся на поверхности благодаря герметичности нашей машины и благо-

даря штилю. Однако при малейшем изменении погодных условий мы перевернемся. Вот такие дела, ребята. Главное, без паники. Мы находимся на пересечении главных грузовых трасс. Не пройдет и часа, как мы будем подобраны каким-либо коммерческим судном.

— Без сомнения, — добавил Грант Аветисович.

Ради сохранения спокойствия на борту, папа Эдуард, конечно, немного покривил душой. Они находились не на пересечении трасс, а наоборот — в некотором, а точнее — в недостижимом удалении от этих самых трасс, в безнадежно глухом углу океана.

Сестры Вертопраховы и Валентин Брюквин для поддержания духа среди пассажиров запели песенку «Антошка-Антошка, пойдем копать картошку».

Неожиданно их поддержали. Английский пастор запел веселую песенку Армстронга «Когда святые идут в рай». Чех завел песню из фильма «Старики на уборке хмеля». Индус что-то из репертуара Раджа Капура... Все нации доказали способность к испытаниям.

Открыли люк. Ласковый океан колыбался в полуметре от люка, а однажды даже лизнул подошвы папы Эдуарда и обдал его теплыми солеными брызгами.

— Друзья, а почему бы нам не соорудить импровизированный плот?! — вскричал Юрий

Игнатиевич Четверкин, который вообще чувствовал себя на вершине блаженства в связи с таким замечательным приключением, и единственное, о чем жалел, — об отсутствии своего юного дружища Гены. — В самолете есть множество предметов для сооружения импровизированного плота! Эх, жаль, дружище товарищи по несчастью, жаль, что отсутствует наш милый Гена с его острым умом!

Вдруг! Какое, правда, чудное взрывное слово «вдруг» и как бы без него обошлись мы, писатели приключенческих писаний! Вдруг в необозримом океане, в слепящем медном сиянии закатного уже солнца, появилась черная отчетливая точка.

— Уж не Генаша ли? — подумали бабушка, мама и папа. — Момент подходящий для его появления.

Все пассажиры заметили точку и теперь следили за ней с надеждой и тревогой. Точка быстро росла, она по огненно-медной дороге неслась к ним, прямо к ним, да, она направлялась прямо к севшему в океан самолету.

Вскоре уже можно было разглядеть стремительные контуры полинезийского каноэ, с противовесом по правому борту, и тонкую фигурку с веслом, стоящую на корме.

Прошло еще несколько минут, и каноэ приблизилось к самолету. Бесстрашный мореплаватель оказался высоким сухощавым челове-

ком с гривой седых волос и молодецки подкрученными усами. Одет он был довольно странно для путешествия на каноэ через океан. Туалет его составляли наряду с яркими плавками солидная сорочка, какую обычно надевают под пиджак, и строгий английский галстук с диагоналями. Под седыми волосами и коричневым лбом на плоском полинезийском носу сидели профессорские очки.

Итак верхняя половина незнакомца выглядела чрезвычайно респектабельно, интеллектуально, нижняя же половина с ее босыми и острыми в ссадинах и кровоподтеках коленками выглядела чрезвычайно нереспектабельно, обычная нижняя половина обычного тела обычного полинезийского рыбака.

— Бон суар, медам и месье, — сказал незнакомец на понятном французском. — Я видел, как вы садились в океан. Разрешите засвидетельствовать уважение вашему экипажу. Не могу скрыть своей радости, видя вас всех в добром здравии. Добро пожаловать, господа!

— Кто вы? — вскричали все присутствующие на борту «ЯКа-40».

— Простите, что сразу не представился, — чуть поклонился незнакомец и тут же перестал быть «незнакомцем». — Я вождь племени Фуруруа с атолла Чуруруа. Мое личное имя Фуруруа Чуруруа. К вашим услугам.

Молниеносная догадка мелькнула в головах всех присутствующих ленинградцев.

— Да вы, должно быть, знаете Цитронского Льва Степановича с улицы Рубинштейна! — воскликнула на родном языке Наташа Вертопрахова.

— Боже ж ты мой! — вскричал по-русски Фуруруа Чуруруа. — Лев Степанович уже много лет мой лучший заочный друг! Позвольте, позвольте... Прошу не удивляться, если я упаду сейчас в обморок. Уж не имею ли я дело с соседями Льва Степановича господами Страффонтовыми?

— Не падайте в обморок, месье Фуруруа Чуруруа, это мы! — сказал папа Эдуард, прыгнул из самолета в каноэ и поддержал интеллигентного вождя, который все-таки немножко упал в обморок.

Все ликовали: значит, рядом где-то лежит атолл, значит, они спасены! Оказалось — ликование преждевременное: до атолла было не менее 250 километров.

Оказалось, что Фуруруа Чуруруа совершает путешествие со своего атолла, где жило его племя (или, если угодно, семья) в количестве 87 человек, на другой атолл, у которого даже и имени не было и который значился в логиях под обозначением Г.Ф.-39 и где жило племя в количестве одного человека. Оказалось, что вождь покрыл уже около двух третей пути, но и до атолла Г.Ф.-39, по его соображениям, было отсюда не менее 120 километров. Увы, рации в каноэ не было. Рация слишком тяжела для утлого суденышка. «Что ж, господа, не будем тогда терять времени зря и постараемся добраться до атолла Г.Ф.-39 своими средствами». Во всяком случае, благородный вождь гарантировал беднягам, что будет с ними до конца и в случае необходимости погибнет вместе.

Впереди двигалось каноэ с двумя гребцами, Фуруруа Чуруруа и папой Эдуардом. За ним на буксире тащился невероятный импровизированный плот, сооруженный из самолетных кресел, ящиков из-под кока-колы и опустошенных чемоданов. На плоту сидели женщины и дети. Сильные пловцы-мужчины во главе, конечно, с Валентином Брюквиным помогали гребцам буксировать это странное сооружение.

Фуруруа Чуруруа уколошил веслом солидную рыбу и принес ее в жертву богу погоды Де-Винду, и тот в лице одного из равнодушных альбатросов тут же эту рыбу пожрал. Фуруруа Чуруруа повеселел: если Де-Винду будет снисходительным, предприятие имеет несколько шансов на успех.

— Что все это значит? — зловеще медленно проговорила мадам и повернула свой надменный подбородок к уже дрожащему в ожидании

стека Латтифудо. — Где сундучок, в котором что-то стучит? Где все мои люди? Где самолет? Я пристрелю тебя на месте, слабоумный Латтифудо!

Мадам была окружена по крайней мере двадцатью отборнейшими бандитами, среди которых Гена увидел немало своих прошлогодних знакомых: здесь были и полковник Мизераблес, и сержант Пабст, и Буллит, и Грумло... Да, видно, стены эмпирейской тюрьмы оказались недостаточно крепкими для этого сброда.

Какой странной властью обладала мадам Н.-Б. над этими подонками рода человеческого. По одному ее слову они готовы были броситься и растерзать любого. Сейчас они были готовы броситься и растерзать Латтифудо.

— Любимая, прелестная, величественная! — воскликнул Латтифудо, падая на колени и простирая руки (ну просто персонаж античной трагедии!). — Самолетик, увы, улетел по вине нашей Бубочки, Бубочки Флауэр... увы... Наши людишки здесь, здесь, куда же им деться? Может быть, просто погулять пошли? А сундучок — он оставался в седьмом номере. Там!

Буллит и Грумло подскочили к седьмому номеру, сбили с него замки и извлекли на свет божий еле живую от страха супердиву Бубу Флауэр. К коленопреклоненному мужчине прибавилась коленопреклоненная дама.

— Любимая, прелестная, величественная! — трагически возопила она. — Мы попали в ловушку! Сундучка нет нигде! Ловкий несовершеннолетний авантюрист посадил нас всех в чемоданы и скрылся!

Оживший монстр в женском облике испустил нечеловеческий вопль. Забыв о коленопреклоненных, мадам совершила прыжок в сторону. Прыжок, достойный молуккской пантеры, и вплотную приблизилась к хохотавшему что есть мочи Сиракузерсу.

— Ой! — закричал он. — Пощадите! Я его где-то забыл! Я где-то потерял сундучок, в котором что-то стучит!

— Сколько извилил шевелится в твоём мозгу? Ты хуже самого старого вола из твоих бесчисленных стад! — кричала, теперь уже без всякого «демонизма», а совсем как рыночная торговка, мадам и совала свой пистолетик в огромную перезрелую клубнику, то есть в нос господина Сиракузерса. — Изящная аристократка, вместо того чтобы наслаждаться искусством и цветами, взвалила на свои хрупкие плечи всю тяжесть операции «Сундучок». Она рядилась в несвойственные ей личины агента «И-М-С», старика-антиквара, дворничихи в большевистском Петрограде! Каким опасностям подвергалось нежное существо, отпрыск древней французской фамилии! Весь гениальный план: высадка на Г.Ф.-39, обман мультимиллионера, проникновение в Россию, подсовывание сундучка в багаж мультимиллионера, захват зурбаганского лайнера — все рухнуло! Сподвижники, товарищи мои, борцы за великую океанскую идею, мы так же далеки от кассиопейских сокровищ, как в самом

начале нашего пути! Плачьте, сподвижники! — рывкнула она и, только убедившись, что все плачут, снова запричитала. — Что нам осталось теперь, милые мученики идеи? Жалкие мультимиллионы этого ничтожества?

— Да, жалкие мультимиллионы, — радостно зарыдали «борцы-сподвижники».

— Все мои жалкие мультимиллионы — ваши, — торопливо сказал Сиракузерс. — Только, умоляю, мадам, больше не надо...

— Мало! — рывкнула Н.-Б. и снова застена-ла, словно Дездемона. — Ваша любимая, прелестная, величественная прошла сквозь такие тернии! Ей пришлось надеть на себя маску туриста! Ей пришлось, для того чтобы завладеть кассиопейской флейточкой, обезобразить свое милое личико седыми усами, а свою прелестную фигуру скрыть под черной дурацкой крылаткой! Ей пришлось укокошить какое-то несовершеннолетнее существо... — вдруг она запнулась и медленно повернулась к колено-преклоненной Бубе Флауэр. — Встань! Ты говорила что-то о несовершеннолетнем?

Внезапно в идиллический шум прибоя и рокот палм под крепким теплым ветром впле-ся какой-то посторонний звук. Все повернули головы и увидели, что из-за вершины остров-ной горы вылетел и стал быстро приближать-ся к ним военный вертолет «Хьюи», явно куп-ленный по дешевке на сайгонской толкучке, по-сле того как огромная американская экспеди-ционная армия убралась восвояси.

Бандиты взяли оружие наизготовку и плот-ным кольцом окружили вертолет, который сел на бетон, взвихрив своими винтами некоторые легковесные «реликты памяти».

— Лестер Тиу-Чан! — вскричала Буба Флауэр, когда из вертолета выскочил тот са-мый плейбой-блондин, что так позорно стуше-вался перед Геннадием в парижском аэропор-ту Орли. — Величественная, разрешите мне пристрелить этого труса?

— Любимая, прелестная! — вскричал Лес-тер Тиу-Чан и шмякнулся ничком на бетон в ноги мадам Н.-Б. — Величественная! Твой вер-ный сподвижник у твоих ног! Признаюсь, я не смог прилететь вовремя в Зурбаган из-за своей слабости. Мадам, вы знаете меня по Гонконгу, по Макао, по Борнео, по Эмпиреям и Г.Ф.-39, вы знаете, что Лестер Тиу-Чан нигде не празд-новал труса. Мадам, в Орли я был потрясен. Мадам, я увидел среди пассажиров, летящих в Зурбаган, нашего страшного врага, того бе-сенка, с которым когда-то вместе тренировал-ся под командой Дика Бугги (хорошего огонь-ку под его сковородкой!), с которым мы выса-дились на Эмпиреях и который нас всех тогда погубил, — я увидел, мадам, Джина Стрет-фонда собственной персоной!

— Это он! — завопила Буба Флауэр. — Он освободил пилотов, засадил нас в чемоданы и скрылся! Он не мог далеко уйти!

Все бандиты повернулись к Накамуре-Бранч-ковской в ожидании приказа. Женщина-чудо-вище кусала пунцовые губы.

— Злой гений моей судьбы, — медленно проговорила она. — Джин Стретфонт, отняв-ший у меня Корону Больших Эмпиреев!

— Бейте в бензобак, ребята, — тихо коман-довал Гена Эспу, Зиту, Гале и Акси. — Огонь!

Шесть струй свинца прошли тропические за-росли и ударили в борт вертолета. Мгновение спустя взорвался бензобак. Огненное облако поднялось в небо. Клубы дыма повалили от го-рящей машины и скрыли из глаз мечущиеся фигуры бандитов.

— Отступаем в гору! — командовал Гена, и они, все шестеро, пустились бежать по тропин-ке вверх, туда, где на фоне красного заката, словно силуэт сказочного замка, вырисовыва-лась скалистая вершина острова.

Любитель сочных деликатных рыб океанский бог Де-Винду оказался милостив. Стоял штиль, и странный караван беспрепятственно двигал-ся всю ночь в фосфоресцирующих водах. Плов-цы и гребцы-буксировщики сменяли друг дру-га. Между прочим, когда в коренники вышла бабушка Мария Спиридоновна, скорость кара-вана резко возросла, что вызвало среди жертв веселое оживление.

Стихия была настолько ласкова и добра к на-шим жертвам, что даже и стихией-то не каза-лась, а казалась какой-то уютной и милой сре-дой обитания. Быть может, потому так вела себя стихия, что наши жертвы даже и не каза-лись ей жертвами, а просто какой-то симпатич-ной компанией чудаков-весельчаков. Все жерт-вы, представители разных наций, вели себя преотменно, подбадривали друг друга доброй, порой ядреной шуткой, смехом, брызгами, раз-говором. Компанийка хиппи подбадривала му-зыкой: трелями тибетской флейты, звоном лон-донских колокольчиков. Помпезов Грант Авети-сович подбадривал всех чтением на память фи-лософских книг — Гегеля, Фейербаха... Что касается маленьких детишек — китайчонка, та-тарчонка, мальгашонка, австрийчонка и мао-ри, то они были просто счастливы. Они весели-лись вовсю.

Знаете ли вы океанскую ночь? Да кто же нынче не знает океанской ночи. Нет, наверное, на земле ни одного человека, который бы хоть раз не видел ее в кино, и вам, многоуважаемый современный читатель, не нужны никакие под-робные описания. Океанская ночь, говорит ав-тор. И вы сразу же представляете себе светя-щуюся тяжелую мглу необозримой влаги и над ней черную прозрачность необозримого не-ба, где полыхают Южный Крест и Лебедь, Орион и Скорпион и где нынче деловито про-бираются сквозь звездную толчею искусствен-ные звезды — спутники, военные и штатские.

«Ах, — подумала в эту звездную океанскую ночь Наталья Вертопрахова, отдыхая на плоту и глядя в небо с непонятным волнением. — Ах, мне кого-то не хватает в эту ночь, то ли роди-

телей, то ли тренера, то ли этого несносного заносчивого одноклассника, вообразившего, что быть героем приключенческих книг гораздо заманчивее, чем чемпионом по художественной гимнастике. Ах, — подумала она, — все это шутки переходного возраста, и, как бы сказал присутствующий, но молчащий Брюквин, — «Ноу комментс...»

Так они плыли и старались не думать о том, что под ними несколько километров водной толщи, населенной неведомыми существами. На рассвете, когда часть жертв частично выбилась из сил и отчасти почувствовала себя и в самом деле жертвами, вожатый каравана Фуруруа Чуруруа испустил торжествующий вопль. Ни европейцы, ни американцы, ни азиаты, ни австралийцы, ни африканцы еще не видели на горизонте никаких признаков земли, но Ф. Чуруруа своей чуткой кожей полинезийца уже почувствовал близость атолла Г.Ф.-39.

И впрямь через несколько часов в лучах восходящего солнца предстал взору наших жертв крохотный клочок суши, окаймленный неизменным океанским ожерельем — белоснежной стеной мощного прибоя. Теперь предстояло собрать последние силы и преодолеть стену прибоя, не растеряв по дороге женщин, хиппи и детей.

в которой
говорится о том,
как невредно иметь
многодетных друзей

Маленький отряд во главе с тем, кого так не хватало кое-кому на импровизированном плоту, то есть во главе с Геней Стратофонтовым, отступал по звериным тропам сквозь джунгли неведомого острова в горы, то есть к вершине единственной на этом острове, но довольно крутой горы.

Сначала бандиты шли по пятам. Смелчаки слышали даже их хриплые голоса, не говоря уже о беспорядочных выстрелах в темноту. Потом выстрелы смолкли и голоса отстали. Бандиты, видимо, решили отложить охоту на завтра: ведь все равно с острова уйти никуда нельзя. Остров был естественной ловушкой.

Прошло еще несколько часов, прежде чем отряд достиг вершины — окруженного скалами маленького плоскогорья, похожего на естественную крепостную башню и очень удобного для укрытия и обороны и покрытого к тому же мягким упругим мхом.

— Подождем рассвета, — предложил Гена. — Отсюда мы увидим весь остров и окружающее пространство.

Патрулировать первым выпало Филу, и Геннадий растянулся на мягком пушистом мху. Он хотел было взвесить и оценить все события истекшего дня, но отвлекся от событий и попал во власть какого-то странного ощущения. Над ним распростерло огромные ветви некое могучее дерево. Оно гудело под океанским ветром и кипело пышной листвой с какой-то особенной доброй силой, и сквозь листья этого дерева просвечивало созвездие Кассиопеи. Все это вместе — гул дерева, и кипень его листвы, и мигающие огоньки созвездия — словно бы говорило Геннадию:

— Спи, мой мальчик! Не взвешивай и не оценивай событий. Ты устал, завтра разберемся.

...Когда он открыл глаза, то увидел над собой молодого леопарда. Шерсть красивого зверя золотила зоря, поднимающаяся из океана, — «розовоперстая Эос», как называли ее когда-то древние греки. Леопард лежал на нижней ветви могучего дерева и дружелюбно смотрел на мальчика. Могучее дерево своими бесчисленными ярусами уходило в небо, и вершины его не было видно.

Гена встал, потянулся, подпрыгнул и покачался немного на нижней ветви могучего дерева. Леопард одобрительно помахал хвостом. Гена увидел на фоне утренней зари красивый силуэт стюардессы Акси. Она сидела на скале, положив на колени автомат, а рядом с ней лежал, свернувшись калачиком, впрочем, скорее не калачиком, а изодоренным калачом, еще один молодой леопард.

— Какие милые животные, — подумал Гена. — И какое удивительное дружелюбие! Наверное, они думают, что мы тоже леопарды, только другой породы.

Он взобрался на одну из скал, окружавших лужайку, подошел к самому краю (внизу была пропасть) и огляделся. С этой огромной высоты он увидел сквозь розовую дымку на юго-западе очертания еще одного острова, а на северо-востоке были отчетливо видны крутые берега третьего. Неожиданно Гену озарила догадка: да ведь это не что иное, как цепочка маленьких Эмпирейских островов, тот самый хвостик той самой грейт-эмпирейской запятой! Мы на архипелаге! Ура! Это меняет дело! Шансы на спасение увеличиваются. Должно быть, мы находимся на острове Ылип, или на Фухсе, или на Фео... Да, конечно, это остров Фео: ведь именно он славится самой высокой горой на всем архипелаге. Остров Фео!

Гена спрыгнул со скалы и зашагал по пружинящему мху лужайки. Товарищи его — экипаж зурбаганского «ЯКА» — безмятежно спали, раскинувшись под гигантским деревом. Похоже было на то, что и часовой Акси, чей силуэт так красиво выделялся на фоне зари, тоже безмятежно спала. Это было бы опасно, если бы Гена не знал нравы своих врагов. Бандиты, окружившие гору, безусловно тоже дрыхнут после обязательной вечерней пьянки.

Похоже, что бодрствуют на всем острове только трое: он сам — Гена, симпатичный леопард на ветке гигантского дерева и само это гордое дерево неизвестной породы, которое, наверное, не спит никогда.

Гена подошел к стволу, не уступающему по объему космической ракете, прислонился к нему и вздрогнул от изумления. Ствол дерева был теплый!

Тепло шло изнутри, словно там внутри по всем капиллярам и крупным сосудам шла горячая кровь.

Читатель, конечно, уже догадался, что сделал наш герой в следующий момент. Конечно, Гена прижался к горячему дереву ухом и, конечно, услышал там изнутри взволнованный стук, гулко несущийся сквозь деревянную массу и улетающий как бы в трубу.

— Дерево «пульс»! — закричал мальчик так громко, что все проснулись, даже очаровательный часовой, а леопард спрыгнул с ветви и посмотрел на Гену удивительными глазами.

— Простите, я хотел сказать — это дерево «сульп»! — взволнованно объяснил Гена и задумчиво пробормотал: — Что за странная оговорка...

Прибой близ атолла Г.Ф.-39, естественно, разметал импровизированный плот на кусочки и теперь выбрасывал на пляж с регулярностью автомата то кресло, то ящик, то чемодан, а то и человека. Бессмысленно было бороться с этой пенной стеной, да и незачем было бороться. Прибой не

знал разницы между одушевленными и неодушевленными предметами. Он просто закручивал предмет в своих водоворотах, а потом выбрасывал его на уже горячий от солнца пляж.

В конце концов полуживые, в обрывках одежды пассажиры сползли все вместе под высокой кокосовой пальмой. Они лежали на песке, пытаясь отдышаться и выплюнуть излишки соленой воды, попавшей в их организмы при пересечении полосы прибоя. Однако не прошло и десяти минут, как они отдышались, выплюнули излишки и попытались — ох, человеки, неумные существа! — сориентироваться в пространстве.

Атолл Г.Ф.-39 был крохотным кольцом суши вокруг небольшой мелкой лагуны, где важно и безучастно прогуливалось несколько заблудших фламинго. Десятка два-три кокосовых пальм раскачивалось в потоках пассата. В северо-западной части атолла был небольшой зеленый холм, оттуда, с этого холма, спустилась человеческая фигура и медленно двинулась по ослепительно белому пляжу к нашим жертвам.

Мсье Фуруруа Чуруруа взгляделся в эту фигуру и сделал сообщение.

— Мадам и мсье, к нам приближается население атолла Г.Ф.-39, а именно господин Герман Фогель, к которому я и направлялся на своем стремительном каноэ.

Надо сказать, что вождь перепрыгнул через прибой на своем каноэ без особого труда. Беспомощное кувыркание в пенных водоворотах остальных мужчин каравана порядком удивило его, но он ничем не показал своего удивления, а тем более насмешки. Вождь был человеком образованным и широким, и он, конечно, понимал, что жители Лондона, Парижа и Ленинграда не встречаются в своей повседневной жизни с такими сильными прибоями.

— Дело в том, господа, — продолжал он, — что некоторое время назад Герман Фогель, известный в прошлом радиолюбитель, послал в эфир тревожную радиogramму, адресованную известному и уважаемому в кругах коротковолнников Геннадию Стратофонову, то есть вашему внуку, мадам Мария Спиридоновна, вашему сыну, мадам Элла и мсье Эдуард, вашему другу мсье Четверкин, мадемуазель Даша и Наташа и шевалье Брюквин Валентин. Однако сигналы с атолла Г.Ф.-39 были очень слабыми (предполагаю, что сели аккумулятор), и уважаемый Геннадий был поставлен в тупик.

У каждого из нас, коротковолнников, господа, есть свои друзья по эфиру, и очень часто эти круги соприкасаются. Так, на счастье, заочный друг уважаемого Геннадия уважаемый Мик Джеггер, почтальон с Фольклэндских островов, оказался и моим заочным другом. Я пустил в ход других своих заочных друзей, включая вашего соседа, уважаемого Цитронского Льва Степановича, принес жертву радиобогу Мегахерцу... ну, не будем уточнять, ну, пару кур, корзину рыбы, ну, кое-что еще... Короче говоря, господа, Мегахерцу оказался милостив, и мне удалось почти точно установить, что таин-

ственные размытые сигналы идут от Германа Фогеля, с атолла Г.Ф.-39. Увы, сигналы отсюда больше не повторялись, и мне пришлось выйти на море на каноэ. Впрочем, я рад, что встретился с вами и мы можем все вместе разделить радость встречи с Германом Фогелем, который сейчас приближается к нам.

К ним приближался гигант непонятной расы и непонятного возраста. Мускулистые бронзовые плечи и мускулистые черноватые ноги несли на себе обрывки одежды, которая, возможно, была когда-то сукном цвета хаки, но, возможно, и батистом цвета «нерванше». Длинные спутанные пегие волосы ниспадали на плечи, длиннейшая пегая борода была заткнута за пояс, цвета глаз нельзя было различить из-за нависших пегих бровей. Приблизившись на расстояние двадцати метров, гигант вынул из сумы две гранаты, поднял их над головой и прокричал на каком-то немыслимом языке, в котором kloкотали русские, немецкие, французские слова, а также звуки моря, скрип пальм и вой ветра:

— Если вы не гутентаген, а геген мир...у-у-у-скр-трск...нихт добро по-ж-жа-а-ашдлмр-шдлмр-ло-о-о-о-вать... шерше дизе папир... их буду вас эсплоз-з-з...тр-тр-р...их!

Смысл приветствия, кажется, был ясен всем присутствующим.

— Если вы пришли сюда с дурными намерениями, я взорву вас на месте!

В подкрепление своих слов гигант выразительно помахал своими ржавыми гранатами.

Воцарилось смущенное молчание, и вдруг Четверкин Юрий Игнатьевич, резво вскочив на свои легкие ноги, устремился к гиганту с распростертыми объятиями.

— Шер ами! Обер-лейтенант Герман Фогель, елки точеные! Ей-ей, милостивые государи, через пятьдесят девять лет приятно встретить даже бывшего врага! Вы помните, обер-лейтенант, как я сбил ваш «альбатрос» в 1915 году в трех верстах к северу от Перемышля? И зашел к вам в хвост на своем «ньюпоре» и швырнул в ваш аппарат целый тюк горячей пакли!

— Доннерветтер! Поручик Четверкин? — взревел гигант, — выронил свои гранаты и заключил бывшего неприятеля в объятия. — Кр-р-р-ш-ш-т, у-у-у-з-з-з, — сказал он. — Ун-зер камф был жуткий шрекхих... Ду бист в-з-з-з-ы-ы-ы...

— Ах, елки точеные! — Юрий Игнатьевич стукнул Германа Фогеля по спине. — Позволь тебе представить моих друзей, семейство Стратофоновых!

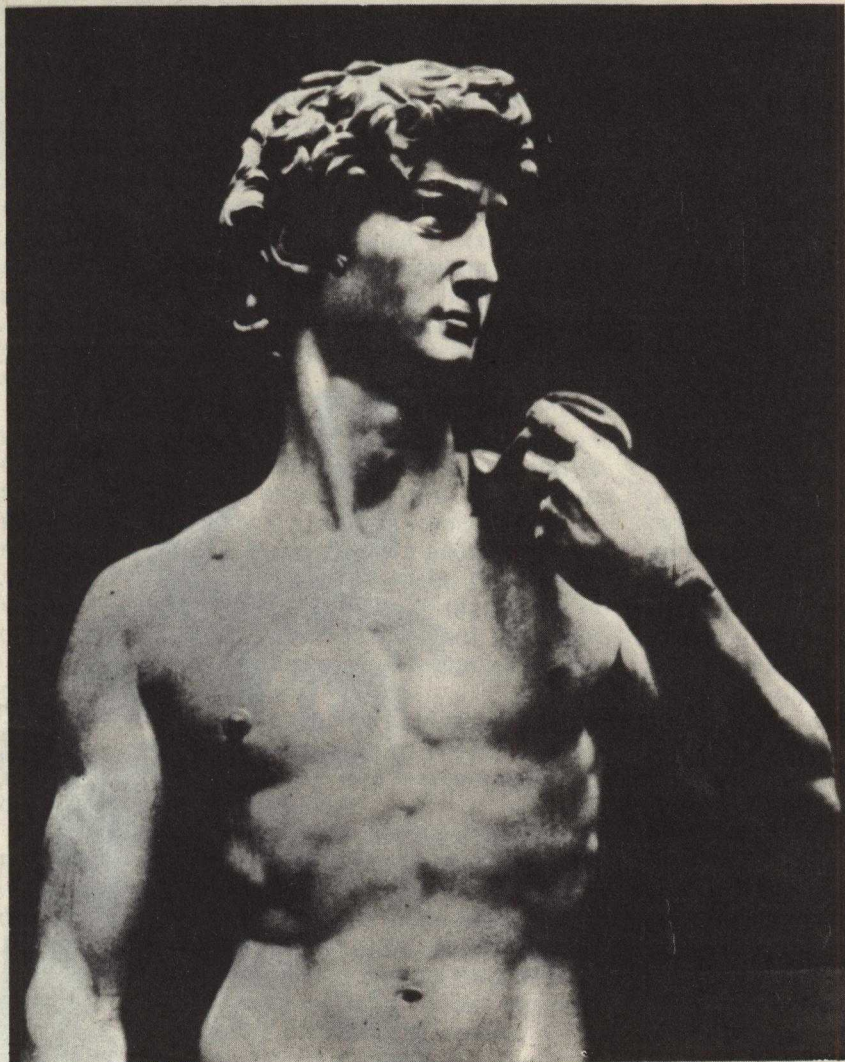
Вдруг все увидели, какого цвета глаза гиганта. Ярко-синие зрачки, казалось, выскочили из-под нависших бровей и остановились в священной ужасе. Он смотрел на семейство Стратофоновых, словно на ожившие тотемы. Он рухнул перед ними ниц и простер руки, словно дикарь перед алтарем. Он, должно быть, и впрямь считал богами наших милых Стратофоновых.

— Стратофонтовы! Натюрлихе фамилиен...
гр-р-р-р... россен! Глюклих! Бонжур! Щ-щ-щ-
ась-ть-ть-ть-е!

Немало труда стоило успокоить гиганта, внушить ему, что ничего невероятного не произошло, что Стратофонтовы — вовсе не миф, не гипербола, а самые обыкновенные миловидные люди. Решающую роль в этом деле сыграла баночка растворимого кофе, которую хлопотливый океан как раз подкатил к ногам компании. Мама Элла быстро вскипятила на непромокаемой зажигалке мужа банку воды и предложила икающему гиганту этот самый распространенный напиток современной цивилизации — «нес-кафе». Напиток произвел на Германа Фогеля чрезвычайно сильное и приятное впечатление. Он успокоился, улыбнулся и начал свой рассказ.

Окончание следует

500 лет тому назад,
6 марта 1475 года,
родился
Микеланджело Буонаротти

РАБОТА НА ДЕСЯТЬ ВЕКОВ

ДАВИД
фрагмент

Пятьсот лет тому назад — это очень давно. Так давно, что Москва еще платила дань татарскому хану.

Америка еще не была открыта европейцами, и поэтому о ней ничего не говорилось в школьных учебниках.

Да и сами учебники — их еще писали от руки, печатные книги были в Европе в то время ошеломляющей новинкой.

Мальчик по имени Микеланджело, подраставший в небогатой семье в окрестностях Флоренции, усердно учился по своим рукописным учебникам. И самозабвенно рисовал.

Эта страсть ребенка привела в большое замешательство семью, где торговать в лавке считалось занятием куда более почетным, чем покрывать красками холст или тесать твердый мрамор.

Но все же Микеланджело настоял на своем, выучился благородному искусству и стал скульптором и художником. Причем уже в юные годы он достиг такого мастерства, что даже знатоки не могли отличить его статуй от несравненных античных образцов.

С юных лет им владела одна мечта — воссла-

вить мощь, красоту и бесконечные возможности человека.

*Как шпора коню, для меня
красота человеческого лица!*

Ничто не приносит мне такой радости... —

писал он в одном из своих стихотворений. Вся жизнь для Микеланджело была глыбой дикого твердого камня, которую надо покорить своей волей, волей человека.

На задворках флорентийских мастерских много лет лежала громадная мраморная глыба неправильной формы, от которой в ужасе отворачивались скульпторы, настолько она была неудобна для работы. Именно из этой глыбы высек Микеланджело своего Давида. В Библии, которую Микеланджело по обычаю своего времени усердно читал, говорилось о том, как сыны неба убоялись, что сыны земли сравняются с ними.

«Люди как боги!» Такую надпись можно было бы сделать на пьедестале статуи Давида.

Много алчных рук тянулось тогда к славной искусством и ремеслами Флоренции. Не раз осаждали враги свободолюбивый город. Флорентинец Микеланджело не покидал родных стен

в дни войны и чумы, под градом вражеских ядер, презирая опасность и смерть, он руководил оборонительными работами. Но еще больше, чем фортификационное мастерство Микеланджело, помогало флорентийцам его искусство.

Судьба швыряла мастера то в Рим, то в Феррару, то в Венецию. Микеланджело выполнял заказы князей, кардиналов и сменявшихся римских пап. «Я служил папам, но только по принуждению», — писал он. Что поделаешь, скульптору для его работы нужен дорогостоящий мрамор, нужны помощники, а так как все это стоит немалых денег — нужен заказ.

Во времена деспотизма и произвола великий художник был горд и независим. Он всегда сознавал, что работает для человечества.

Когда кто-то из заказчиков упрекнул его в том, что статуи недостаточно похожи на властелинов Флоренции Лоренцо и Джулиано Медичи, Микеланджело с великолепным презрением ответил: «Кому будет до этого дело через десять веков!»

В центральных фигурах скульптурной группы гробницы Медичи он воплотил свои размышления о нерасторжимом союзе Мысли и Действия.

Он никогда не брался за легкий труд, всю жизнь он ставил перед собой только непосильные задачи и справлялся с ними.

«Нет задач невыполнимых для человека!» — любил повторять Микеланджело.

Когда стало ясно, что мрамор полностью ему послушен, он взялся за живопись. Работу над росписью потолка Сикстинской капеллы (церкви) в Ватикане он начал с того, что приказал сбить написанное заранее и разогнал толпу подмастерьев. «Пусть останутся только те, кто растирает краски, все остальное художник должен делать сам!»

Месяцами лежа на спине, Микеланджело расписывал потолок капеллы. Он почти не пил и не ел. И у него еще хватало сил подсмеиваться над собой в шуточных, но правдивых стихах:

*От напряженья вылез зоб на шею
Моей, как у ломбардских кошек от воды...
Живот подполз вплотную к подбородку,
Задралась к небу борода. Затылок
Прилип к спине, а на лицо от кисти
За каплей капля краски сверху льются
И в пеструю его палитру превращают...*

Работа продолжалась четыре с половиной года.

Творение Микеланджело поразило воображение современников.

В этих сценах на библейские сюжеты сталкиваются в смертельной борьбе силы Добра и Зла, люди гnevаются, сражаются, строят, любят и умирают. Здесь клокоуют такие земные страсти, что мракобесы требовали уничтожения росписи. К счастью, людям просвещенным и гуманным удалось отстоять шедевр.

Более четырех столетий назад закончилась долгая, почти вековая жизнь Микеланджело. Но по-прежнему рождает в человечестве порыв к героизму Микеланджело, человек, работавший на тысячелетия, художник, который говорил о своей задаче просто:

— Надо покорить горы и обучить людей...

Владимир Герасимов

ЧТО ЧИТАТЬ О МИКЕЛАНДЖЕЛО.

А. Алтаев. Вперед веков.

«Детгиз», 1959.

Ирвин Стоун. Микеланджело.

«Детская литература», 1972.

А. Дживилегов. Жизнь замечательных людей. Микеланджело.

Москва, «Молодая гвардия», 1957.

**СИКСТИНСКАЯ
КАПЕЛЛА**

**фрагменты
росписи**

СТРАНИЦЫ

ОЛЯПКА И ЩУКА

Там, где наша речка впадает в большое озеро, я люблю отдыхать после рыбалки. Вот и в этот раз устроился под кустом, смотрю на речку да жмурюсь от солнца.

Вдруг на камень, который торчал из воды, села оляпка.

Осмотрелась по сторонам и — в воду. Вода была на редкость прозрачной, и я видел, как птичка идет по дну речки. Казалось, протяни руку — и схватишь необыкновенного пешехода, что шагает под метровым слоем воды. Так она дошла до зеленого валуна и стала что-то под ним искать. И тут на нее бросилась щука.

Я хотел было пугнуть разбойницу,

но оляпка вовремя выпрыгнула из воды. Живая и невредимая села на камень и сердито прокричала: «дзит-дзит».

П. Мочалов,
Горьковская область

Раздел ведет
писатель Н. Сладков
Оформление А. Януса

ОЛЕНЕНОК-ОЛЕНЕВОД

Однажды весной дети нашего оленевода Михаила Карповича Царенко выбрали в лесу хворого олененка. Принесли домой, стали молоком отпаивать. Через несколько дней олененок выздоровел. И очень привязался и к Михаилу Карповичу, и к ребятам. Порой заберется прямо на кровать и под одеяло лезет. Ребята его сталкивают с кровати, а Кудряш — так звали олененка — копытца выкидывает: не подходите, мол, стукну. Потом олененка выпустили в стадо и долгое время не видели.

В начале июня Михаил Карпович вел отбор оленей, у которых созревали панты. Нелегкое это дело — перегнать стадо из-за сопок, с вольных просторов, в дощаник, где установлен панторезный станок. Горло надорвешь на окриках. На лошади наскочешься.

И вдруг видит Царенко, прямо из стада шастает к нему олень. Совсем близко подошел, мордой тычется. Догадался Царенко: это же Кудряш! Какой еще олень отважится на такое — только привыкший к людям. Дал ему Царенко кусок хлеба и в загон пошел. Идет и глазам не верит: следом за ним Кудряш бежит, а за Кудряшом все стадо. И осталось только ворота в загон закрыть и приступить к сортировке.

Удивляются совхозные оленеводы, как быстро справляется Михаил Карпович с пантовкой. Не один день нужен, чтобы только собрать оленей. А за Царенко они сами ходят.

В. Свиридов,
Амурская область

ПОМОГИТЕ СОСЧИТАТЬ

ЗООВИКТОРИНА

Ушли посетители, и зоомузей опустел. «Чтоб им пусто было», — промолвила пустельга. «Так их, так», — отчеканил чекан. «Надоело бесконечное шарканье», — согласилась камнешарка. «Голова разболелась», — выпалил китоголав. «Попутный им ветер», — пискнул попутчик. «Скатертью дорога», — поддержал подорожник.

«А что за пласть несут», — возмутилась портниха. «Сущее бесстыдство», — процедил виргинский кардинал. «Вы просто не понимаете моды», — сухо заметил рогатый колибри. «А ваши рога — тоже следствие моды?» — хихикнула райская вдовушка. «Замолчите!» — заверещала завирушка. В этот миг раздался крик овсянки-дурачка: она приняла очковую савку за очковую змею. От страха птица-колокольчик ударила в колокола, и начался переполох. Птица-лайка облаяла птицу-кошку и птицу-мышь. Мечеклюв, отбросив плащеносца, устремился на медного дятла, а рыжий печник застал ссору с молотобоем.

Но тут вмешался седоголовый дятел: «Мы не тираны, чтобы тиранить друг друга. Давайте лучше устроим концерт! Знаменщик! Поднимите знамя! Лирохвост, настройте лиру! Сафо, прочтите стихи, а чечетка, станцуйте чечетку! Лучших исполнителей мы наградим вымпеловым козодоем и лавровым жаворонком!»

Все стихло. Флажколетовый певец нежно запел под аккомпанемент флейтщика и органиста. Ему стали подтягивать зеленый певун, сверчок, кузнечик, кобылочка и остальные певчие. Концерт удался на славу. Только бородатка, жемчужный бородач и шалашник не принимали в нем участия. Они пытались сосчитать всех исполнителей, но каждый раз сбивались со счета.

ХОРЬ

Почти неделю каждое утро я бросал две-три рыбки возле жилища хоря на берегу реки. Зверь был осторожен. В том, что он в свое время попал в капкан или в мышеловку, я не сомневался: снежные следы явно выдавали отсутствие двух когтей на левой лапке.

Рыбу хорь принимал благосклонно. Но каждый раз терпеливо дожидался ночи, чтобы пировать без помех. В последний раз я привязал к одной рыбке длинную крепкую нитку. И вот смотрю: нитка уходит куда-то под снег, лишь кончик снаружи торчит. Потянул я за ниточку — впечатление такое, будто ее привязали к дереву. Еще сильнее потянул, еще — пока не порвал. И сразу поблизости из снежной норки вынырнула сердитая мордочка хоря.

Наверное, с минуту смотрели мы друг на друга, и, честное слово, я первый отвел глаза. Уж больно много во взгляде хоря было укоризны: дескать, такой вроде бы взрослый товарищ, а совсем как ребенок — ниточки какие-то рвет, какой-то блестящей шукувиной щелкает...

А. Пирожков, Ленинград
Фото автора

ЗЕЛЕННЫЕ ПАТРУЛИ,
ВНИМАНИЕ!СЛОВО В
ЗАЩИТУ
ЗМЕЙ

Змеи. Один вид этих животных вызывает у многих отвращение, брезгливость или страх. А между прочим, большинство змей приносит людям пользу: из змеиного яда приготавливаются очень ценные лекарства.

«Змеи приносят пользу? — скажете вы. — Но они же кусаются?»

Почти пятнадцать лет я ловлю змей для нужд медицины. В моем ловчем мешке побывали и гадюки, и щитомордники, и гюрзы, и кобры, и всегда они старались спастись бегством. Рассказы о том, как змея «гнала» и катилась колесом — выдумки трусливых людишек. В самых змеиных местах нужно не так много внимания и осторожности, чтобы на змею не наступить. А сами змеи первыми не нападают. Так обстоит дело со змеиными укусами.

О пользе змей можно рассказывать долго. Приведу только один пример. Известно, что в XVII веке один из королей Франции во время охоты наступил на гадюку, и та его укусила. Разгневался король и приказал, чтобы всякий, кто найдет гадюку, немедленно убивал ее. За короткий срок перебили множество змей, но начались страшные болезни. Ученые установили: возникновение болезней связано с увеличением численности мышей, ведь гадюк, которые поедают грызунов, всюду истребили. Спыхватился король и издал новый указ. Теперь он уже грозил смертью тому, кто убьет гадюку.

Этот указ сохранился во Франции до наших дней.

У гадюк, как это ни кажется странным, очень много врагов: щука, лиса, волк, коршун, ласка, кабан, медведь. И не только они.

Совсем недавно мы целый месяц искали в Вологодской области очаги

гадюк, да так и не нашли. Когда уезжали, стало известно: местные мальчишки по дороге в школу ежедневно убивали их по 50—60 штук. Мы не выполнили задание змеепитомника — и многие больные не получили нужного лекарства.

«Зеленые патрули» берегут лес и его обитателей. Змеи тоже нуждаются в защите.

Бригадир ловцов змей
А. Недялков,
Москва

ПОЧТОВОЕ ДУПЛО

В нашем саду каждый год засыхали и гибли деревья. Мы не догадывались, с чего бы это. Спросили у Анны Петровны — учительницы ботаники. Она посоветовала нам сделать скворечники.

На другой год у нас сад был зеленым.

Виктор Сергеев,
Свердловская обл.,
г. Кушва

ФОТОЗАГАДКА

Что это такое?

МОРЖ

Я работал гидрологом на дрейфующей станции. Утром обычно шел в палатку над маленькой полыньей и опускал в воду прибор для измерения скорости течения подо льдом. Как-то раз опустил прибор, а из воды голова моржа высунулась. Зацепился морж клыками за лед и смотрит на меня добродушно и любознательно. Хороший морж, не злой...

И на следующий день только я в палатку — морж тут как тут. Фыркает, сопит. Подружился мы с ним. Даже гладить себя морж позволял, словно собаку... А когда я говорил ему что-нибудь, он смотрел на меня черными глазами и не шевелился.

Прошел год. Прибыла новая смена полярников. И новый гидролог прилетел, а я должен был улететь в Ленинград. И вот, когда мы все обедали, является новый гидролог и говорит радостно: «Уж какое приключение со мной было! Возле полыньи на меня морж напал! Я его из винтовки — раз!»

У меня сердце оборвалось... Побежал к полынье. А там на льду кровь. Бедный мой друг морж. Он ведь приплывал меня поведать.

Когда я улетал, гидролог хотел со мной попрощаться, но я не подал ему руки. Я смотреть-то на него не мог после того, что он сделал.

А. Черниговский.

НЕ ПРОСТОЕ УМНОЖЕНИЕ

Но как узнать, сколько и чего нужно выращивать, строить, вырабатывать? На первый взгляд кажется, что это может узнать любой третьеклассник, который научился хорошо умножать.

Сколько потребуется мяса? Пожалуйста: 58 кг надо умножить на 250 миллионов.

Сколько нужно сахара, яиц и молока? Сейчас узнаем. Только бы не запутаться с нулями.

Но легкость эта обманчива. Простым умножением мы ничего узнать не сможем.

Если хорошенько подумать, то сахар — это не просто сахар.

Ведь для того чтобы получить необходимое количество этого сахара, надо иметь трактора и комбайны.

А чтобы сделать трактора и комбайны, нужны станки.

А чтобы появились станки, нужен металл.

А чтобы выплавить металл, нужен уголь и руда.

А чтобы их добыть, нужно построить шахты.

А чтобы работать в шахтах, нужно электричество.

А чтобы появилось электричество, нужна электростанция.

А чтобы построить электростанцию...

Можете продолжать сами. Уверен, перечисляя, вы еще долго не остановитесь. И, честно говоря, тут вообще невозможно остановиться. Нет, нельзя сказать, что план — это простое умножение.

А план, между прочим, должен ответить не только на вопросы: что? и сколько? Есть вопросы и потрудней: ГДЕ? КАК? КОГДА?

ГДЕ выгодней вести трассу для БАМа? КАК легче доставлять, например, в Киев те или иные грузы из других районов страны? ГДЕ и КОГДА следует начинать строить новые заводы и фабрики?

Но как выбрать самое разумное, самое выгодное решение, если даже в масштабах одного предприятия работа по составлению плана требует напряженного труда десятков людей? А в масштабе министерства или всего нашего народного хозяйства?

В Госплане, где собирают и внимательно изучают плановые предложения всех заводов, составляют несколько вариантов плана. Каждый такой план, как говорят специалисты, нужно «обсчитать», то есть исследовать, чтобы выявить все его достоинства и недостатки. И наука, которая занимается этими вопросами, так и называется — «исследование операций».

Исследование операций — наука о выборе наилучшего решения. Сегодня без нее просто невозможно составить план.

Давайте посмотрим, как исследование операций ищет самое лучшее решение.

ПОПРОБУЕМ ПЛАНИРОВАТЬ

Нам поручили спланировать перевозку важного груза. Партию приборов нужно переправить с Завода, на котором их делают, в Город, где эти приборы потребуются в следующем месяце.

Приборы можно перевезти тремя путями: по железной дороге, по реке и по воздуху.

Самый дальний путь речной — 1000 км. Он требует четырех суток.

Немного короче железнодорожный — 700 км — 12 часов.

Наиболее короткий путь воздушный — 500 км — 1 час.

Значит, лучше всего воспользоваться самолетом? Но ведь часом позже, часом раньше — не имеет для нас значения. Логичней выбрать самый дешевый путь.

Интересно, сколько стоит перевозка груза разными видами транспорта? Допустим, по речному пути каждый километр обходится 80 копеек, по железной дороге — 1 рубль, по воздуху — 2 рубля.

Нет, самолетом не поведем. Дорого. Самый дешевый путь — водный.

Значит, везти по воде? Не будем торопиться: вспомним о цели. Она заключается в том, чтобы удешевить перевозку. А общая стоимость перевозки зависит не только от вида транспорта, но и от расстояния.

Ну-ка, сравним эту общую стоимость:

— по воде

$1000 \text{ км} \times 80 \text{ коп./км} = 800 \text{ руб.}$

— по железной дороге

$700 \text{ км} \times 1 \text{ руб./км} = 700 \text{ руб.}$

— по воздуху

$500 \text{ км} \times 2 \text{ руб./км} = 1000 \text{ руб.}$

Теперь уже все ясно: поведем по железной дороге!

Правильно. Но как мы пришли к самому лучшему решению? Для этого нам, оказывается, понадобилось сделать три шага.

Первый шаг. Определить цель плана и никогда о ней не забывать.

Второй шаг. Произвести расчет всех возможных решений, ведущих к цели.

Третий шаг. Сравнить оценки и выбрать наилучший результат.

А если бы условие нашей задачи было несколько иным? Если бы главным в условии была срочность перевозки? Так часто бывает в жизни. Соответственно изменилось бы и наше решение. Эти три шага мы бы уже делали иначе. И самым лучшим видом транспорта оказался бы самый дорогой.

ЧТО ТАКОЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ?

Любой план оценивается с точки зрения эффективности, пользы. В одних случаях эффективной, то есть выгодной, оказывается дешевизна продукции, строительства или перевозки.

Про Волжский автомобильный завод в Тольятти все слышали. Но не все знают, почему именно

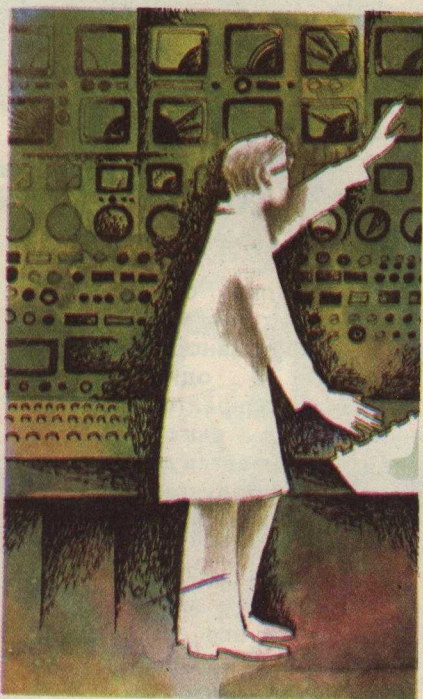
там было решено его строить. Оказывается, это было наилучшим решением с точки зрения выгоды. Если бы его построили, скажем, в Горьком, он бы стоил на 75 миллионов рублей дороже. На эти деньги можно построить еще какой-то завод.

В других случаях — всё иначе. Иногда государство сознательно идет сегодня на большие затраты, чтобы завтра получить большую прибыль, которая окупит сегодняшние затраты.

Но во всех случаях государство не может себе позволить нарушить принцип пропорциональности. Принцип пропорционального развития всех отраслей народного хозяйства. Ему важно, чтобы эти пропорции строго соблюдались. В этом легко убедиться на таком примере.

Нужно выплавить 1000 тонн чугуна. Для этого требуются около 1700 тонн железной руды и 800 тонн кокса. А если кокса будет, скажем, только 700 тонн? 1000 тонн чугуна мы уже не получим.

Сбор хлопка и выпуск хлопчатобумажных тканей. Выплавка металлов и производство станков и машин. Сколько отраслей в народном хозяйстве! И каждая отрасль требует к себе постоянного внимания и заботы.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ И ПЛАН

До сих пор мы говорили только о том, как идут разработки плана. Но составление плана — не самое главное. Главное — его выполнение.

Кто может сказать, какая будет погода во время уборки будущего урожая, например, в совхозе «Октябрьский»? Как можно предвидеть процент содержания меди в руде, которая еще не добыта? Наконец, какое количество мужской обуви сорокового размера должно быть в магазинах на будущий год?

Кажется, что ответить на эти вопросы просто невозможно, и сами вопросы какие-то праздные. А вдруг лето будет сухое, а осень дождливая, и часть урожая не удастся вырастить и собрать? А вдруг руда окажется беднее, чем ожидали, и не получить из нее столько меди, сколько мы запланировали? А вдруг?... А вдруг?...

Своенравный случай всегда действует исподтишка, и точно предугадать каждый отдельный его результат невозможно.

Но как же тогда планировать производство зерна? выплавку меди? работу обувных фабрик? И вообще, как предвидеть будущее?

Оказывается, не только закономерные, но и случайные явления жизни поддаются научному анализу. Для этого исследование операций располагает специальной теорией — теорией вероятностей.

Теория вероятностей — наука о случайном. Для того чтобы она могла заниматься расчетами плана, ее нужно снабдить необходимым сырьем — цифрами, показывающими, как часто происходят случайные события.

А разве их кто-нибудь подсчитывает? Конечно. Есть такая наука — статистика, которая знает все:

сколько бывает солнечных и дождливых дней в каждом году, сколько, в среднем, металла приходится на тонну руды, сколько каждый год рождает-

ся мальчиков, а сколько девочек, сколько людей носит очки, сколько в нашей стране девушек высокого роста, и, наконец, сколько центнеров с гектара собирают, в среднем, в совхозе «Октябрьский», и какая бывает погода в том районе страны, где расположен этот совхоз.

Урожай пшеницы с гектара там равен 40 центнерам. Хорошая погода бывает в двух годах из трех.

А теперь посмотрим, что будет делать теория вероятностей, узнав эти цифры.

В совхозе под пшеницу отведено 300 гектаров. А план рассчитывается на пять лет.

Прежде всего находим вероятность хорошей погоды.

Два года из трех — это $\frac{2}{3}$, или 0,67.

Затем рассчитываем математическое ожидание (МО) урожая за один год с одного гектара. Он равен произведению урожайности пшеницы на только что полученную вероятность хорошей погоды.

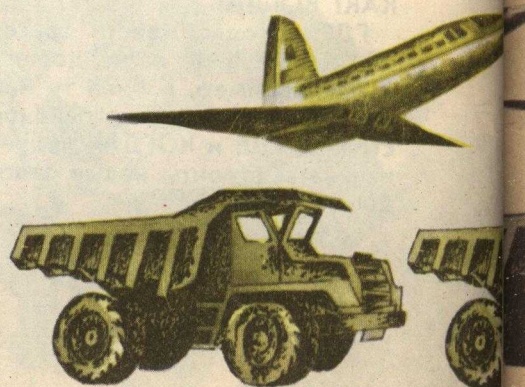
$МО = 40 \times 0,67 = 26,8$ центнера.

МО с 300 га = $26,8 \times 300 = 8040$ центнеров.

МО урожая за пятилетку с 300 га = $8040 \times 5 = 40200$ центнеров.

Вот вам научно обоснованный план. Мы знаем точно, какой урожай пшеницы будет в совхозе «Октябрьский» за пятилетку.

А разве не интересно разобратся, откуда план знает, сколько нужно сшить брюк и сколько платьев? Даже в одном классе число мальчиков и

девочек редко бывает одинаково.

И снова на помощь нам приходят теория вероятностей и статистика. Статистика подсчитала: 51% всех новорождённых составляют мальчики, остальные 49% — девочки.

Значит, на 1000 единиц детской одежды

МО брюк $= 1000 \times 0,51 = 510$,

МО платьев $= 1000 \times 0,49 = 490$.

А какого размера должна быть одежда? Вот, скажем, сколько платьев следует шить для девочек высокого роста?

И на этот, казалось бы, совсем уж фантастический вопрос статистика и теория вероятностей могут ответить уверенно.

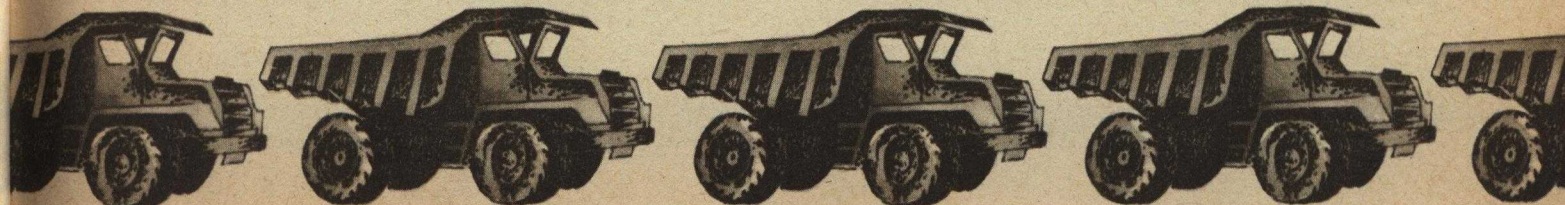
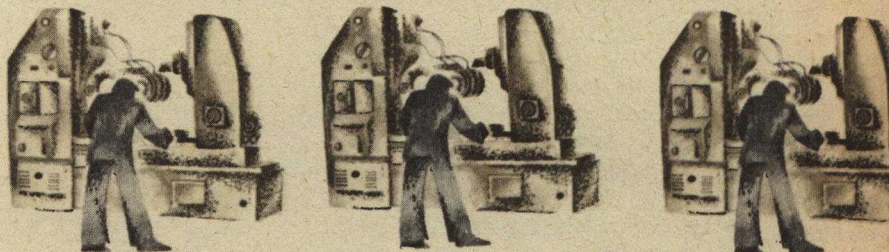
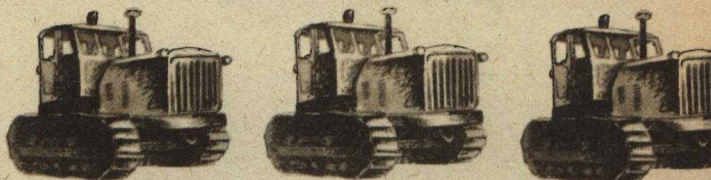
Несколько лет назад статистики не поленились и измерили рост у тысячи старшеклассниц. По этим данным была рассчитана кривая статистического распределения роста девушек. Теперь уже не трудно учесть в плане, сколько шить платьев и какой длины.

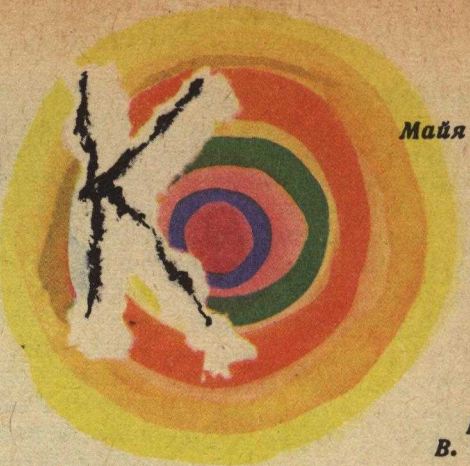
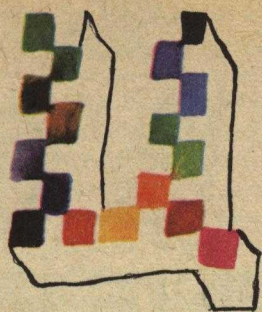
Планом предусмотрено все: тысячи станков, измерительная аппаратура, самолеты, турбины, автомобили, платья... И расчеты выполнены таким образом, чтобы эта очень нужная техника работала бесперебойно, а для человека любого роста нашлись и платье, и ботинки.

Короче говоря, если все заранее учесть и предусмотреть, то случайностей можно не бояться. Плану никакие «авдруг» не страшны.

Сейчас наши ученые математики, статистики, экономисты работают над составлением Десятого пятилетнего плана. Когда он будет готов, в его обсуждении примет участие весь советский народ. А потом, после всенародного обсуждения и одобрения, план будет утвержден на Двадцать пятом съезде Коммунистической партии и станет законом для всех работающих в нашем народном хозяйстве.

Рисунки
Ю. Иванова

Майя Даники

РАССКАЗ

Рисунки
В. Топкова

Когда Алю спрашивали, что она больше любит, театр или кино, она отвечала: «Цирк», хотя редко бывала в цирке. Она бывала, когда доставали билеты, когда было время и деньги, которые давали на цирк.

Аля отвечала просто из духа противоречия, от желания ответить не так, как ждали.

На самом деле она очень любила зрелища, любила веселье, публику, которая аплодирует, смеется, веселится, заражает всех своим смехом, и еще она любила в цирке то, что ей казалось таинственным и необъяснимым. Она верила этому таинству, хотя и не совсем верила, но надеялась, что есть нечто в цирке, еще не совсем разгаданное, например, Кио.

Аля знала, что он показывает просто фокусы, но фокус фокусу рознь. Может быть, гипноз? Она спрашивала всех об этом, ей отвечали насмешками.

И все-таки в слове «цирк» она слышала взрыв, видела что-то искристое, как лампочки на фасаде цирка, которые, зажигаясь, писали это слово.

В цирке было душно, пахло зверями и пылью, но в атмосфере зала, который кричал, шумел, уже таилась прелесть, особенная прелесть зрелища, которое не ты одна смотришь, а тысячи глаз вместе с тобой, и эти тысячи глаз будто передавали твоим глазам свой азарт.

Миллионы огней или притушенный, притихший зал. Резкий луч освещает гимнастов, канатоходцев, их тела то исчезают в огнях, то снова вспыхивают, лоснятся и сверкают бисером.

Тревожная дробь барабана сменяется легкой и торжествующей мелодией, а зловещая темнота — океаном света, и все это сливается в слово «цирк», царственное слово, а не будничное, близкое по корню, — «циркуль»...

Клоунов Аля не любила. Их яркие лица, кривлянья сердили ее, но она часто не замечала того, что смеется, глядя на клоунов. Зато она так любила гимнастов, их невероятные прыжки, опасные пробежки по канатам, то, как они повисали под куполом, держась зубами за тросик, и крутились, крутились в воздухе.

Выходили медведи, мохнатые и особенно приятные своей естественной неуклюжей ловкостью, выходили тигры, их тела извивались, текли по арене, они разваливались и вдруг показывали пятки, свои вербные ноги; цирк сно-

ва становился цирком, где только и ждешь чуда.

Таинственный Кио резал людей пополам, но они выбегали после и кланялись. Кио стрелял, втыкал в человека ножи, а человек оживал и приходил на арену веселый.

Всем мальчишкам нравились клоуны, а девочкам нравился Кио. Мальчишки подражали клоунам, но Кио казался особенным, он не мог обмануть, и в классе спорили, в самом деле он разрезает человека и после оживляет его или это только фокус. Верили, что оживляет.

Но самое прекрасное было в том, что Кио не старался пленить, он будто делал все просто так, для себя, ни минуты не пытаясь, как клоуны, вызвать смех и восхищение, в нем не было ни навязчивости, ни расчета на эффект — это особенно пленяло и удивляло. Он просто устало и снисходительно улыбался. Эта улыбка нравилась Але. Она хотела бы тоже так улыбаться и улыбалась на уроках и дома — устало и снисходительно.

Стараясь еще раз попасть в цирк, она нарочно говорила о зверях, как они валяются, показывая свои пятки, выставя лапы, сама валилась на диван и показывала, как это делают звери, как они неохотно поднимаются, когда их заставляют прыгать через кольцо, с места на место.

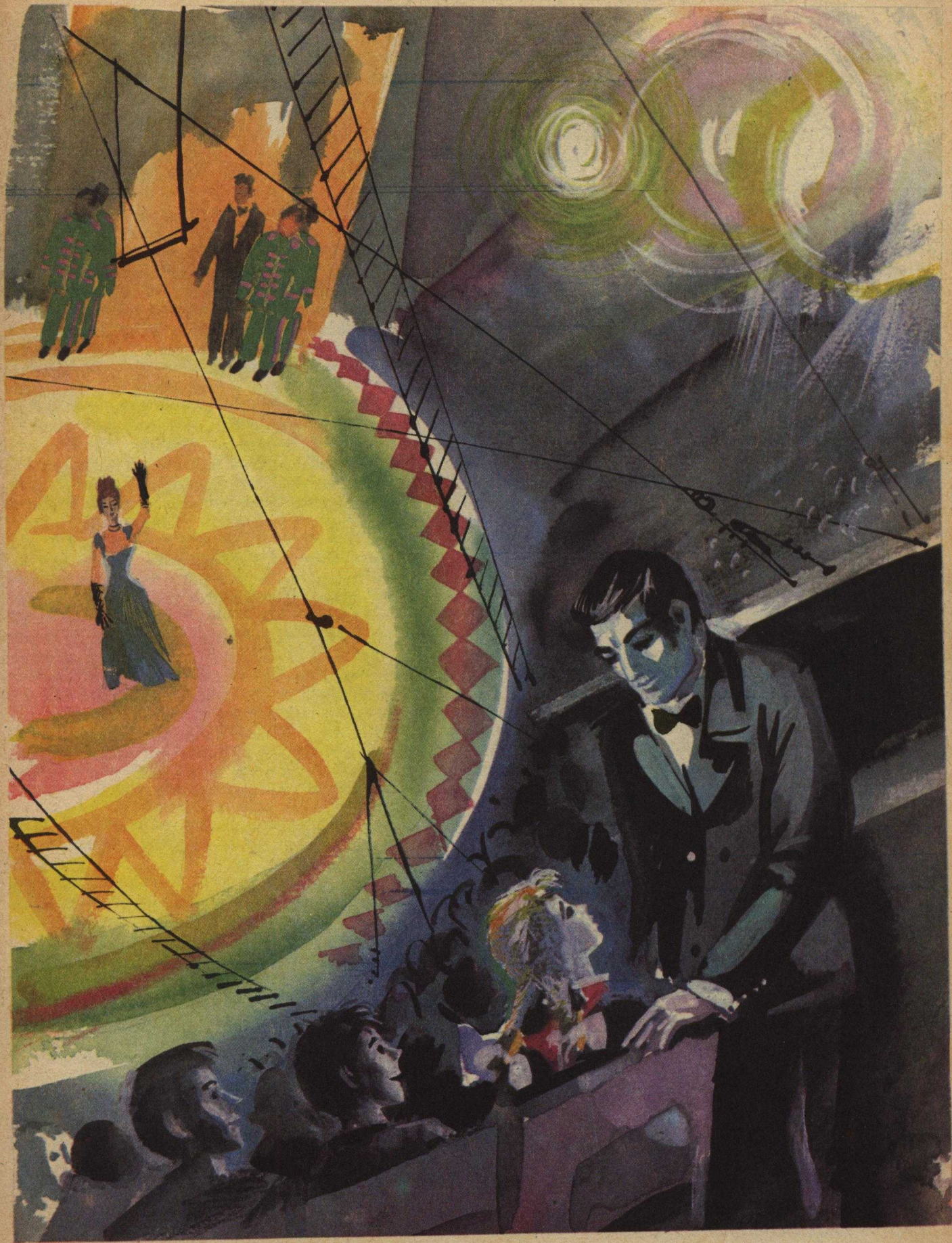
Дома говорили Але:

— Ах, бедные звери, все это так утомительно для них, все это так придуманно: заставлять их прыгать и делать трюки. Им достаточно просто показаться на арене и делать то, что нравится, и уже было бы хорошо, а то наряжают их в костюмы и заставляют быть неестественными. Звери не актеры, им противно играть.

Аля соглашалась и ненароком спрашивала, когда же еще раз она пойдет в цирк.

— Лучше пойдем в зоопарк, там зверей не заставляют кривляться, — говорили дома, и она холодела, что больше никогда не пойдут в цирк, настаивать на том, чтобы еще раз теперь пошли, было опасно: сразу стали бы говорить, что если только что была, то зачем же идти еще, и так далее.

Долго она ожидала нового похода в цирк, потом наконец кто-то дарил билеты в цирк, и загоралась новая надежда увидеть Кио и все его таинственные действия.

Так было и в этот раз. Ах как Аля обрадовалась, но в этот раз не было Кио, зато были артисты мнемотехники Агароновы. Передача мысли на расстоянии, угадывание мысли.

Спорили в классе:

— Это просто трюк, обыкновенный трюк. Он передает ей по буквам, а она угадывает. Вот загадай ученого не очень известного, и ничего не будет.

— А Вольф Мессинг?

— И он тоже угадывает с ассистентом. Вот если бы без ассистента.

И вот наступил этот день, когда она шла в цирк и должна была увидеть то, что так ждала. Она оделась за три часа до того, как надо было идти, не шла, а летела, видя толпу и не замечая никого.

Был нарядный, снежный день, когда вдруг все белеет под снегом, становится ярким тусклый свет и каждый провод, каждый завиток на мосту очерчен белым, сияет нимбом. В такой именно день идти Михайловским садом и видеть портики под искристой дымкой инея, видеть стволы деревьев будто под стеклом и ожидать цирк — такое удовольствие, что фантазия уносит в мир нереальный, прежде чем попадаешь в цирк, и все, — все, что происходит, уже прекрасно.

Они шли дорожками Михайловского сада, и он казался мраморной колоннадой, от которой становишься стройней, будто тянешься вслед за белой их высотой и точностью, но сад еще и осеняет снежным уютом, пахнет свежестью первого снега, дышит влажностью и поскрипывает снегом. И торжественное веселье, красота и радость заражали смехом, который искрился, как иней на ветках.

Вот идет угрюмый человек, озабоченный чем-то, несет сверток и не глядит ни на кого.

— Вы видели? Это прошел Пурш, — говорит кто-то из девочек, и все хохочут.

— Он сбежал из цирка.

— У Пурша более веселое и доброе лицо.

— Пурш устал. Два представления ему не под силу.

У смеха свои законы, он вспыхивает, как пожар, и его уже не остановить. Смешным становится все: и парк, и иней, и снег. Смех идет впереди, он заражает всех. Любая глупость смешна.

И вот гудящий зал, это единое целое — зритель и актеры, пятно света и блеска.

Звучит зал, гудит, и ждет, и плещется, как прибой, потом все стихает и слышно тишину, а в тишине такой громкий и протяжный, особенный цирковой возглас:

— Парад алле!

И выплескиваются на арену блестящей вереницей гимнасты и лошади, клоуны и укротители, едут тележки с собачками, бегут медведи и балерины.

Дробь барабана и взрыв смеха, оркестр и игра прожекторов, упругие тела и пышные наряды.

Представление начинается...

Если бы Але сказали в тот миг, что она сама сейчас примет участие в представлении, действии актеров... Если бы она знала наперед об этом, как бы она была счастлива, как она мечтала об этом. Нет, не сбежать с цирком, не стать вдруг гимнасткой, укротительницей или клоуном, но принимать участие в тех таинственных фокусах Кио или Агароновых — вот о чем она мечтала, мечтала тайно, и иногда ей казалось, что она тоже, тоже может воспринять мысли на расстоянии, может услышать то, что говорят где-то, может сказать то, что другие только подумали.

Она скрывала это даже от себя, и теперь, в цирке, совсем забыла об этом, погружаясь в действие. Все смеялись, и она смеялась, все аплодировали, и она тоже, все затихали, и она затихала, ожидая, что будет дальше...

И вот объявляют:

— Выступают заслуженные артисты РСФСР Агароновы!

Звучат их имена как гром, как град, и Аля замирает от ожидания. Они выходят на арену такие уверенные, веселые, говорят так громко и четко, голоса их звучат, как целый оркестр, и Аля ушла от общего веселья, стараясь не пропускать ни один их жест, ни одно слово...

Вот они громко, слишком громко, так что каждое слово эхом отдается в тишине, спрашивают зрителей, понятна ли им механика номера: надо загадать великого человека, сказать Георгию Агаронову, а его жена и ассистент стоит на арене и угадывает, кого называли.

И он, такой же, как Кио, небрежно-веселый, беспечный, шел по рядам, и она отгадывала, называла Пушкина и Лермонтова, Баха и Боттичелли. И от каждого нового имени взрывался зал и аплодировал.

Он шел, и Аля, будто отрешенная, оглушенная, даже потеряла его из виду, она, казалось, будто и не слышала, что говорят, или слышала то, что происходит, но не прямо, а как-то сквозь сон. При этом она все думала: «Вот гипноз, вот я сплю...»

И тут, прямо над ней, рядом с ней стало что-то происходить, какое-то замешательство, и тогда она очнулась в ужасе, как на уроке, когда пропустишь то, о чем тебе говорили, и тебя вызывают, поняла, что он, Георгий Агаронов, стоит над ней и уже несколько секунд спрашивает ее что-то, а она молчит...

Она увидела его лицо, склоненное к ней, — ласковое лицо, но насмешливое, а тишина и пустота все разрастались, и она понимала, что остановила действие, что на ней оно скомкалось и тянется время, что сейчас на ней оборвется веселье, все, что светится в зале, потухнет, исчезнет, и, чтобы спасти это веселье, она вдруг громко крикнула:

— Толстой!

И зал захохотал, потому что надо было говорить тихо, только ему, а не всем, тогда она еще громче закричала:

— Я спутала, спутала! — и слезы брызнули из глаз, а Георгий уже гладил ее по голове и шептал ей что-то.

— Ну вот и прекрасно! — громко сказал он. — Постарайся угадать. Напрягись, — обратился он к ассистентке, говорил и еще какие-то слова, которые после долго расшифровывали в классе.

Она, его ассистентка, Инга Агаронова, празднично улыбнулась и произнесла громко:

— Народный артист СССР Кио!

И Аля совсем онемела, потому что, действительно, несколько минут тому назад мельком подумала о том, что если бы ее спросили, то она бы назвала не тех, кого так легко угадать — Пушкина и Чехова, а именно Кио, но когда она так растерялась и крикнула громко имя Толстого, то Кио давно уже исчез из ее памяти и одна растерянность и ужас того, что из-за нее пропадет все веселье, один только страх все испортить был в ее голове, и он, Георгий Агаронов, вдруг с а м, за нее, сказал то, что она намеревалась. Это было удивительно, это потрясло ее до основания.

Больше она ничего не видела и не слышала вокруг, что было дальше, она уже не помнила, а знала только одно: надо, непременно надо подойти к ним после и спросить их все, пусть они скажут...

И она пробралась к выходу, отдала свой номерок, взяла пальто и стала спрашивать, где актерский выход и не вышли ли еще Агароновы.

Ей показали, где выход, и ответили, что их не видели.

Она стала ждать и ждала долго.

Если бы ей сказали до этого, что все будет так и она станет стоять час возле выхода и ждать, что она скомкает все действие, что она так детски будет вести себя, она бы не поверила, но теперь она ждала, и ожидание достигло в ней такого предела, что в каждом

высоком человеке она видела Георгия Агаронова и замирала перед тем, что должна подойти к нему.

Она чуть не пропустила их. Она их почти не узнала, потому что шли они озабоченные, совсем другие, казались даже меньше ростом. Она не решалась подойти к ним и шла за ними следом почти до остановки, но потом подошла и сказала:

— Простите...

— Что такое? — она увидела его лицо. — Что ты хочешь?

Он не узнал ее. Не мудрено, столько лиц в цирке, уж если она не узнала их, то он...

— Я... хотела спросить вас, я думала про Кио, а вы сказали...

Теперь они узнали ее и стали смеяться.

— Не беспокойся, — сказал он, — все было хорошо.

— Я не о том, — сказала Аля, — я о том, что вы назвали Кио, которого я хотела задумать, это было так странно!

— Я угадал? — захохотал он — Прекрасно!

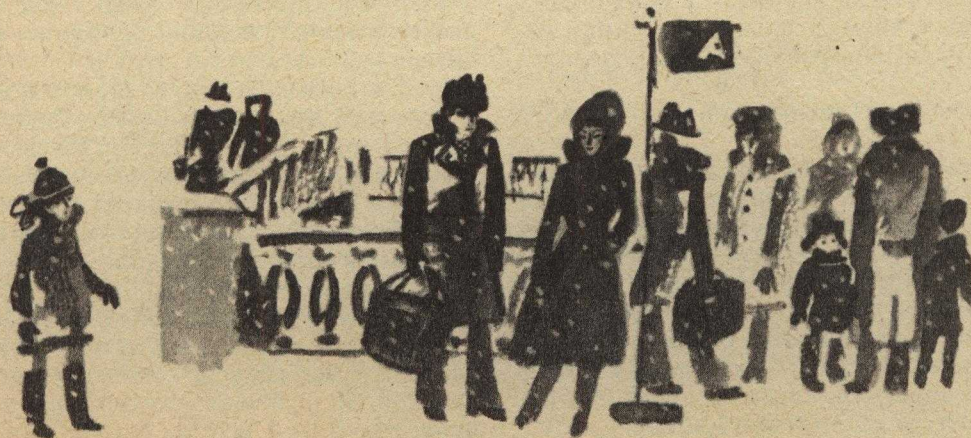
— Так это... случайно, — Алин голос упал.

— А ты думала, что я волшебник? — он уже улыбался так, как на арене, он уже опять был актером. — Я в самом деле волшебник. У музыканта есть семь нот, всего только семь, а сколько музыки на свете? А?! И у нас с Ингой всего семь нот и столько ответов у Инги! Вот поломай себе голову над этим, считай, что я тебе открыл секрет номера...

Аля не очень хорошо поняла, что он говорил про ноты, потому что упорно думала о своем, о том, что знала она и хотела бы доказать всем. Она думала о настоящей передаче мыслей на расстоянии, а Агаронов уходил и кричал ей:

— Информация мать интуиции, девочка! Счастливо тебе думать!

— А я и так буду, — упрямо сказала Аля, не им, а себе.

Мой путь до вершины сопки и обратно. С этой сопки далеко видно вокруг. На юге безлесье, видна деревушка. Она по ту сторону границы. На севере — лес. Белеет домик с красной крышей. Там совхоз. В свободное от нарядов время я там работал. Помогал пчеловоду откачивать мед. Взятки с липы были в этом сезоне обильны.

После трудового дня пчеловод угощал меня медами. Да, да, не медом, а медами.

— Вот испробуй этот, — потчевал пасечник, подавая сот с коричневым медом. — Гречишный... А вот этот — с лесной малины.

Затем он принес кувшин верескового меду прошлогоднего взятка. Зачерпнул ложкой, опустил в стакан с чаем, и произошла самая настоящая химическая реакция. Чай сделался черным!

— Вересковый от ангины хорош, — сказал пчеловод.

На нашу заставу совхоз прислал со мной бидон меду — за работу. Признаюсь, она была не из легких. У меня долго ныли руки и плечи, а на ладонях взбугрились мозоли. Бессчетное количество сотовых рамок освободил я от меда на медогонке, перетаскал в кладовую десятки тяжелых бидонов. Из бидонов мед выливали в огромные бочки. Откровенно сказать, я облегченно вздохнул, когда на дверь был навешен внушительный амбарный замок.

На пасеке я кое-что узнал о пчелах. Возле меня крутился восьмилетний Юрка — внук пчеловода. Он-то и сообщал мне всякие дивности. Ну, например, что пчела различает лишь три цвета: белый, желтый и синий. Что летает она с курьерской скоростью, что ее крылышки работают быстрее пропеллера и что трутень — очень ленивое существо, в улье ничего не делает, только мед ест.

Как-то Юрка тяжело вздохнул и хмуро сказал:

— Здешний дядька-кладовщик — настоящий трутень.

— Почему? — удивился я.

Мальчик прищурил глаза под белесыми, выжженными солнцем бровями и задорно спросил:

— Он хоть один бидон помог вам тащить?

А ведь и правда: ни одного бидона кладовщик не отнес в амбар! Мол, не его это дело.

Как же я был удивлен, когда однажды, вернувшись на заставу, встретил кладовщика. Он был взволнован, растерян. Увидев меня, срывающимся голосом выпалил:

— Украли мед!..

— Кто украл? — оторопело спросил я.

— А... вот то-то и дело, кто?! — воскликнул он. — Я с ног сбился! Понимаете, замок целехонький. А в оконце человеку ни в жисть не пролезть. Вот и ломаю голову, кто подобрал

ключи? Да и как ухитрился весь мед забрать?! Бочки стоят, словно вылизаны.

Тут я узнал, что кладовщик был в отпуске — три недели жил в городе у своей родни. А когда вернулся, сразу же и обнаружил пропажу.

Он бегал по совхозному поселку, крича:

— Украли мед! Украли мед!..

Люди, конечно, переполошились.

И только один человек был спокоен и чему-то про себя посмеивался. Это старый пчеловод. Когда Юрка прибежал и стал рассказывать об украденном меде, дед положил руку на его белесую голову и тихо сказал.

— Не украден мед. Какие еще воры в на-

шем совхозе завелись! Твой кладовщик брехун. Пчелы мед забрали. Взяли свое назад — и только!

Кладовщик, который случился здесь, вытирашил на деда глаза.

— А вот ты, мил-человек, — сказал ему старик, — сам вроде вора получаешься...

— Я?! — взвизгнул кладовщик.

— Ты! Окошко не запер. Бочки не прикрыл. Пчелы разнюхали и перенесли мед обратно. Сколь они напрасной работы переделали?..

Целую неделю потом кладовщик вместо меня крутил ручку медогонки, таскал тяжелые бидоны в амбар.

И никто ему не помогал.

СКАЗКИ

Юрий Степанов

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Мыльный пузырь раздулся и стал больше Куска Мыла.

— Прощай, предок! — сказал он небрежно и полетел над потоком машин и пешеходов.

Мыльный Пузырь переливался всеми возможными цветами, блестел на солнце, а сквозь его прозрачные стенки было видно голубое небо с легкими облаками. Пузырь гордился, что был надут воздухом современности и поэтому старался улететь дальше от того места, «где оставил своего серого родителя».

— Какое счастье, что я на него не похож, —

думал Пузырь и любовался в витринах магазинов своими сверкающими отражениями.

Все, кто видел Мыльный Пузырь снизу, удивлялись его величине и говорили:

— Акселерация!

Это было приятно слышать от тех, кто сам не мог подняться над землей и на сантиметр, а летать не умел и подавно.

Но мыльные пузыри лопаются от дуновения ветра или любого прикосновения реальной жизни. Лопнул и наш Пузырь.

Осталась на жестяном карнизе дома мутная капля. Каплю высушило солнце, и она превратилась в еле заметную пленочку серого хозяйственного мыла.

ДЕЛОВОЙ ТАРАКАН

Вечно Таракан спешил. Бежит, глаза красные, — только пыль клубится. Никто не знал, куда торопится Таракан, но всегда его ставили в пример. Ходили слухи, что ворочает он большими делами и, может быть, утром поднимает солнце, а вечером его закатывает.

— Зашел бы, чайку попил, — кричат Таракану.

— Некогда, спешу, опаздываю! — кричит Таракан и скрывается в клубах пыли...

— Вот это энергия! — говорили все, а какая-нибудь Жужелица, будя утром своего Жужила, говорила:

— Вставай, лежебока, уже Таракан пробежал!

Однажды маленький Букашеноч захотел узнать, куда бежит Таракан. Он побежал за ним, а Таракан, добежав до первого пенька, свалился и захрапел. Букашеноч испугался, хотел звать на помощь, потом стал будить Таракана.

Таракан вскочил:

— Некогда, спешу, опаздываю, — крикнул он и помчался вперед.

«Вот как умаялся, даже на ходу засыпает, — подумал Букашеноч, — и помочь ему никто не может».

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ФЕЛЬЕТОН

Через дорогу от моего дома — школа.

Знаете, какие там в шестом «А» ребята занимаются? Самостоятельные.

И в шестом «Б» самостоятельные.

С мамами в кино ни за что не пойдут. Только самостоятельно! И мороженое покупать — самостоятельно. И в футбол играть — самостоятельно. Даже пап не принимают. Разве что — загольными: мячи подавать.

И случилась однажды с этими двумя самостоятельными классами одна совершенно самостоятельная история...

На собрании в шестом «А» Вера Ивановна сказала:

— Ребята, давайте вызовем на соревнование шестой «Б».

— Давайте! — закричали ребята. — Вызовем!

Условия выработали в количестве 12 пунктов. Вера Ивановна пошла в учительскую и торжественно вручила их Марии Петровне.

Шестому «Б» тоже пришлось проводить собрание. Совершенно неожиданно. В класс пришла Мария Петровна и сказала:

— Ребята, наш пионерский отряд вызван на соревнование. Шестым «А». Принимаем вызов?

— Принимаем! — закричал шестой «Б» и

добавил к условиям еще 12 встречных пунктов: повысить пионерскую инициативу, поднять активность, укрепить самостоятельность и еще девять других.

Соревнование развернулось.

В ближайшее воскресенье шестой «А» пошел собирать металлолом. Больше всех собрала Вера Ивановна.

Шестой «Б» объявил месячник по сбору бумажной макулатуры. План месяца был выполнен за один день. Тем более что Мария Петровна принесла целых шесть томов старой энциклопедии.

— Поднажмем! — сказала Вера Ивановна в шестом «А», составляя списки лучших спортсменов для внутриотрядных соревнований.

— Докажем! — сказала Мария Петровна в шестом «Б», выявляя отрядные таланты для концерта самостоятельности.

Некоторое время ни одному из пионерских отрядов не удавалось вырваться вперед, но вдруг кривая шестого «Б» резко пошла вверх. И все из-за осенних посадок.

Шестой «Б» взял и посадил у школы четыре тополя.

Шестой «А» тотчас же схватился за лопаты и посадил шесть тополей.

Но когда сажал шестой «Б», погода была хорошая. А когда сажал шестой «А», шел дождь.

Вера Ивановна простудилась и заболела.

А Мария Петровна не заболела. Поэтому их кривая и пошла вверх. Прямо на Исаакиевский собор. Мария Петровна повела туда шестой «Б» на экскурсию.

Шестому «А» оставалось только возмущаться и кричать:

— Так нечестно! У нас Вера Ивановна заболела!

Две недели Вера Ивановна не возглавляла пионерской инициативы шестого «А». Но потом справедливость восторжествовала: Вера Ивановна пришла в школу, а Марию Петровну вызвали на какую-то конференцию по руководству пионерским движением.

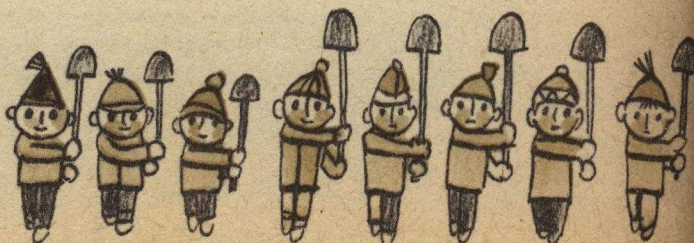
Шестой «А» срочно отправился в подвалы Казанского собора.

— Так нечестно! — завопили соперники. — У нас Мария Петровна на конференцию уехала!.. — И побежали жаловаться к старшей пионервожатой.

Так или иначе, у шестого «А» в графе «Пионерская инициатива» была приклеена голубая ракета.

А у шестого «Б» такой ракеты не было.

Хотя в их отряде были тоже очень инициативные и вполне самостоятельные ребята.

ленький и юркий. Он рассыпался на множество Звончков, и они так зашелкали Храпа, что тот едва ноги унес, а Миша проснулся.

Рисунки Ю. Клыкова

8

Рисунок О. Филипенко

КАК МЫШЬ ОБИДЕЛАСЬ

БУРЯТСКАЯ СКАЗКА

В лесу на высоком дереве жила-была Белка. И под этим же деревом, у самых корней, жила-была Мышь.

Белка все лето, всю осень скакала по ветвям, сушила грибы, собирала орехи, запасалась на зиму. Работала каждый день с утра и до ночи.

Мышь тоже готовилась к зиме, бегала всю ночь, хлопотала с вечера и до утра.

По зорям обе хозяйшкы встречались — одна спешила домой, другая из дома.

— Как поживаете там, наверху, уважаемая Белка?

— Живу хорошо, орехов заготовила полное дупло. А вы, Мышь, как внизу живете?

— Мои закрома тоже не пустуют, полны зерном.

Вот однажды ранним утром, когда небо побелело, луна потускнела и звезды растаяли, спешила Мышь к себе в норку и вдруг слышит, Белка плачет. Плачет, приговаривает:

— Ой, ой... Как буду жить? Сунул медведь лапу в дупло, все мои запасы съел. Как буду зимовать? Успею ли к зиме орехов собрать?

— Ох, Белка, — вздохнула Мышь, — мне тоже не сладко. Каждую ночь, бывало, я в свои закрома зерно из амбара таскала, а теперь посадили туда кошку. Еле-еле я убежала, чуть без хвоста не осталась. С горя кинулась в знакомую кладовку, а там все щели замазаны, все дырки заколочены...

— О-о, Мышь, да ты, оказывается, не лучше медведя, тоже, как и он, чужими запасами, чужими трудами живешь.

Мышь обиделась, очень обиделась. Она сказала:

— Не зря говорят, что живущий наверху не поймет того, кто ютится внизу. Не буду больше с тобой дружить.

И убежала.

— погоди, послушай! — крикнула ей вдогонку Белка. — Не в том разница, где кто живет, а в том, у кого какая повадка.

Пересказала Анна Гарф
Рисунок П. Швеца

5

4

ПО МОТИВАМ
ЯПОНСКОГО
ФОЛЬКЛОРА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В берегах уснуло море,
И листвою укрылся ветер.
Натянув туман на плечи
Дремлют горы. Спи, мой мальчик.

ПЕСЕНКА ФЛЕЙТЫ

Серый маленький мышонок
Быстро выскочил из норки.
Что случилось?

И медведь, хозяин леса,
Сам медведь спешит к полянке.
Что там будет?

Заяц, заяц, белый заяц,
Уши поднял белый заяц.
Что он слышит?

И красавица лисичка
Ушки тоже навестила.
Что же это?

Это маленькая Ая
На своей играет флейте.
Замерли и лес, и горы —
Все притихло.
И разносит горный ветер,
И разносит ветер леса
Звуки флейты.

2

ХРАБРЫЙ ЗВОН

СКАЗКА

На часах было двадцать минут девятого.
Будильник звонил всю, а Миша храпел.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказал будильнику толстый Храп. — Миша будет спать и опоздает в школу, я так хочу!

— Посмотрим, — ответил Будильник, и тотчас из-под его шляпки выскочил Звон. В каждой руке у него было по молоточку.

— Ах ты, такой-сякой! — рассвирепел Храп. — Ты меня ударить хочешь?! Сейчас я тебя раздавлю.

Но Храп был неповоротливый, а Звон ма-

7

СНЕЖНЫЙ ЗАЯЦ

Ком ослепительно
белого снега!
Снизу — побольше,
Маленький — сверху...
Красные ягоды
Будут глазами,
Листья бамбука —
Длинные уши.

Эй, полюбуйтесь
На снежного зайца!
Э-эй!

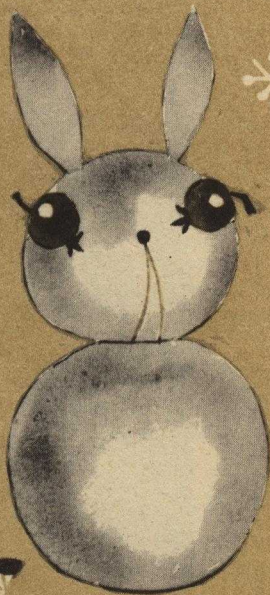

Рисунок
И. Шерешевской

6

ОБЛАКА

Эй, барашек!
Погоди!
Погоди, не улетай!
Нет барашка.

Стой, лошадка!
Подожди!
Эге-гей! Постой! Постой!
Нет лошадки.

Где ты, козлик?
Где же ты?
Подожди хоть ты меня!
Нет козленка.

Я зову их, я кричу,
Я догнать их всех хочу...
А они плывут
И тают
В небе синем.

Ефим Юдин

3

ТУРНИР-75!

Участники, на старт! Получайте задание третьего тура.

Шахматистам нужно потрудиться над двумя задачами Юрия Башлыкова (Белово). В первой (А) — мат в два хода, во второй — в три.

А. Белые: Kpd2, Ce2, Ke8, пп. а4, с3, с5, d4, d6, e3, f4, h2; черные: Kpd5, пп. d7, f5, f6, h3.

Б. Белые: Kph7, Фd1, Le1; черные: Kpf8, Ла8, пп. е7, f7.

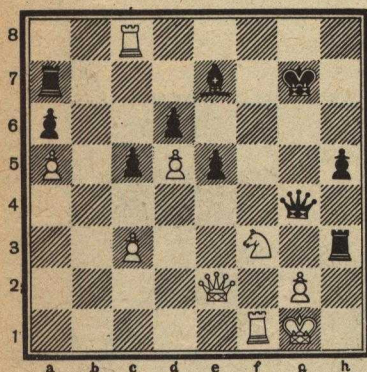
Шашисты, найдите пути к победе белых в концовках И. Кобцева.

А. Белые: с1, е1, f2, g3, h2, h6; черные: а3, с3, d4, е7, f8, g7.

Б. Белые: с1, d2, e3, f2, f4, g1, h6; черные: b4, b6, d6, f8, g5, g7, h2, h4.

В рапорте должны быть только ответы на турнирные задания. Все остальное — вопросы, просьбы, предложения, решения задач не турнирных и прочее — надо присылать в отдельном письме.

СЫГРАЙ В СИЛУ ГРОССМЕЙСТЕРА!

Претендент на звание чемпиона мира Карпов, играя белыми с мастером Золдосом, сделал в этом положении ход 1. К:е5. Мастер вздрогнул от неожиданности: что это — зевок? Ведь под ударом остался незащищенный белый ферзь! И ответил 1... Ф:с2, а через шесть ходов... получил мат.

Рыцарь, покажи этот мат, сыграй в силу гроссмейстера!

КОМИТЕТ „ВОПРОС—ОТВЕТ!“

«Я хочу участвовать в Турнире-75! как шашист. Но у меня не получаются решения. Что такое комбинация? Как найти путь к победе белых? Черные при этом играют хорошо или плохо?» — спрашивает Валерий Груздев.

Черные никогда проигрывать не хотят и сопротивляются, как только могут. Поэтому, отыскивая путь к победе белых, надо и за черных делать самые лучшие ходы. А комбинация в шашках — это вот что. Расставь шашки — белые: а1, а3, b2, с1, с3, е3, f2, g1, g3, h4; черные: а7, b6, с5, d6, d8, е5, е7, f6, g5, g7. В этой концовке (так называются составленные позиции, где к выигрышу ведет комбинация) киевского десятиклассника Владимира Химерика у белых есть единственный путь к победе: комбинация — 1. аb4! с:а3 2. cd2! (обрати внимание на то, как жертвами шашек белые готовят свой заключительный победный удар) 2... а:с1 3. cd4! Красиво, правда? Кажется, будто белые просто поддаются, а на самом деле... Впрочем, что получается на самом деле, — найди сам. И тогда поймешь, что такое шашечная комбинация.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Три прославленных оруженосца — Знай, Незнай и Полузнай — решили провести турнир. Сели за доску Знай с Незнаем. Играли, играли и получилось положение, где белые фигуры Зная стояли так: Kpf6, Фb5, Сb8, а у Незная остался только король. Незнай пыхтит, думает.

— Ну, что ты думаешь тут? Ведь мат уже тебе! — рассмеялся Знай. И верно: на доске стоял мат.

Тогда сели играть Знай с Полузнаем. Играли, играли, и тоже получилось положение, где белые фигуры Зная стояли: Kpf6, Фb5, Сb8. Точно так, как в предыдущей партии! Толь-

ко единственный черный король Полузнай стоял на другом поле.

— Вот и все! Мат тебе, — сказал Знай и сделал ход, дающий мат.

Затем сели сражаться Полузнай с Незнаем. И как ни удивительно, но опять возникло положение белых фигур (ими играл Полузнай):

Kpf6, Фb5, Сb8. И только единственный черный король Незная стоял не так, как в предыдущих партиях. К их столику подошел Знай.

— Ох, какой я хороший ход только что сделал! — похвастался Полузнай.

— Какой? — спросил Знай.

— Ферзем. Я сыграл Фb5.

— Ну и ход! Зачем же ты так пошел? Ведь теперь у вас пат получился. Ничья!

И вот задание готово: определи, где стоял черный король в первой партии, где во второй и где в третьей.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 1 решаются так.

Шахматы. А. 1. Фg1! и при любом ответе черных им — мат. Б. 1. Фа3! и при любом ответе черные получают мат.

Шашки. А. 1. с7! 2. bc5! 3. f24. е3Х. Б. 1. de5! 2. f2! 3. е5 4. е7Х.

За каждую верно решенную задачу Турнира-75! рыцари начисляют на свой счет 5 очков. Листок с учетом очков хранить до того, как его потребует главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ.

ПРИКАЗ № 3

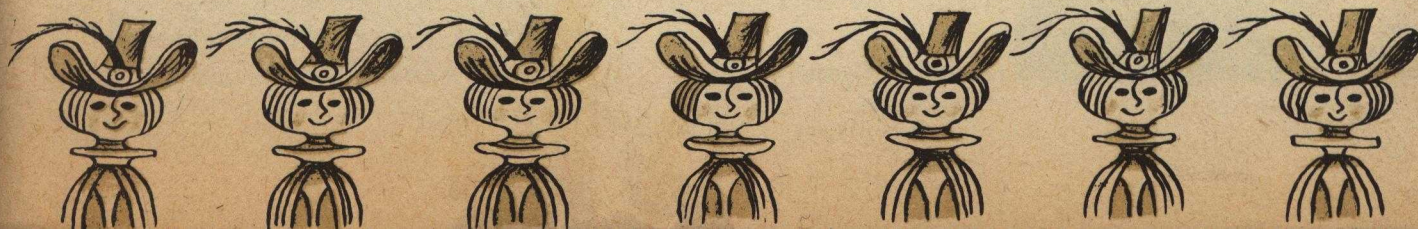
Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 1 мая.

§ 2. Рапорты писать на простых почтовых карточках и отправлять без конвертов.

§ 3. В верхнем левом углу открытки-рапорта обязательно указать номер тура и свой пароль (его каждый должен придумать сам — слово или фразу).

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ПАТЕФОН

Рисунки Т. Капустиной

Овсей Дриз

С незапамятных времен
Был у деда
Патефон.
Рукояткою блестящей
Заводился
Старый ящик.

Вот заводит дед
Машинку
И кладет на круг
Пластинку:

— Дети, слушайте,
Сейчас
Будет петь
Известный бас.

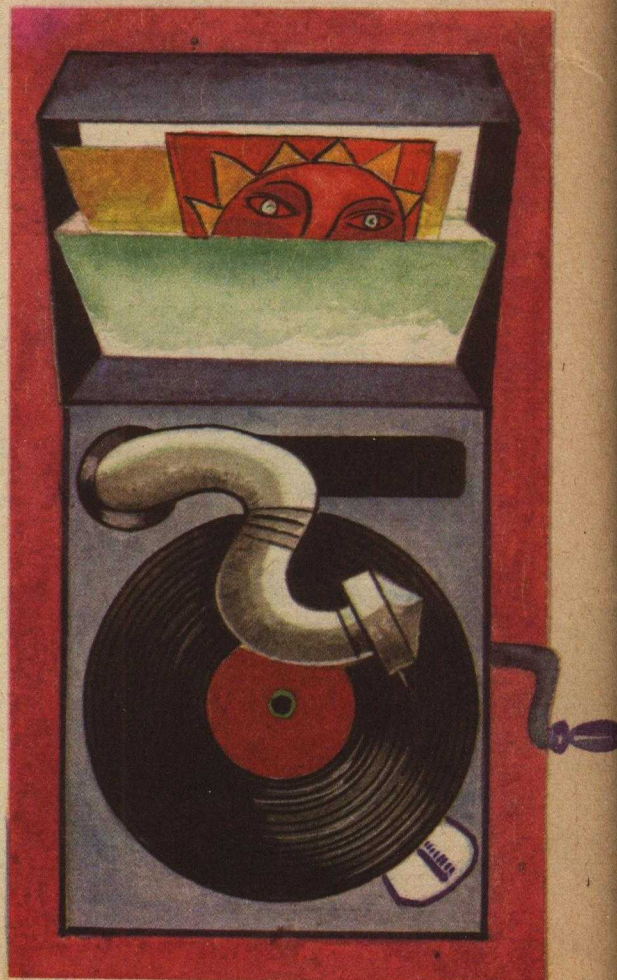
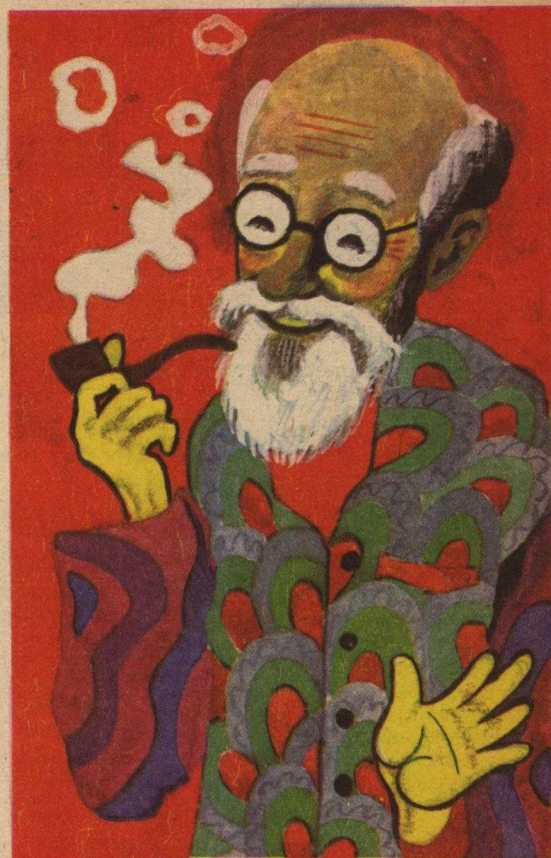
Но внутри у патефона
Будто каркнула
Ворона
И посыпался
Горох.
А потом раздался
Вздых:
— Ох!

Дед заметно был смущен.
Вновь завел он
Патефон.
Раздалось
Мычание.
И опять —
Молчание.

Дед был страшно возмущен.
Вновь завел он
Патефон.
Только вместо пения
Раздалось
Шипение,
Хрипение,
Икание
И даже заикание!

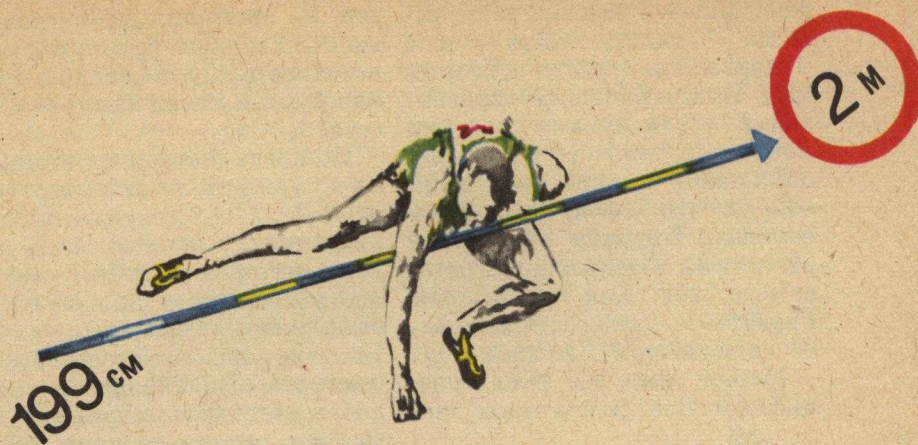
Ящик буйствовал,
Пока
Дед не дал ему
Щелчка.
Наконец-то
Грянул бас...
Так бывало
Каждый раз.

Перевел Г. Сагир

В прошлом году в городе Алма-Ата проходила Первая Всесоюзная конференция по проблеме «Психическая саморегуляция». Название вроде бы сухое, научное. Но если бы знали, что за ним скрывается! Один из участников этой конференции, член Научного Совета по кибернетике при Академии наук СССР Александр Михайлович Кондратов расскажет о ней. Верней о том, что имеет отношение к разговору, который мы начали в «Костре» № 1 под рубрикой «Ни дня без победы над собой».

Оформление Б. Петрушанского

ВНУШИ СЕБЕ РЕКОРД

СИЛЬНЕЙШИЙ ЛИ?

Спорт — дело чистое и честное. В спорте побеждает сильнейший. Все это знают. Но вот что значит «сильнейший»? В тяжелой атлетике — у кого больше силы? В беге — у кого больше скорости или выносливости и т. д. и т. п.? В том-то и дело, что все не совсем так просто.

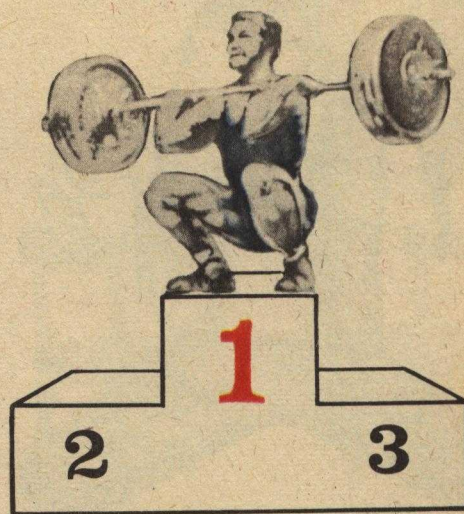
Наши штангисты — сильнейшие в мире, с этим никто спорить не будет. Но почему они проиграли Олимпийские игры в Мюнхене? Думаете, потому что были слабей зарубежных спортсменов? Ничего подобного! И Давид Ригерт, и его товарищи по команде вне всякого сомнения были сильней своих зарубежных конкурентов. Сильней физически. Но, как вы, наверное, читали, да и сами спортсмены об этом не раз говорили, сказался другой фактор — психологический. Слишком уж они хотели победить. А в результате — «нули» вместо золотых медалей.

А вот другой пример: Олимпиада в Риме. Негритянский спортсмен из Соединенных Штатов Америки Джон Томас был на голову выше своих конкурентов. На голову выше ростом (он почти двух метров) и

«на голову выше» по результатам, — чуть ли не на двадцать сантиметров прыгал выше всех в мире. И журналисты, и знатоки, и тренеры единогласно считали его победителем. А в результате? Сами, наверное, знаете — третье место, бронзовая медаль. Золотую завоевал Роберт Шавлакадзе, а серебряную — тоже наш земляк, Валерий Брумел. Почему? Да потому, что у них оказалось больше воли, больше желания победить, больше «бойцовского духа», чем у Томаса.

Но вот что самое замечательное в этой победе. Много лет наши прыгуны штурмовали двухметровую высоту. Но никак им она не покорялась. Словно заколдованной была: брали наши прыгуны и 195, и 198, и 199, и даже 199,8 см — два метра без двух миллиметров. А вот два метра ровно — ни в какую!

Больше того: на тренировках эту высоту они брали, когда тренеры не сообщали, что высота равна двум метрам. А как только узнают, что стоят те самые «заколдованные» 2,00, — и сразу техника ломается, разбег уже не тот, взлет не такой, как обычно. Наконец сразу двум прыгунам удалось «расколдовать» двухметровую вы-

соту. И тут — началось. Прошло не так уж много времени — и ленинградцу Юрию Степанову удалось установить мировой рекорд — взять 2 метра 16 сантиметров. А вслед за тем наши прыгуны добиваются олимпийских медалей.

В Риме сильнейшим — в смысле техники и результатов — был Джон Томас. А победил Шавлакадзе, и победил вполне заслуженно.

В Токио едва не повторилась «римская история». Только на этот раз с Валерием Брумелем. Всем было ясно, что Валерий прыгает лучше всех в мире. Но

пока он устанавливал мировые рекорды — в течение всего сезона! — видно, что-то в нем надорвалось, устал спортсмен. Когда начались соревнования, и накануне их, прыжки никак «не шли». И только необычайным напряжением воли, собрав все силы, мобилизовавшись, Брумель сумел преодолеть не только планку, но и самого себя. Как это было — прочитайте в книге «Высота», ее написал сам Валерий.

Может быть, все дело в специфике? Все легкоатлеты зна-

не я, а мой товарищ А. Лосев, — пробежал стометровку за 10,3 секунды. Тут-то бы мне и показать 10,2 — ведь на тренировках я бегал быстрее Лосева!

Но когда я старался это сделать, мой результат был равен не 10,2... а 11,2 секунды, на целую секунду медленней! И вообще быстрее, чем 10,7 секунды, мне ни разу пробежать в официальных соревнованиях не удалось. Ибо спринт не просто быстрота и техника, в нем побеждает не быстрееший, а тот, кто может проявить свои бойцовские качества на состязаниях.

Примеры можно приводить до бесконечности. Но ограничусь лишь еще одним. Вы, наверное, читали рассказ Джека Лондона «Мексиканец» или видели фильм по этому рассказу. Конечно же, прославленный Денни Кей был сильнее героя рассказа. Но победил не он, а мексиканец, ибо дрался он за революцию, а не за личное благополучие. Его воля и мужество победили технику и силу!

ЧУДЕСА БЕЗ ЧУДЕС

Нет, никто не говорит, что техника и сила в спорте не нужны. Напротив, их надо совершенствовать ежедневно. Но слово это лучше взять в кавычки, ибо в этих «чудесах» нет ничего чудесного, сверхъестественного.

Вспомним индийских йогов. Они могут многие дни проводить без сна, без пищи, без воды. Могут приводить себя в такое состояние, когда на них ничто не действует, даже боль...

Вы, может быть, думаете, что только йоги могут творить чудеса? Ничего подобного! На экранах нашей страны с большим успехом прошел фильм «Индийские йоги, — кто они?» Может быть, вы его видели в кинотеатре или по телевидению. Не знаю, как на вас, но на меня и моих коллег самое сильное впечатление произвели не косматые индийские йоги, а наши соотечественники. Нет, не таинственные йоги, а ученики и ученицы доктора Александра Се-

меновича Ромена из Алма-Аты. Они могут внушить себе: «не больно!» — и спокойно вкалывают длинные спицы в руку. Смотреть страшно, а им хоть бы хны!

Кстати сказать, алма-атинские штангисты и борцы говорили мне, что Ромена никто не может одолеть в состязании «на силу»: когда человек упирается локтем руки в стол и пробует положить руку соперника. Конечно же, силы у штангистов или борцов куда больше, чем у врача-психиатра Ромена. Но он внушает себе, что его рука «каменная», и она становится такой. Положить ее нельзя — можно только сломать.

КЛЮЧ К СПОРТИВНЫМ ДОСТИЖЕНИЯМ

Понятно, какие огромные возможности открывают самовнушение и самогипноз перед спортсменами и тренерами. Опыты ведутся в разных странах мира. В том числе и у нас, в СССР. Целый ряд докладов на конференции в Алма-Ате

ют, что прыжки в высоту — это борьба не только техники и умения, но и нервов. Но вот другой вид спорта — бег на короткие дистанции, спринт. Здесь автор знает по собственному опыту, что побеждает не быстрееший, а тот, кто сумеет именно в данное время, на данном соревновании мобилизовать себя и показать все, на что способен. На тренировках я бегал в компании с другими учениками профессора Дмитрия Павловича Ионина. И выигрывал у них старты, быстрее пробегал отрезки «с хода». Но рекорд Ленинграда установил

был посвящен теме «Самовнушение и спорт». Практика показывает: благодаря самовнушению, самогипнозу можно научиться быстрее кататься на

коньках или играть в шахматы. «Самовнушенные» борцы уверенней проводят схватки, боксеры лучше и техничнее боксируют, легкоатлеты уверенней стартуют... Приборы показали: благодаря самовнушению время реакции у человека сокращается. Любому ясно, как это нужно для спортсмена, — сделать реакцию мышц более быстрой!

Опыты в основном проводились со спортсменами-разрядниками или только начинающими свой путь в спорте. Почему? Да потому, что «самовнушением» опытные мастера и без того пользуются. Только самовнушение это «самодельное», не научное. У легкоатлетов есть «любимые шиповки», в которых они устанавливают рекорды. Многие мастера верят в «счастливые» и «несчастливые» номера, под которыми им выпадает жребий стартовать. Команды футболистов и хоккеистов — даже те, что выступают на первенствах мира! — иногда имеют «талисманы», вроде щенка или выпела. А вспомните своеобразную церемонию, что проводят многие команды на первенствах мира по хоккею!

Что это — предрассудки? Конечно, да. Ведь никакой «счастливый номер» не поможет слабому бегуну или прыгуну выиграть у сильного, «церемонии» зарубежных хоккеистов не дают им победы над советскими мастерами. И все-таки многим спортсменам всякого рода «приметы» и «церемонии» помогают лучше настроиться перед стартом, не робеть перед сильным противником и т. д. Словом, дело здесь не в «примете» или «счастливом номере», а в самом человеке, в его психике.

Мы часто говорим и слышим о том, что такой-то спортсмен «проявил волю к победе», а такой-то «не проявил». Но давайте задумаемся: что это значит — «проявил», «не проявил»? Неужели бегуну, пришедшему к финишу последним, не хотелось быть первым? Неужели золотую олимпийскую медаль не мечтает завоевать каждый участник Олимпийских игр? Всем

хочется быть первыми, хочется стать чемпионами. И все участники соревнований стараются это сделать, но... не только одна физическая подготовка позволяет добиться успеха. (Помните, с этого начинался наш рассказ.) Но одно дело «хотеть», другое — «мочь», одно дело стараться «проявить волю к победе», и совсем другое — проявить ее в действии. Вот этому-то и стараются научить спортсменов ученые, занимающиеся проблемами самовнушения и самогипноза.

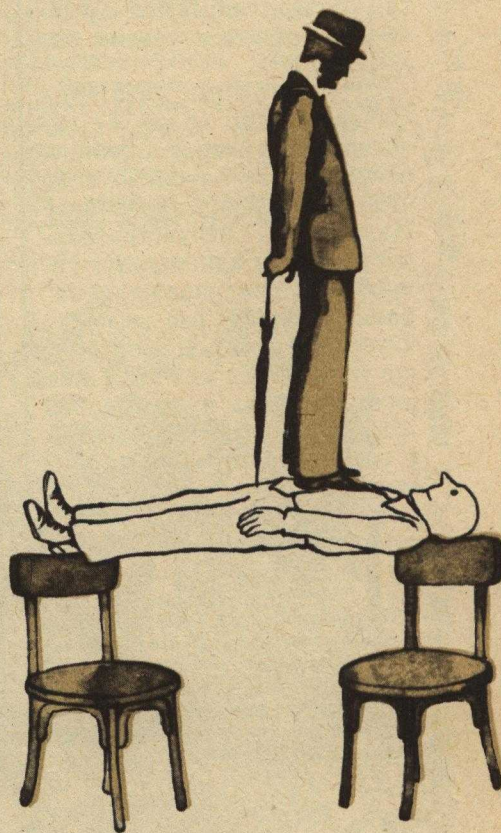
Возьмем, например, умение расслабляться. Оно нужно всем спортсменам. И перед стартом, и между попытками, и во время выполнения упражнений, когда неработающие мышцы «отключаются». Но одни спортсмены расслабляются хорошо, вторые — так себе, третьи — плохо, а четвертые вообще не умеют делать этого — и проигрывают гораздо более слабым противникам. Между тем техника самогипноза помогает полностью расслабиться, — так, что даже собственное тело, от макушки до кончиков пальцев, перестает ощущаться!

У опытных мастеров, много лет выступающих в соревнованиях, уже сложились свои «традиции», свои приемы самовнушения. Конечно, им трудно перестроиться и выполнять его по всем правилам науки. Да и вряд ли нужно «ломать» опыт, накопленный годами. Другое дело — молодые, начинающие спортсмены. С ними-то и ведут работу в Москве, Алма-Ате и ряде других городов нашей страны как тренеры, так и специалисты по самовнушению. Кто знает, может быть, не за горами время, когда олимпийскую медаль сможет завоевать не просто «сильнейший», но тот сильнейший, кто лучше других владеет и техникой самовнушения. (Разумеется, техника избранного вида спорта прежде всего должна быть на высоте!)

Спортивные соревнования проводятся с древнейших времен: вспомним об олимпиадах древних греков, о состязаниях на празднествах самых разных народов мира. Но только в конце прошлого века замечатель-

ный русский ученый и педагог Петр Францевич Лесгафт начал создавать основы науки о физическом воспитании. В первой половине нашего века ученые разработали научную методику спортивных тренировок. Родилась особая дисциплина — физиология спорта. А вслед за ней пришел черед и психологии спорта. Она делает лишь первые шаги.

Когда-то ученые пробовали определить «предельные ре-

зультаты», такие, выше которых быть не может, непобиваемые рекорды. Считалось, что они — предел возможностей человеческого организма. В наши дни большинство этих «рекордов» отвечает нормативам первого спортивного разряда. А настоящие рекорды мира намного превышают эти «предельные результаты». Почему ошиблись ученые? Да потому, что они меряли возможности организма человека своей меркой. Когда на помощь тренерам и спортсменам пришла современная техника, когда они стали применять новые методы

тренировок, результаты резко подскочили вверх...

В наши дни иногда вновь ведутся разговоры о «пределе человеческих возможностей» и о том, что многие рекорды мира близки к этому пределу... Наука о самовнушении показывает, что на самом деле возможности нашего организма безграничны. Найти ключ к скрытым резервам, чтобы они проявились в спорте, — такая увлекательная задача науки наших дней, — науки, где тренер, спортсмен и ученый работают в тесном содружестве.

...Ну а как вы, читатели? Наверное, вам сразу же захотелось проверить себя и попробовать внушить себе что-нибудь необыкновенное? Например, нечувствительность к боли или холоду? Не пробуйте, предупреждаю заранее: ничего у вас не получится. Почему? Да потому, что заниматься вам этим еще рано. Сначала надо освоить азы. Азы же эти начинаются с самых малых дел, например с утренней зарядки, с умения не волноваться у доски, отвечая учителю.

О самовнушении рассказывают статьи, что публикуются в журнале «Знание — Сила» и газете «Неделя». В прошлом году в издательстве «Знание» вышла книга врача-психиатра Владимира Леви «Искусство быть собой».

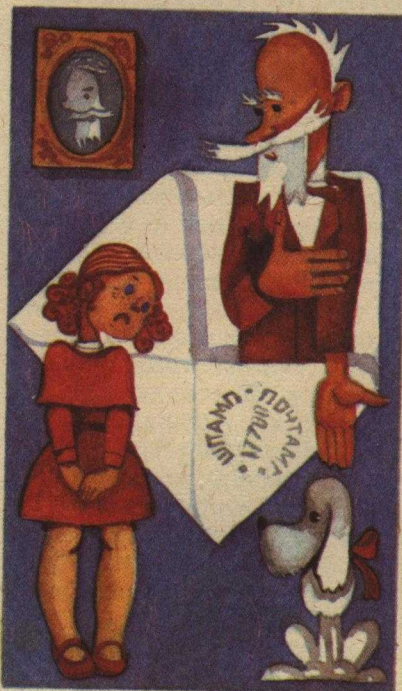

Рисунки
Ю. Лохмачева

СКРОМНОСТЬ

К английскому писателю Бернарду Шоу обратилась юная поклонница с письмом, в котором просила разрешения назвать подаренную ей собачку «Шоу». Писатель ответил:

— Дорогой мой маленький друг, я очень польщен вашим предложением. Но не забыли ли вы спросить согласия у собачки?

УТЕШИЛ

Во время полета из Парижа в Варшаву польский киноактер Збигнев Цибульский заметил, что сосед по креслу дрожит от страха. Цибульский решил приободрить соседа:

— Полет на самолете в наши дни — пустое дело. Даже езда на автомобиле и то опаснее. Мой приятель как-то ехал на автомобиле по шоссе, как вдруг какой-то самолет свалился ему на голову.

СОДЕРЖАНИЕ

Две горсти земли
очерк В. Того
рисунки В. Харшака

Поход „Курс — Победа!“

Подарок

рассказ В. Оамера
рисунок Ю. Шабанова

Песня о первом подснежнике
музыка Ю. Корнакова
слова В. Верховского

Друг на всю жизнь
к 50-летию
„Пионерской правды“

Мост
письма с БАМа
Г. Ковенчука

Шла война народная

Барабан
журнал юнкоров

Наставница

зарисовка Г. Князева
Поймать мгновение
фотоэтюды
Леонардаса Скирпстаса

Морская газета

Сундучок, в котором что-то стучит

сказка В. Аксенова
рисунки
М. Беломлинского

Работа на десять веков
к 500-летию
со дня рождения
Микеланджело
Буонаротти

Зеленые страницы
ведет писатель
Н. Сладков

Арифметика пятилетки
очерк В. Абчука
рисунки Ю. Иванова

Цирк

рассказ М. Данини
рисунки В. Топкова

Украли мед

рассказ Л. Семина
рисунок А. Орлова

Самостоятельная история
фельетон В. Суслова
рисунки Г. Ясинского

Уголёк

журнал для малышей

Арчебек

шахматы и шашки

Патефон

стихи О. Дриза
рисунки Т. Капустиной

Внуши себе рекорд
очерк А. Кондратова
оформление
Б. Петрушанского

На обложке рисунок О. Давыдовой

ПЕРЕПУТАННЫЕ ПОДАРКИ

Торопясь разослать подарки к 8 Марта, наши друзья, как всегда, перепутали имена на бандеролях и этикетках с посылками. В результате все четыре их адресата: Алиса из Страны Чудес, Вещая птица Сорока, Бабушка Яга и Маша-Искусница были озадачены. Никто из них не получил свою книгу и подарок.

Алиса, которая любит кроить и шить, обнаружила в бандероли «Кулинарную книгу», предназначенную Вещей птице Сороке — любительнице варить кашу. В посылке Алиса нашла набор крючков и вязальных спиц, о котором давно мечтает Бабушка Яга, получившая вместо спиц пальцы — мечту Маши-Искусницы, любительницы вышивать. А Маша с удивлением вынула из бандероли не-

Составил и оформил
В. Уфлянд

нужное ей пособие
«Кройка и шитье».

Кто из четверых получил книгу «Вязание и его техника», «Пособие по вышивке», швейную машину и электрокашеварку?

В прошлом выпуске странички «За семью печатями» вы могли видеть «ТЕЛЕПЛИТУ», самостоятельно изобретенную в разных концах страны одновременно четырьмя хитроумными изобретателями: ИННОЙ АРСОБА, ВИТЕЙ ФУРСОВЫМ, ЛЕНОЙ ГОНИСКИНОЙ и ВОЛОДЕЙ ПАПЕНФРУТОМ. А сегодня, прочтя реbus-вывеску, каждый имеет возможность ознакомиться с моделями многопрограммных телевизоров по проектам МАРИНЫ МАЛОВОЙ и неизвестного изобретателя из Ярославля. Проходят испытания «ВИЛО-НОЖНИЦЫ» САШИ ЗОРИЧЕВА,

«ЛОЖКА ДЛЯ ДВОИХ» ЖЕНИ ВЫРСКОГО, «ОЧКИ-РАЗНОЦВЕТКИ» ЛЮДЫ ФИЛИППОВОЙ и Г. КОЛОСОВОЙ, «УТЮГ НА КОЛЕСАХ» ЛЕНЫ БОНДАРЕНКО, «БАЛАЛОЖКА» ОЛИ НЕФЕДОВОЙ, «БЕЗРАЗМЕРНАЯ ТАРЕЛКА» ВЛАДИМИРА ВАХРУШЕВА, «ДВОЙНЫЕ ИГОЛКИ» ЛИЗЫ КАГАН, «ИГЛОНОЖНИЦЫ» МАРИНЫ П., «РУЧКОМОЛОТОК» Д. ЖАБОВА и «ВЕЧНАЯ РУЧКА» САШИ СЫЧЕВА, «НИТЕБИНОКЛЬ» АЙМАРЫ АХМЕТШИНОЙ.

РОЯЛЬ ДЛЯ ОДНОВРЕМЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ ДВУХ РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ изобрели САША МО-

СИН и САША КРИСТОВСКИЙ, а по замыслу ЛЕНЫ ФОМИНОЙ и ТАМАРЫ МАЛИНИНОЙ он оборудован дополнительными приспособлениями.

Хорошо действуют на сквозняке «ВЕТРЯНЫЕ ЧАСЫ» Ф. ЧАЛАЛЕТДИНОВОЙ. Навевает прохладу и тепло «САМОВЕНТИЛЯТОР» САШИ КУЗИНА. Привлекают внимание «КОШЕЛОВКА» СЕРЕЖИ СОКОЛОВА, «МЕТОЛОПАТА» СВЕТЫ БЕЛАВИНОЙ и «ВЕСЛОПАТА» ВИТЫ ГРАМОТИНОЙ, «САЧКОУДОЧКА» ВЕНЕРЫ НУЖИНОЙ с насадкой на электроугря конструктора ВОВЫ ПУДОВА.

Гном-Гастроном по случаю праздника принялся готовить некое кондитерское изделие. Рецепт он, разумеется, зашифровал, чтобы не так-то легко было проникнуть в тайны его кулинарного искусства. В первом слове названия, помещенном в кругу с секторами, надо найти недостающие буквы. Второе слово составлено из начальных букв предметов, веществ, планет, созвездий и т. п., обозначенных символами и знаками. А во всех названиях продуктов и утвари, нужных для приготовления, нарочно перепутаны.

ИЗ XXIV ТОМА
СОЧИНЕНИЙ ТНОМА-ТАСТРОНОМА

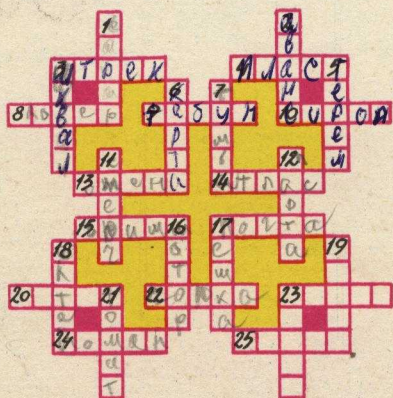
ГРАМИРАН — 250 г, ВОГОРТ — 250 г, КУАМ — 2,5 стакана, ХНЫРАСАЙ КОСЕП — 100 г. Смешать ГРАМИРАН, ВОГОРТ и КУАМ. Получившееся ТЕТОС раскатать, нарезать кружочками, обвалять их в КЕСЕП. Затем положить кальку на ТОПРЕНЬИВ, на кальку положить кружочки и печь в ЕКУВХОД на медленном огне.

КРОССВОРД. Автор Аня Джуринская из села Игнатовка Винницкой области.

По вертикали: 1. Один из продуктов питания. 2. Плата вперед. 3. Порыв ветра. 5. Богатый дом в Древней Руси. 6. Чертеж земной поверхности. 7. Столбик у тротуара или дороги. 11. Сильный вихрь. 12. Школьная мебель. 16. Двигатель. 17. Шахматная фигура. 18. Исполнитель ролей. 19. Представитель народности РСФСР. 21. Помидор. 23. Народный танец.

По горизонтали: 3. Место добычи полезных ископаемых. 4. Слой горных пород. 8. Художественное тканое изделие. 9. Стадо лошадей. 10. Раствор сахара. 13. Молодежный журнал. 14. Сборник географических карт. 15. Фамилия немецких сказочников. 17. Учреждение

связи. 20. Ансамбль из 8 исполнителей. 22. Вид возвышенности. 23. Огородное растение. 24. Литературный жанр. 25. Часть парашюта.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 2.

1. Обозначим год рождения бороды Хуссейна так: 19ХУ. Тогда: $1+9+Х+У=75$ ($10 Х+У$). Отсюда: $11Х+2У=65$. $Х=У=5$. Год рождения 1955. Бороде 20 лет.

2. Наименьшее число кусков 8. 2 по 200 г. 2 по 150 г. 2 по 100 и 2 по 50 г. Из них можно составить 4 порции по 250 г и пять порций по 200 г.

Музыкальные ребусы: Фасоль, Доля, Море, Домик, Сирень, Лось, Милля, Фамилия, Имя.

Кроссчайнворд: 1. Камертон. 2. Нота. 3. Альт. 4. Такт. 5. Тоника. 6. Алябьев. 7. Вальс. 8. Стаккато. 9. Октава. 10. Ария.

„ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ“

Рисунок
Л. Каминского
Стихи
Вольта Суслова

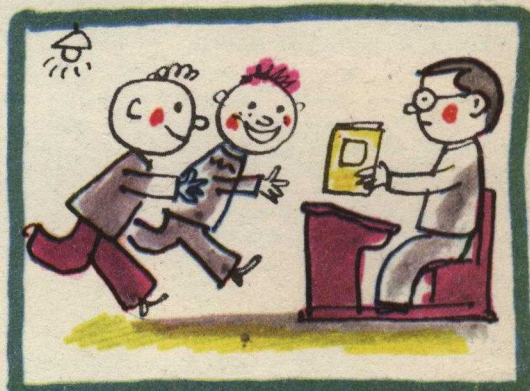
1. Один пошел в кино из школы...

2. Другой — гонял до ночи мяч.

3. А третий сделал пять задач,
Потом сидел, учил глаголы.

4. Едва пришел он утром в класс,
Друзья бегом к нему тотчас:
— Решил задачу? Дай списать!

5.

6. — Где наша общая тетрадь?!

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина (и. о. отв. секретаря), А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломликий

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются.

М-22035. Сдано в набор 4/XII 1974 г. Подписано к печати 28/II 1975 г. Формат 60×90 $\frac{1}{4}$. Печ. л. 8+обл., уч.-изд. л. 8,8. Тираж 550 000 экз. Заказ 3682. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.